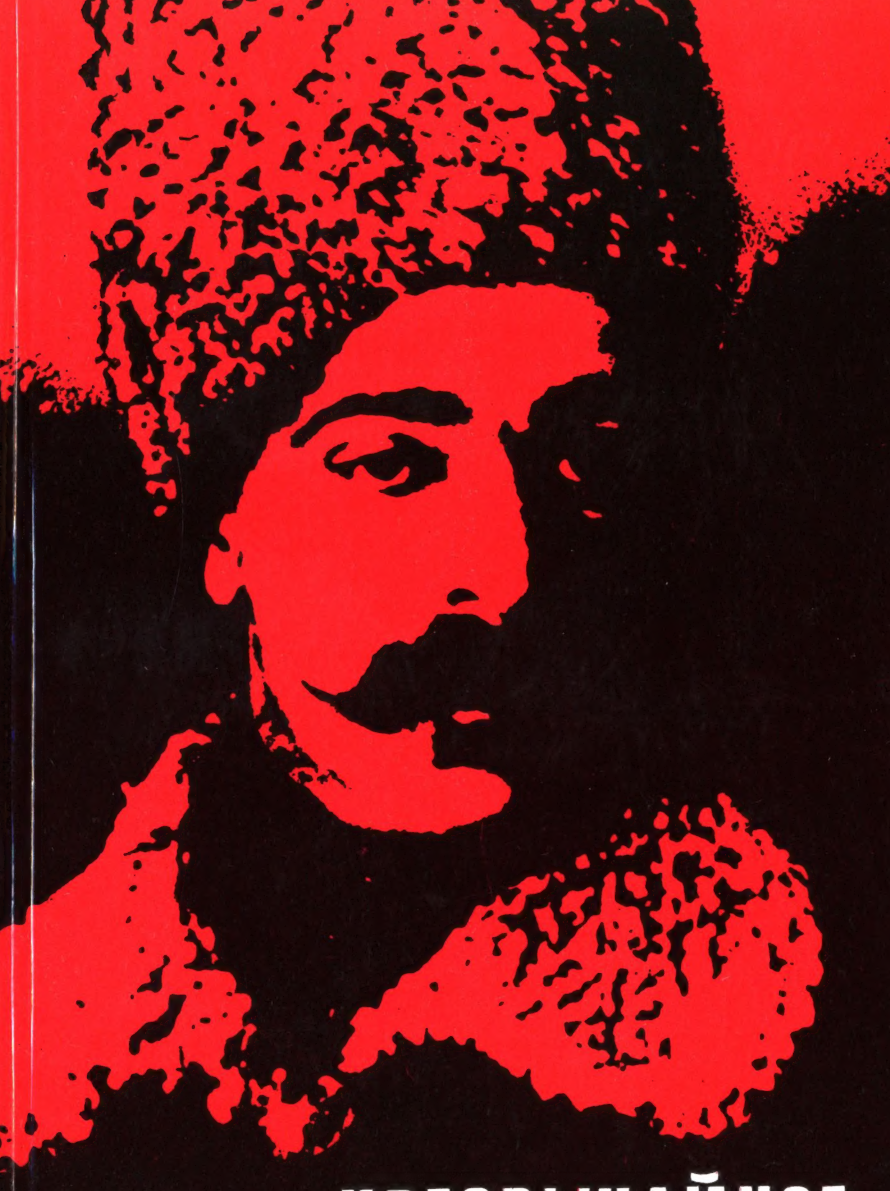

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

БОРИС ВИНОКУР

БОРИС
ВИНОКУР

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Издательство политической литературы
Москва · 1974

3КП1(092)
В49

Винокур Б. И.

В49 Чрезвычайное поручение. Докум. повесть. М., Политиздат, 1974.
207 с. с ил.

Судьба героя книги Леона Попова романтична и увлекательна. Сколько опасностей пережил он, находясь в подполье, выполняя различные поручения партии! До 1917 года Попов возглавлял большевистскую фракцию Западного фронта. А потом вместе с Фрунзе организовывал в Белоруссии отряды Красной гвардии. В Москве он участвовал в подавлении мятежа левых эсеров, в ликвидации заговора Савинкова. В 1919 году Попов выехал на Восточный фронт с чрезвычайным поручением партии...

Обо всем этом и рассказывается в книге, написанной журналистом Б. Винокуром.

Книга предназначена для массового читателя.

В $\frac{10203—073}{079(02)—74}$ 116—74 3КП1(092)

«ДЕЛО НАШЕЙ ПАРТИИ БЫЛО ДЕЛОМ ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ»

Эти слова выгравированы золотом на огромной плите. Она возвышается на опушке леса в городе Ишиме Тюменской области. На той же плите — бронзовый горельеф и надпись: «Член КПСС с 1904 года, первый председатель ЦК Российского общества Красного Креста Леон Христофорович Попов».

По обе стороны памятника — две серебристые ели, у подножия — свежие цветы. Они здесь всегда — летом и зимой, весной и осенью. Сибиряки чтут память человека, погибшего в их городе в 1919 году при выполнении чрезвычайного поручения Центрального Комитета партии.

А совсем в другом конце страны, в городе Белгород-Днестровском Одесской области, на фасаде дома № 16 по улице Пушкина установлена мемориальная доска. На ней тоже золотыми буквами написано: «Здесь жил революционер Леон Христофорович Попов».

Прошли с тех пор десятилетия. Но история сберегла многое о человеке, отдавшем жизнь революции. В 1971 году в Белгород-Днестровском при ремонте дома, в котором некогда жил Попов, был обнаружен тайник. В нем хранились двадцать четыре экземпляра первых номеров газеты «Искра», типографские оттиски статей В. И. Ленина, листовки, тетради с шифрами тайнописи, а также кодовым ключом, конспекты речей. Находка словно бы заново воскресила образ большевика-ленинца, помогла воссоздать многие давно забытые страницы его героической жизни.

Эта книга рассказывает о судьбе коммуниста, беспредельно верившего в светлое будущее своей Родины. Она посвящена памяти Леона Христофоровича Попова.

ФРОНТ

МИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Непрерывно шел мокрый снег. Он тут же таял, смешиваясь с жидкой грязью дороги. Только вдоль леса снег удерживался на земле, но был весь словно в оспах от проступавшего чернозема. По дороге тряслись подводы, покрытые брезентом, из-под которого торчали ружья, санитарные повозки. Они скрипели, покачивались, а за ними, сбив строй, в промокших шинелях, с мешками на спинах шли люди. Время от времени кто-нибудь из первых рядов упирался руками в еле ползшие телеги, и тогда слышались уставшие, нетерпеливые голоса: «А ну, пошел, пошел!» Лошади начинали фыркать еще злее, из-под копыт с хлюпаньем разлеталась грязь, подводы вздрагивали и волочились потом чуточку быстрее. А где-то позади, за деревушкой, видневшейся уже неясными силуэтами, все еще гулко ухали орудийные раскаты.

Иногда мимо колонны проносились всадники. Люди сбивались на обочину, что-то кричали, махали руками, а всадники, обдав всех липкой грязью и ни на кого не обращая внимания, продолжали мчаться вперед в сторону Минска.

Один из всадников проскакал совсем рядом с колонной. Он был на перепачканной рыжей лошади, в кожаной куртке, в белой, глубоко надвинутой папахе. Попов заметил его только со спины, когда на изгибе дороги тот на полном ходу чуть было не столкнулся с орудийной упряжкой. Рыжая лошадь встала на дыбы, неистово заржала, но после хлесткого удара нагайкой опять перешла в галоп и вскоре скрылась за поворотом.

Попов был убежден, что уже не раз видел этого атлетически сложенного всадника, не раз любовался его красивой и смелой ездой. Но где они могли встречаться, когда?

Попов с трудом шел по разлившемуся месиву дороги и все никак не мог выбросить из головы рыжую лошадь и ее всадника. Какое-то тревожное чувство овладело им, и он не переставал думать, где все-таки встречался ему этот человек. И наконец вспомнил. Под Бобруйском... Года три назад. Попов служил тогда врачом в полковом лазарете десятой царской армии Западного фронта. В том же полку служил и некий Гильданов, считавшийся среди офицеров самым лихим наездником. Кто-то говорил Попову, что Гильданов был даже одно время жокеем, работал на ипподроме то ли Кишинева, то ли Одессы. Но что он делает здесь, как оказался среди отрядов красногвардейцев, отступающих к Минску после тяжелых боев с немецкими войсками и польскими легионерами?

Дорога уже выбралась из-за леса и шла теперь через пашню. Задул пронизывающий ветер, и косой мокрый снег безжалостно хлестал по лицу. Впереди за голыми холмами опять показалась какая-то деревушка. Вдруг за теми холмами как кнутом хлестнули выстрелы, что-то загрохотало, заухало. Со стороны деревни столбом повалил дым, но снег и ветер прибили его, и дым, прильнув к земле, расползся по пашне. Стрельба затихла так же неожиданно, как и началась.

Вестовой круто осадил коня, соскочил на дорогу и подошел к Попову. Какое-то время они шли рядом, о чем-то переговариваясь. Потом, получив указания, вестовой ускакал к головному отряду. Через несколько минут вся колонна свернула вправо от деревни, двинулась прямо по пашне к оврагам, а по ним — к лесу.

Попов опять вернулся к мыслям о Гильданове. Вспомнил первый разговор с ним. Он произошел вскоре после того, как в июне тысяча девятьсот шестнадцатого года приказом командующего Западным фронтом Попов был награжден орденом святой Анны третьей степени. В тот день в полк приехал священник армии и пожелал, чтобы представленный

к награде непременно с ним сфотографировался. Попов приколол к гимнастерке еще и святого Станислава, полученного полгода назад, и предстал со священником перед фотоаппаратом.

Под вечер, после дежурства, Попов по узенькой тропке, шедшей от лазарета, спустился к речке. Только улегся на берегу отдохнуть, как услышал чьи-то шаги. Через густые заросли черемухи к нему пробирался один из офицеров полка. Попов не был с ним знаком, но знал, что он служит в штабе.

— Капитан Гильданов,— представился тот.— Какой чудесный уголок! Разрешите с вами поскучать здесь?

Гильданов сдвинул кобуру на живот и лег на траву.

Сначала они несколько минут лежали молча, любуясь загоравшимся закатом. А потом вдруг Гильданов спросил:

— Вас не мучает совесть, что сфотографировались со священником?

Попов удивленно посмотрел на него, но промолчал.

— Вы ведь, я знаю, большевик. А большевики отрицают религию. Как же на такое решились?

Попов достал кисет, отсыпал себе табаку и предложил кисет капитану.

— Благодарю. Только что курил.— Гильданов ехидно усмехнулся.— Боитесь откровенности, Леон Христофорович? Впрочем, понимаю вас. В вашем положении осторожность необходима. Однако смею заверить: я не из числа тех, кто свою карьеру строит на доносах. Хотя мне никакого труда не стоило бы доказать армейской контрразведке, кто вы есть на самом деле — руководитель большевистской фракции Красного Креста Западного фронта и неплохой конспиратор. Отдаю должное: ордена ловко зарабатываете.— Гильданов сделал паузу, пытаясь понять, какое впечатление сказанное им произвело на Попова.

Но Леон Христофорович невозмутимо раскуривал «козью ножку».

— Я знаю и кое-что из вашей одесской жизни. И как видите...

— Не продали меня,— спокойно, даже шутя перебил его Попов.— Что же заставило вас по-рыцарски отнестись ко мне?

— Я хотел серьезно поговорить, а вы прикидываетесь невинной барышней.— Гильданов встал, делая вид, что обижен.— Впрочем, вам ведь наплевать на Россию. А я ни за какую вашу революцию не хочу капитуляции. Я боевой офицер и буду драться до конца. Да, до победного конца! И сколько большевики ни агитировали за наше поражение в войне с немцами, никогда с этим не соглашусь. А не выдал вас по простой причине. Одному ведь богу известно, чем все это кончится. Может быть, и ваша возьмет. Тогда и про меня, Викентия Гильданова, вспомните.

Попову стало противно от этих последних его слов. «Жалкий трус,— подумал он.— Приспособленец».

После такого разговора Попов старался не встречаться с Гильдановым. Несколько раз им приходилось все же сталкиваться в штабе полка. Леон Христофорович подчеркнуто вежливо, однако и достаточно сухо здоровался, давая понять, что очень занят и торопится в лазарет. Попов, разумеется, думал о том, что рано или поздно Гильданов может выдать его, хотя у капитана, как полагал Леон Христофорович, не было никаких доказательств. В этой ситуации продолжать знакомство с ним значило показать свои опасения.

Через некоторое время лазарет, в котором служил Попов, перевели на передовую, и он больше не видал капитана. Но спустя более года они встретились вновь — под Минском в ноябре тысяча девятьсот семнадцатого года.

Как и сейчас, тогда через Минск, его губернию и соседние города проходила линия фронта. Сюда, под крылышко ставки верховного главнокомандующего старой армии, сбежались со всех концов страны белогвардейцы. Они старались, как только могли, помешать установлению Советской власти, вели с ней открытую вооруженную борьбу.

Генеральское гнездо ставки, находившееся в Могилеве, стало центром притяжения всех контрреволюционных сил. В город сбежались не только

белогвардейцы, но и главари меньшевиков, эсеры, члены свергнутого Временного правительства. Вокруг ставки группировались и такие темные силы, как Всероссийский военный союз, Союз офицеров армии и флота, Военно-промышленный комитет. Дипломаты и представители военных миссий Англии, Франции, США помогали контрреволюционерам разрабатывать планы свержения Советской власти.

Ставка начала активные действия.

В начале ноября верховный главнокомандующий старой армии генерал Духонин отказался выполнить требование Совнаркома — провести переговоры с командованием немецких войск о перемирии с тем, чтобы подготовиться к заключению договора. Вместо этого Духонин дал сигнал к началу мятежа против Советской власти. Он освободил из Быховской тюрьмы ярых контрреволюционеров, в том числе и генерала Корнилова.

На борьбу с контрреволюцией выступила Красная гвардия Белоруссии, в подготовке отрядов которой самое активное участие принимал Попов. Он был тогда членом Минского комитета РСДРП(б) и членом Минского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Вместе с Красной гвардией действовали солдаты революционных войск Западного фронта и прибывший сюда отряд, сформированный по инициативе Владимира Ильича Ленина. Отряд состоял из солдат Литовского полка, моряков Балтийского флота и питерских рабочих.

Во второй половине ноября отряды Красной гвардии и революционные войска, действуя по согласованному плану, начали окружение Могилева. С севера на город наступал отряд, который был создан по указанию Ленина, и Минский отряд под командованием бывшего батрака из Лифляндской губернии Рейнгольда Иосифовича Берзина. С запада двигался Полоцкий отряд, а с юга по железной дороге через Жлобин — еще один отряд красногвардейцев Минска.

В ставке началась паника. Духонин решил вырваться из кольца и перевести штаб контрреволюции в Киев, где тогда хозяйничала буржуазная Центральная украинская рада. Но не суждено было осуществиться этому плану.

Красногвардейцы и революционные войска замкнули кольцо. Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов перешел в руки большевиков. Генерал Духонин и его свита были арестованы.

Однако контрреволюция не сдавалась. Предстояли еще жестокие, смертельные схватки с Корниловым.

По той же дороге, по которой шел сейчас Попов, он уходил тогда, в начале зимы, из Минска с красногвардейцами в район Суража, где предстояли решающие бои с корниловцами. И тогда тоже валил мокрый снег, была распутица, скрипели подводы.

В нескольких километрах от станции Унеча красногвардейцы остановились и стали готовиться к бою.

Пробираясь через цепи бойцов, Попов посмотрел в бинокль в сторону неприятеля и заметил генерала Корнилова. Тот стоял на почтительном расстоянии от позиций красногвардейцев на стоге сена и тоже смотрел в бинокль. Потом он вдруг махнул рукой, и тут же галопом из оврага выскочили конники. Они прижимались к гривам лошадей, размахивали саблями, исступленно орали. По степи пронесся истошный вой. Обезумевшие лошади летели вперед, и через минуту только что белая от снега степь превратилась в огромное грязное пятно.

Лошади с вытянутыми мордами были совсем близко. Попов уже ясно различал смуглые, с торчащими усами казачьи лица, белые папахи, полосатые бешметы. Казалось, вся степь покрылась этими белыми папахами и бешметами. Но вот навстречу им поднялись серые шинели. Кто-то мощно крикнул:

— Вперед!

Попов выскочил из окопа. На миг словно жаром его обдало горячим лошадиным потом. Целясь в полосатый бешмет вытянувшийся в стременах, он успел заметить, как по чьей-то шинели полоснула казачья сабля. В это время раздался лязг, грохот,— по степи рвалась шрапнель. Захлопали ружейные выстрелы, где-то на правом фланге раздался сухой треск пулеметных очередей. Тут Попов увидел, что по степи, озираясь по сторонам, скачут без седоков испуганные кони. Он уже слышал за спиной мощное

гортанное «ура!» и сам, спотыкаясь о рытвины, выбитые только что лошадьми, бежал вперед. Туда, к оврагу, где окопались отступающие корниловцы.

Стрельба усилилась. Земля сотрясалась, она озарялась вспышками рвавшихся снарядов.

Красногвардейцы заняли первую линию окопов противника. Попов бежал по узкому ходу траншеи. В том месте, где влетевшим в бруствер снарядом была разворочена земля, он столкнулся с каким-то офицером. Тот был без оружия, весь перепачканный глиной. Скорчившись, корниловец держался рукой за правое плечо.

— Гильданов? — От неожиданности Попов даже опешил.

— Да, капитан Гильданов,— сквозь зубы процедил тот.— Стреляйте же, что медлите! Вспомнили наш разговор?..

Попов подозвал бойца и велел ему отвести пленного к санитарным повозкам.

— Потом поговорим,— бросил он на ходу Гильданову и побежал дальше по траншее.

К вечеру бой закончился. Разгромленные корниловцы, побросав оружие, сдавались красногвардейцам, а сам генерал Корнилов, переодевшись в отнятую у какого-то крестьянина одежду, бежал.

Облокотившись на край окопа, Леон Христофорович увидел, как по краю оврага, где совсем недавно проходил бой, нехотя, понурив головы, шли, волоча за поводья расседланных лошадей, обезоруженные белые казаки. Только бородатый, уже немолодой есаул не захотел идти пешим строем. Он грузно раскачивался в седле, прикрывая распахнутым бешметом в клочья изодранные шаровары.

— Разрешите обратиться! — Леон Христофорович повернулся и увидел бойца, которого он просил отвести Гильданова к санитарным повозкам. Лицо у него было растерянное, боец переминался с ноги на ногу.— Сбежал!.. Только перевязали плечо, и сбежал. Меня ногой в живот пнул...

Возвращался Попов со своим отрядом в Минск все той же дорогой, которой шел в район Суража. Три месяца прошло с тех пор. И вот опять — Гильданов. «К кому сбежал он, неужели продался немцам?» —

думал Леон Христофорович. Он глубоко вздохнул, бросил папиросу и зашагал быстрее.

К вечеру снег перестал. Потянуло морозцем. Стало легче идти и людям, и коням. Попов еще раз вздохнул, заложил руки за спину, и в вечерних сумерках, наполненных призраками сказочного мира, ему почему-то вдруг почудился образ Маши. Он так явственно ощутил ее голос, прикосновение рук, что с трудом удержался и не сказал вслух: «Машенька, дорогая, я скоро приду, скоро». Он почувствовал новый прилив сил, какую-то необъяснимую бодрость. Попов зашагал еще быстрее, и ему так не хотелось расставаться с изумительным состоянием, которое переживал в этот момент на пути к Минску, в февральский вечер тысяча девятьсот восемнадцатого года.

ПЕРЕГОВОРЫ СОРВАНЫ

В те дни Минск заметно опустел. Люди почти не выходили из домов. Только у хлебных лавок с утра толпились очереди. Изредка появлялись извозчики, да и те старались ездить по окраинам, минуя патрули, занявшие в основном все центральные улицы. В городе было неуютно, и не только из-за промозглой февральской зимы.

Обстановка в стране складывалась тяжелая. Мирные переговоры с Германией сорваны. Троцкий, возглавлявший советскую делегацию в Брест-Литовске, заявил, что Советская Россия отказывается подписывать мирный договор, но прекращает войну и что она демобилизует армию. Свершилось чудовищное предательство, которым немедля воспользовалась Германия.

Над молодой Советской республикой нависла смертельная опасность. Немецкие войска перешли в наступление в районе станции Синявка, а через два дня, 18 февраля, по всему Белорусскому фронту уже шли упорные бои.

События в Белоруссии, за которыми пристально следил Центральный Комитет партии, развивались стремительно. По инициативе Ленина Совет Народных Комиссаров принял воззвание к народу «Социа-

листическое отечество в опасности!». Оно обязывало все революционные силы во время вынужденного отступления выводить из строя железнодорожные пути, вывозить в глубь страны все ценное, включая продукты питания, не оставлять ничего врагу, мобилизовать народ на отпор интервентам. Эта ленинская директива имела огромное значение для организации борьбы с врагами Советской власти.

Вместе с немецкими войсками в Белоруссию двигались польские легионеры. Старая армия Западного фронта оказалась не в состоянии дать отпор противнику. Уставшие от войны солдаты оставляли окопы, бросали оружие, расходились по домам.

На железнодорожных станциях скапливались толпы народа. К поездам сходились не только бежавшие с фронта солдаты в просоленных от пота шинелях, с тощими заплечными мешками. Железнодорожные составы с бешеной яростью атаковали всевозможные коммерсанты, чиновники, ремесленники, любой ценой они уходили от ужасающей всех войны. И тут же на вокзалах шныряли аферисты, жулье и бандиты, немецкие и белогвардейские шпионы. К поездам выезжали и богатые станичники — менять хлеб, муку, сало на одежду и драгоценности.

После бессонной ночи в лазарете, где Маша работала врачом, она решила пойти в штаб красногвардейцев, чтобы узнать, нет ли каких вестей от ее мужа Леона Попова, уехавшего на передовую в первый же день наступления немцев и белополяков. Она знала, что Леон Христофорович имел задание от партийной организации Минска вывести попавших в окружение бойцов. Штаб находился рядом, в бывшей гостинице на углу Захарьевской улицы. Красногвардейцы, охранявшие его, пропустили Машу, не проверяя документов. Здесь ее знали все.

Маша поднялась на второй этаж и направилась в глубь коридора, где когда-то находились люксовские номера. В одной из комнат слышались голоса. Маша приоткрыла дверь.

В комнате за низким круглым столом сидело человек пять — в гимнастерках, при портупеях. Лица их были серы от усталости и бессонницы. На столе — чайные стаканы, куски хлеба, листы бумаги. В ком-

нате висел сизый папиросный дым. Тот, который сидел как раз напротив двери, сухощавый с черной шевелюрой, что-то, сильно жестикулируя, говорил. Заметив Машу, он прищурил свои острые глаза, кивнул ей и продолжал с таким же жаром говорить дальше. Маша, оставшись в коридоре, прикрыла дверь. Но через небольшую щелку до нее явственно доносились слова этого человека:

— Завтра или послезавтра немцы и польские легионеры будут в Минске. Принято решение об эвакуации из города всех советских и партийных учреждений. И штаба фронта. У нас есть сведения, что противник засылает в Минск своих агентов, чтобы организовать мятеж на железнодорожном узле, помешать отправке в Смоленск продовольствия и снаряжения. Нужно проявлять максимальную бдительность и усилить патрулирование в городе. Всех подозрительных немедленно задерживать. Принято также решение оставить в Минске для подпольной работы лучших красногвардейцев, преимущественно членов партии. Из них создадим небольшие боевые отряды. По шесть — восемь человек в каждом...

Голос, который слышался из-за двери, был Маше хорошо знаком. Человека с черной шевелюрой она знала еще по Западному фронту. Это был Вильгельм Георгиевич Кнорин. С ним она познакомилась два года назад, когда вышла замуж за Попова. Вильгельм Георгиевич по заданию партии вместе с Леоном Христофоровичем вел подпольную работу среди солдат, разъяснял лозунг большевиков, Ленина: «Превращение войны империалистической в войну гражданскую, поражение в ней царской России». Полная опасностей жизнь сдружила их, и они часто бывали друг у друга в гостях. А после Февральской революции Маша еще чаще встречалась с Кнориным. Тогда он редактировал в армии большевистскую газету «Звезда», а Попов был председателем Военно-революционного комитета Красного Креста Западного фронта и редактором газеты «Красный Крест». На некоторое время судьба их разлучила, но потом свела вновь. Попов и Кнорин встретились в Минске, где Вильгельм Георгиевич руководил городской партийной организацией.

Прошло, наверно, минут пятнадцать ожидания в коридоре. Но вот дверь отворилась, и Кнорин пожал ей руку:

— Что-нибудь случилось? Вы такая бледная.

— От Леона нет вестей? — Маша развязала шаль: в бывшей гостинице все еще топили и стоять в пальто стало жарко.

— Думаю, к полудню будет здесь. Не волнуйтесь, голубушка Мария Ивановна. Как только придет, дам знать.

Они попрощались, и Маша, успокоенная, опять пошла в лазарет. В конце Богадельной улицы она свернула за угол и поднялась по скрипучей лестнице на крыльцо. За дверью на нее сразу пахнуло иодоформом. В коридорах и высоких комнатах старого барского дома почти бок о бок стояли койки. На них сидели и лежали раненые, кто в халате, а кто в пестрых, серых, белых рубашках.

— А немец все преть и преть, и конца ему нет,— услышала Маша чей-то голос.

Недалеко от нее, почти у самого прохода на второй этаж, прикрывшись простыней, сидел на кровати белесый мужик с выпученными глазами.

— А что будем таперича делать? Помирать! Немец-то всех нас пришьет.

Мужик замолчал, оглянулся по сторонам, видимо, подыскивая сторонников.

— А ты что, боишься? — спросил его обросший щетиной солдат на койке слева.

— Я-то? Я-то не пужливый. Мне чаво!

— Тогда и замолчи.

— Я-то о другом говорю,— не унимался тот.— Енералы воевать перестали, а большевики не умеють. Куды податься — к большевикам ли, к немцам? Аль подыхать здесь?

— А ну заткнись, шкура! — С дальней кровати соскочил высоченный худой парень. На ходу поправляя костыли, он так ругался, что раненые подняли головы, в страхе ожидая потасовки. Но, увидев Машу, парень тут же осекся.

— Извините, доктор. Не выдержал. Но вы запишите его фамилию! Контрреволюционной агитацией занимается.

Маша успокоила раненых и поднялась к себе на второй этаж. На длинной скамейке около ее комнаты сидело человек десять новеньких. На всех была еще грязная с дороги одежда. «Эти — легкие»,— поняла она по наспех сделанным повязкам.

В самом конце коридора, в кожаной куртке, закинув ногу на ногу, на табурете сидел широкоплечий военный. В руках он держал белую папаху. В коридоре было темно, и Маша не обратила на него внимания.

Закончив прием раненых, Маша вышла из своей комнаты и тут только увидела военного в кожаной куртке. Он встал ей навстречу:

— Разрешите? Я на одну минуту.

Перевязывая его плечо, Маша невольно любовалась крепкой, мускулистой фигурой.

— Какой вы легкомысленный. Разве можно запускать рану? Так ведь и гангрену заработаете.— Она аккуратно продезинфицировала рану, заложила тампон.— Давно это у вас?

— Месяца три. Война. Не до врачей. Кстати, вы не знаете, когда на Смоленск уйдет эшелон?

Маша пожала плечами.

— Вас не поставили в известность и лазарет не поедет со штабом?

— Война. Не до врачей,— отшутилась Маша. Она разорвала на две половинки конец бинта, связала их жгутом вокруг руки.— Вот и все. А вы уезжаете со штабом?

— Еще не знаю. Мне нужно разыскать Голубева. Не слыхали, где он живет? Это командир отряда железнодорожников.

Маша удивилась:

— Вы здесь впервые?

— Прямо с передовой, из Молодечны.

— Не встречали там Попова, Леона Христофоровича?

Маша не заметила, как у военного дрогнули пальцы, когда он застегивал куртку.

— Попов? Кто он вам?

— Муж.

— Член Военно-революционного комитета? Нет, не встречал.

Он ответил каким-то ледяным голосом, и Маше это показалось странным. С чего вдруг так изменился тон? Но было не до мелочных переживаний, и она, вежливо простившись с военным, посоветовала ему зайти в штаб и там справиться о Голубеве.

Когда Маша осталась одна, она удивленно подумала о том, что не спросила ни имени, ни фамилии у своего посетителя. Поразмыслив, поняла, что он не дал ей даже прийти в себя после приема раненых: все задавал вопросы, не обращая внимания ни на рану, ни на ее советы. И спрашивал о Голубеве. Маша припомнила, что слышала эту фамилию сегодня в штабе, когда Кнорин называл людей, переходящих на нелегальное положение. Интересовался и часом отправки эшелона, тогда как Вильгельм Георгиевич просил пока сохранять в тайне решение об эвакуации.

Теперь не только ледяной голос военного, но и все остальное представилось Маше очень странным. К тому же его выправка, манера разговаривать выдавали в нем качества отнюдь не простого человека. Маша поняла это только сейчас. «Скорее всего, он офицер старой армии»,— решила она. И тут словно кто-то подсказал: «Да это же Гильданов!»

Попов тогда рассказал ей о встрече с капитаном штаба на берегу реки под Бобруйском. Он даже както на всякий случай показал ей Гильданова. И теперь наконец память воскресила образ трехлетней давности.

Несколько минут Маша сидела в нерешительности: что делать? Скорее разыскать Кнорина!

Маша обошла всю гостиницу. Двери везде были настежь распахнуты, в коридорах — брошенные бумаги, старые газеты, окурки. В номере, где обычно находился Кнорин, валялись опрокинутые ящики письменного стола, непривычно выглядел пустой сейф.

В растерянности Маша вышла на улицу. Уже смеркалось, и опять валил сырой снег. Она шла по скользкому, перекошенному деревянному тротуару и думала, что предпринять.

Впереди нее, на перекрестке улицы, проскакали всадники. Потом показался отряд красногвардейцев.

Маша подумала, что возвратился Попов, и быстро побежала через дворы, чтобы его встретить.

По мостовой ускоренным шагом в сторону вокзала направлялось человек триста вооруженных винтовками, а позади них несколько бойцов волочили станковые пулеметы. Но своего мужа среди этих людей Маша не нашла. В отчаянии она остановилась и вдруг услышала, как кто-то окликнул ее. Обернувшись, увидела мчавшегося всадника. В наступавшей темноте она не разглядела его лица. Но когда тот подъехал, Маша узнала в нем одного из бойцов, охранявших штаб.

— Как хорошо, что я вас нашел, Мария Ивановна! Я и в лазарет, и домой к вам ездил. Леон Христофорович вернулся. Там все наши. Эшелон грузится. Если бы вы знали, что творится на станции!

— Я сейчас же туда иду!

— Леон Христофорович просил вас никуда из лазарета не выходить и ждать его там. После отправки эшелона он заедет за вами.

— Когда же это будет?

— Трудно сказать. На железнодорожном узле саботаж. Тамошнее начальство не дает паровоз. Требует за него выкуп — полмиллиона. Кто-то подстроил заговор. Сейчас на вокзал, вы видели, пошел наш отряд. И трехдюймовки на бронепоезде в боевой готовности.

— Передайте мужу, что в городе Гильданов. Только непременно передайте! Он поймет, в чем дело.

Всадник пришпорил коня и помчался по мостовой.

Маша вернулась в лазарет. Когда в палатах стало тихо и все заснули, она попросила сестер упаковать оставшиеся медикаменты, а сама поднялась в свою комнату. Собрала аптечку, сунула ее в вещевой мешок, туда же положила полевую сумку, которую оставил Леон Христофорович при отъезде из Минска на передовую. Тогда он сказал жене:

— Храни ее при себе. Здесь письма, документы.

Этой полевой сумкой Попов очень дорожил. Она была подарена ему Михаилом Васильевичем Фрунзе, с которым Леон Христофорович познакомился на тайном совещании в девятьсот шестнадцатом году.

Совещание состоялось в полуразрушенной церкви какой-то деревеньки, неподалеку от одного из участков Западного фронта. Проводила его минская ячейка большевиков. Потом Попов часто встречался с Михаилом Васильевичем. Фрунзе был начальником штаба революционных войск в Белоруссии, а Попов помогал ему создавать в Минске боевые рабочие дружины. В октябре девятьсот семнадцатого Михаил Васильевич по решению ЦК РСДРП(б) был отозван в Москву. При отъезде он и сделал свой подарок Леону Христофоровичу.

Упаковав вещи, Маша устроилась на маленьком диванчике, но так и не заснула за всю ночь. Она вздрагивала при каждом шорохе, думая, что наконец-то за ней приехал Попов. Но его все не было, и только под утро Маша вздремнула.

Вскоре, однако, ее разбудила скрипнувшая дверь. На пороге стоял Гильданов.

ЗАГОВОР

В вечерней тьме железнодорожный узел выглядел огромным табором. Посреди путей горели костры, невдалеке от них к изгороди были привязаны лошади, рядом стояли подводы — пустые и переполненные всяким имуществом, мешками с хлебом, картофелем. Люди шумели, собираясь кучками, затем расходились — кто к станции, кто к эшелону, опять собирались вместе и вновь спорили, ругались. Пустые вагоны к эшелону подгонялись медленно. Казалось, маневровый паровоз вот-вот выпустит последний пар и безнадежно остановится среди зарева костров и гомона человеческих голосов.

Погрузка эшелона задерживалась. А времени до его отправления оставалось все меньше и меньше.

Белополяки были уже на подступах к Минску. Немцы наступали со стороны Молодечны и находились километрах в двадцати от города. На железнодорожном узле слышались теперь глухие раскаты боев.

Попов помогал грузить вагоны. В длинной, почти до пят, шинели и кавалерийском шлеме, он как-то

затерялся среди рослых парней, таскавших с подвод мешки. И только его рокочущий, гортанный бас — «А ну, хлопцы, взяли!» — привлекал к нему внимание. Попов действительно не отличался ростом. Но зато он был крепким в плечах, и голос его словно бы выдавал всю силу тела и духа.

— А ну, еще раз взяли! — разгоряченный тяжелой работой, Леон Христофорович скинул шинель, шлем, взвалил на спину очередной мешок и широким, быстрым шагом, ступая через рельсы, пошел к эшелону. Сбросил мешок в вагон, осмотрелся. Еще десятки подвод оставались полными всякого добра.

Леон Христофорович смахнул с лица капельки пота, откинул со лба сбившуюся прядь черных как воронье крыло волос и посмотрел в сторону станции. От нее к эшелону шли какие-то люди. Когда они подошли ближе, Попов, взглянув на их одежду — старые обмотки, изжеванные шинели и помятые папахи, понял, что это солдаты старой, царской армии. Они пошвыряли свои вещевые мешки возле вагонов, винтовки выстроили в «пирамиды» и тоже принялись за погрузку.

Опять послышались раскаты приближающихся боев. В один из моментов очень уж отчетливо, казалось, совсем близко прогромыхали орудийные залпы. Какой-то солдат опрометью бросился к эшелону, схватил вещевой мешок, винтовку и хотел было бежать. Но Попов, находившийся рядом, успел схватить его за плечи.

— Куда?

— А тебе что за дело! — огрызнулся солдат.— Ты кто таков?

— Куда бежишь, спрашиваю?

— До дому! — Солдат показал в сторону, откуда слышалась канонада.— Небось, мой хутор уже заняли. А у меня там дети, жена! Понимаешь?

На какое-то мгновение Попов оцепенел от последних его слов и невольно убрал руку с плеча солдата. Мысль тут же вернулась к Маше, заслонив перед ним все, что происходило на железнодорожном узле. Где она сейчас, догадается ли спросить у Кнорина про его возвращение, сможет ли оставаться в лазаре-

те и ждать его там? Обстановка в Минске быстро менялась, и Леон Христофорович понимал, что могли произойти любые неожиданности. Взять коня и немедленно отправиться на розыски Маши? Эти мысли пронеслись у него в мгновение ока. А солдат уже бежал вдоль железнодорожных путей и вскоре скрылся.

Попов повернулся к кострам. Они разгорелись сильнее и ярко освещали лица уставших людей. Сколько им еще придется работать? Час, два? Бои подступали к городу. Нужно было торопиться. Попов не раздумывая пошел к этим людям и вместе с ними опять начал таскать мешки.

Наконец погрузка эшелона была закончена. Но тут железнодорожное начальство пошло на открытый, наглый саботаж. Оно отказалось дать паровоз. Наступил критический момент. Попов побежал на станцию в надежде отыскать там Кнорина, а мысли о Маше не оставляли его. Однако он не в силах был бросить все на произвол судьбы, уйти от важнейшего государственного дела...

— Мы обязаны любой ценой вывезти из города ценное имущество и продукты. Это — ленинская директива.— Кнорин взглядом обвел присутствующих.

В маленькой комнате первого этажа станционного здания собрались члены Военно-революционного комитета, командиры отрядов. Был здесь и командующий войсками Западного фронта Александр Федорович Мясников. Он стоял в углу комнаты, высокий, подстриженный «под ежик»; его крутой подбородок резко выдавался вперед. Это был один из тех людей, которые без остатка отдавали себя революции. В партию вступил в двадцать лет. Еще студентом юридического факультета руководил социал-демократической организацией Московского университета. Началась первая мировая война — и он на Западном фронте, ведет революционную пропаганду среди солдат. Был председателем большевистской фракции фронтового комитета, организовывал отряды Красной гвардии Белоруссии.

И вот сейчас, слушая Кнорина, Мясников думал, какое решение следует принять в этой сложной обстановке.

— Кто возглавляет железнодорожный комитет? — спросил он.

— Некий Сердюк. Ярый националист.

— Его поддерживают?

— Почти все члены комитета. Такие же махровые националисты. Машинисты запуганы ими. Наотрез отказываются вести паровоз.

— Организованный саботаж. За спиной комитета кто-то ловко действует. Мне сообщили, что в городе находится один из белогвардейских офицеров,— вступил в разговор Попов и рассказал все, что ему было известно с Гильданове.

Выслушав мнения собравшихся, Мясников обратился к одному из командиров отряда:

— Сейчас же передайте наш ультиматум железнодорожному комитету: если через пятнадцать минут паровоз не прибудет на станцию, применим оружие.

— Пушки, броневики и пулеметы в боевой готовности,— подтвердил Кнорин. Затем дал указание Берзину: — Ни одного человека не выпускайте со станции и вокзала. Блокируйте все выходы. Подозрительных арестовывайте. Прикажите немедленно дать предупредительный выстрел с бронепоезда.

Мясников остановил Берзина уже в дверях:

— И срочно отправьте к мосту через Свислочь группу красногвардейцев. В этой обстановке не исключена диверсия. А вы, Леон Христофорович, без промедлений эвакуируйте раненых.

— Подводы, на которых перевозили имущество и продукты, отправлены к лазарету.— Попов встал, застегнул ворот гимнастерки.— Можно идти?

— Желаю удачи, Леон! — Мясников крепко пожал ему руку.

В комнате мерно, отсчитывая минуты, тикали «ходики». Мясников сверил с ними свои часы. И через некоторое время где-то на дальних путях раздался резкий гудок паровоза. Все выбежали на станцию. В предрассветном тумане показался силуэт сначала одного паровоза, а затем и второго. Первый прошел стрелку и двинулся по пути, на котором стоял эшелон. Второй продолжал движение в сторону станционного здания. На подножке стоял Берзин.

Поравнявшись с платформой, он спрыгнул и доложил Мясникову:

— Комитетчики поняли, что им пришла крышка. Испугались до смерти. Дали даже два паровоза. Разрешите на одном отправить бойцов к Свислочи?

...На рассвете 20 февраля под охраной красногвардейцев эшелон двинулся к Смоленску.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Попов с группой бойцов подъезжал к лазарету, когда там уже длинной вереницей стояли подводы. Почти на всех, закутавшись в шинели и одеяла, сидели и лежали раненые. Кто сам добрался к телегам, устланным сеном, кому помогли товарищи. У одной подводы вертелся косматый мужик в длинной, до пят, шубе.

— Старуху-то мою усадите, христом богом прошу!

— А сам чего, тикать не собираешься? — усмехнулся солдат с соседнего обоза.

— Я, сынок, на немца пойду. Винтовку еще с империалистической припас.

— Тебе, отец, не воевать, а на печи сидеть.

— Нет уж, на печи ныне не просидишь!

Они бы еще балагурили, но воздух вдруг содрогнулся, как от весеннего грома. Потом еще раз, еще. Загудела орудийная пальба. Метрах в трехстах от лазарета чавкнул снаряд, но не взорвался.

— Идолы, по нас лупят! — заорал косматый мужик и бросился в сторону от возов.

Началась неразбериха, поднялся шум, крик.

— Чего ждем? Эй ты, трогай свою клячу!

— Тихо! Без паники! — Попов осадил коня у самого крыльца.— Выводите подводы с тяжелоранеными. Не мешкайте!

Он спрыгнул с лошади и кинулся в лазарет.

— Маша, Маша, где ты?

— Нет ни ее, ни сестер,— ответил на ходу кто-то из раненых.— Проснулись — и ни души.

Приехавшие с Поповым бойцы быстро выносили из лазарета оставшихся раненых.

— Не забудьте медикаменты, одеяла, подушки, все забирайте,— осевшим от волнения голосом Леон Христофорович отдавал приказания.— В конце обоза ставьте пулеметную двуколку.

Попов мигом взбежал на второй этаж. В Машиной комнате было пусто. На полу валялась ее аптечка. «Что произошло?» — думал он, возвращаясь на улицу.

— Обоз готов! — доложил один из бойцов. В этот момент опять содрогнулся воздух: ухнули тяжелые орудия. Теперь снаряды рвались ближе. Послышалась пулеметная трескотня.

— Ведите обоз через вокзальную площадь. И побыстрее! Догоните первые подводы. Я встречу вас за городом.

Попов вскочил на коня и пустился по улице в надежде застать Машу дома. «Может быть, она там собирает какие-нибудь вещи,— рассуждал он.— Но почему в лазарете не оказалось сестер?» Попов начинал догадываться, что стряслось, видимо, уже непоправимое.

Впереди разорвалась шрапнель. Послышался звон битого оконного стекла, в воздух взлетели клочья росших вдоль мостовой деревьев. Из дома выскочили люди, повалил желтый дым.

Попов круто свернул на соседнюю улицу. В середине Нагорного переулка, возле своего дома, он соскочил с коня и столкнулся с женщиной и ребенком, жившими с ним рядом. В наспех накинутых пальто, они держались за руки, не зная, куда скрыться от приближающейся стрельбы.

— Где Маша? — с трудом выговорил Попов.

— Два дня ее не видели...

— Мамочка, скорее! — Ребенок потянул женщину за руку, и они скрылись за углом дома.

Попов повернул обратно. Теперь стрельба шла уже почти за каждым перекрестком. По Центральной площади пронеслась орудийная упряжка. Остановилась. Немецкие солдаты развернули ее тупым рылом в сторону бежавших с винтовками наперевес красногвардейцев. Но откуда-то шлепнула пулеметная очередь. Навзничь упали немецкие солдаты.

Попов успел проскочить площадь. Рискуя нарваться на пулю, он еще раз решил попытаться найти Машу в лазарете. «Мы же договорились там встретиться. Она не должна была никуда уходить»,— думал Леон Христофорович.

Свернув с Богадельной улицы к лазарету, он увидел нескольких казаков и каких-то военных в шинелях с саблями. «Легионеры»,— мелькнула мысль, и Попов, сильно пришпорив коня, опять вихрем выскочил на Богадельную. Успел только услышать:

— Это он, живым его сюда!

Казаки во весь карьер пустились вдогонку. Неожиданно лошадь Попова рванулась вбок и, сраженная пулей, упала, перевернувшись на спину. Она так и продолжала лежать с задранной задней ногой, когда казаки подскочили к Попову, уткнувшемуся лицом в снежно-грязную лужу.

— Встать! — Сначала голос показался Попову каким-то далеким. От ушиба кружилась голова, заныло плечо, с трудом потянул ногу...

— Встать! — Теперь он явственно услышал приказание и кое-как поднялся. Перед ним на гнедой кобыле сидел Гильданов.

— Ну, вот и встретились,— сказал капитан, слезая с лошади.

— Где Маша? — превозмогая боль, Попов старался стоять прямо, чтобы не выдать слабость перед противником.

Они смотрели друг на друга. Высокий, широкоплечий Гильданов и коренастый, плотный Попов, у него черные как смоль усы, нос с горбинкой, густые брови. Лицо Попова, перепачканное грязью, в ссадинах, в эту минуту было страшным.

— Где Маша?

— Взять его! Ведите! — скомандовал Гильданов.

— Ничтожество! — Попов плюнул ему в лицо.

ГИЛЬДАНОВ УГРОЖАЕТ

Облака перегоняли друг друга. Вот они разорвались на небольшие, словно ватные комья, и среди них показалась вымытая полоска голубого неба.

— Погода-то нынче какая! — Косматый мужик виновато посмотрел на свою жену. Маленькая, щупленькая, она стояла у окна и всхлипывала в платок.— Ну, не посадил тебя в обоз, раненых, поди, больше было, чем мест на телегах. Да не реви ты! Пешком уйдем.

— Сиди уж, пешком!

— Я вот только к Семену сбегаю. Он должóн знать, где большевики. Лучше к ним в лес податься, чем здесь с голоду подыхать. Марки сунули за мешок картошки, ироды. А на что мне ихние марки? Жрать, что ли? Знать, по миру пустить решили!

Он подошел к окну, у которого стояла его маленькая жена, и ахнул, увидев, чтó творится на улице. Мужик растерялся, на него жалко стало смотреть.

На улице, против их дома, стояли немцы в шлемах, с винтовками. Рядом юлили штатские. Один из них — тучный, с оплывшим лицом — показывал немцу с кокардой на фуражке развернутую шнурованную книгу. Этот тучный в штатском был Семен. Пока он что-то объяснял офицеру, солдаты вытаскивали из соседнего дома мешки с зерном, картофелем и грузили их на подводу.

— Вот те Семен! — опять всхлипнула старушка.

Семен повернулся к их дому и что-то чиркнул карандашом в книге. Через минуту в дверь громыхнули прикладом. Сначала вошел немец с кокардой, затем солдаты в шлемах, а за ними, тяжело дыша, пожаловал Семен.

— Пошли во двор, Нилыч, покажь, где у тебя пшаница,— проговорил он с порога.

— Я тебе покажу пшаницу, сукин сын! — зверем заорал мужик и схватил со стола большой глиняный горшок.

— Хальт! — фальцетом выкрикнул офицер, и перед Нилычем тотчас блеснуло дуло пистолета.— Запереть в амбар!

...Оккупировав Минск, интервенты начали грабить город. Забирали не только продукты, но и теплые вещи, драгоценности. Иногда за награбленное давали марки. Купить же на них было нечего. В лавках и магазинах хоть шаром покати — ни хлеба, ни сахара, ни мыла.

Огни на улицах и в домах не зажигались. Только Центральная площадь была освещена. По вечерам здесь играл духовой оркестр. Звуки военной музыки, немецких вальсов кошмарным эхом отдавались на пустынных улицах.

Нередко слышались одиночные выстрелы, истошные крики. Пьяные оккупанты врывались в дома, издевались над людьми, избивали и малых и старых. Заодно с немцами и белополяками в погромах участвовали антисоветчики — националисты, черносотенцы, белое офицерье, бывшие богатеи и просто уголовники. Они мстили даже тем, кого только подозревали в сочувствии большевикам. Тюрьмы были переполнены, и несчастных запихивали в подвалы, сажали в пустые амбары.

Нилыча тоже привели в один из таких амбаров. Открыли тяжелую кованую дверь, дали под зад пинка, и он повалился на пол.

В амбаре было темно. Только одна боковая стена в нескольких местах пропускала узенькие полоски света. Сначала Нилыч подумал, что он здесь один. Но когда поднялся на колени, увидел возле темной стены нескольких человек. Пригляделся и удивленно спросил:

— Бабоньки? Вы-то за что здесь?

Из темноты никто не ответил.

— Слышите аль нет? — Нилыч стал отряхивать свою длинную шубу.— Интересуюсь я знать, за что нонче баб в тюрьме держат?

— За что и всех,— нехотя отозвался немолодой женский голос.

— Я-то гадам зерна не дал. По-своему с ними воюю.

— И мы по-своему, по-бабьи.

Тут Нилыч признал ответившую ему женщину:

— Неужто из лазарета? А я ведь при большевиках захаживал к вам. Живу-то рядом. Приметил тебя. Вона времена какие пошли! Сестер-милосердий под замок прячут. И эти из лазарета?

— И эти.

— Мда-а...

Нилыч поскреб свою косматую голову, потом присел на грязный деревянный пол. В амбаре пахло сы-

ростью, гнилью и кошками. Из-под двери дуло холодом.

— А что же ты зерна им не дал? — спросила знакомая Нилычу сестра.

— Не хочу, и вся недолга! Должен им, что ли?

— А я вот помню, ты в лазарет и картофель, и хлеб приносил.

— То в лазарет!

— Какая разница?

— Ты дурочку из себя не строй! «Какая разница»... Я большевикам все бы отдал. Да не просили они ничего.

— Какой добрый!

— Дело не в доброте, а в разумении. Я вот давеча подумал: почему Семен — есть у меня такой знакомый — к немцам подался? Имел он до революции скобяные мастерские. Не шибко богато жил, но все одно — хозяин. Моя старуха в прислугах у него была. Пришли большевики и решили те скобяные мастерские переделать в оружейные. А Семен запротивился. Инструмент да станки кое-какие попрятать успел. Сказывали, в деревню увез, свояк у него там. Тогда, значит, саботажником Семена прозвали, а мастерские отняли, государственными они стали. Семену же сказали — сам теперь работай. На дровяную базу пошел. Тихий такой, смирный при красных был. Говорил всем, что и он новый мир строит, чтобы все равными стали. В зиму и мне дровишек доставал, бесплатно. У большевиков доверие получил. А сам обиду свою внутри держал, злость копил. Пришел момент — и прорвало его. Немцам продался, авось мастерские вернут...

— Дались тебе эти мастерские!

— Чаво? Говорю, дело в разумении! Советская власть энти мастерские у хозяев отняла и народу отдала. И землю мужику отдала. Вот чаво! У тебя ручки-то беленькие, земли не знают. А я, милая, сызмальства с навозом вожусь. Родом из Чаусской волости, из деревни Путьки. Не слыхала? В городе я только после империялистической. А на войне знаешь кого защищал? Выходит, Семена. За него, значит, меня и контузило, и в живот ранило... А ты говоришь, почему в лазарет хлеб носил...

Нилыч умолк. Прошло уже часа два, как он находился в этом амбаре. Нилыч привстал, посмотрел по сторонам:

— Хотя бы кулек соломы дали, нехристи! Нешто так и спать будем — на полу?

Загромыхал замок. Дверь натужно заскрипела, и в ее просвете показалась солдатская каска.

— Попова, вылазь!

Маша вздрогнула. Вот уже третий день торчит она в промерзшем амбаре, и каждый день по нескольку раз вызывают в немецкую комендатуру. И всегда ее в коридоре встречает Гильданов. В первый раз, когда Машу вели на допрос, он попытался даже поцеловать ей руку. «Как переменился, неспроста видимо»,— со злостью подумала Маша. Ей хотелось плюнуть ему в лицо, ударить, но она понимала, что этим, кроме вреда, себе ничего не принесет. Интуиция подсказывала Маше, что с Гильдановым надо держаться очень сдержанно, осторожно. Вот ведь всего несколько часов назад он выглядел зверем, когда спозаранку тихо прокрался в лазарет с вооруженными людьми. Ничего не объясняя, наставил на Машу пистолет и велел следовать за ним, Гильдановым. Когда она попыталась позвать на помощь, больно схватил ее своими ручищами за лицо, а его люди тут же связали Машу и потащили из лазарета. Потом Гильданов обманом вызвал из лазарета сестер.

И вот так сразу переменился... И немецкий офицер тоже был очень вежлив. При виде Маши на губах его появлялась приветливая улыбка. Он был тощий, в черных очках, с обритой головой. Хорошо владел русским и говорил тихим голосом:

— Мадемуазель, будьте же благоразумны. Мы от вас многого не хотим. Назовите хотя бы несколько фамилий большевиков, перешедших на нелегальное положение. И все останется между нами. Женам таких крупных совдеповских работников, как ваш муж, известно немало, а мы хотим знать такую капельку.

— Я ничего не знаю. А знала бы — не сказала.

При этих словах Гильданов хмурился, но, не повышая голоса, пытался помочь немецкому офицеру вести разговор:

— Мы дадим много денег. Захотите — оставайтесь в Минске, можете поехать в Варшаву, Париж. С большевиками покончено. Вы ведь это сами понимаете.

Маша не отвечала, только взгляд ее становился упрямей. А немец нервничал, и под столом позвякивали его шпоры.

Но с каждым допросом немецкий офицер и Гильданов теряли вежливость. В последний раз, когда Машу уже уводили, Гильданов угрожающе сказал:

— Будете молчать — пожалеете. В наших руках жизнь вашего мужа. Подумайте хорошенько.

У Маши оборвалось сердце. Но она превозмогла себя и сделала вид, что не поняла Гильданова.

Всю ночь она проплакала, и все думала о Леоне.

Сейчас, когда лязгнул засов и открылась дверь амбара, она тоже не переставала о нем думать. Вспомнила, как года два назад на Западном фронте сидела перед самым закатом у окна лазарета и смотрела в поле. Над ним высоко летали ласточки. Маша слушала их щебетанье и думала, что они счастливые птицы: ничего не знают о войне. В тот день она познакомилась с Поповым. Накануне Маша приехала из Москвы, куда отвозила эшелон с ранеными. Что-то было напутано в документах. Из Москвы тут же по телеграфу передали жалобу на нее. А разбираться с ней поручили старшему врачу соседнего лазарета Попову. Так и произошла их встреча...

В амбаре после ухода Маши стало тихо. Только на пустой улице слышались тяжелые солдатские шаги.

Нилыч подошел к стене, через которую струйками пробивался свет. Заглянул в щелку и увидел краешек мглистого неба. Постоял с минуту, потом опять улегся на свое место.

— Кто же будет эта молодуха? В лазарете ее не примечал.

— Плохо смотрел. Доктор она.

— Ишь ты! С виду ничаво себе. Кабы не война да не годки мои...— Нилыч неумело попытался нарушить тягостное молчание, но все тут же цикнули на него, и он притих.

Прошло часа два, как увели Машу. Никто за это время не пытался больше начинать разговор. Но вот

опять послышались тяжелые шаги. Когда отворилась дверь, Нилыч даже привстал. Глаза его испуганно заморгали. Машу трудно было узнать. Лицо — восковое. В уголках губ запекшаяся кровь. Огромный сине-красный подтек покрыл левую часть лица. В руках она держала изодранную, вымазанную шаль.

Маша с трудом перешагнула порог и еле дотянулась до торчащей в стене перекладины.

— Что же вы сидите, окаянные! — вскрикнул Нилыч, метнув взгляд на сестер. Он первый вскочил и успел подхватить Машу.

Вместе с сестрами Нилыч перенес ее в угол, расстелил на полу свою шубу, на один край уложил Машу, другим прикрыл. Потом что-то пробурчал, снял меховую шапку и подсунул под Машину голову.

Злость вскипела в Нилыче. Она жгла ему все нутро и не давала покоя. Он ходил взад и вперед по амбару. Без шубы и шапки он выглядел маленьким, щупленьким.

— Ну погодите же, ироды! Придет ваш черед...— Он не переставал ругаться, не зная, как излить свой гнев.

Поостыв, Нилыч присел к Маше. У нее был озноб, губы горели. Никто и ничем помочь ей не мог. Она это понимала и была благодарна Нилычу за его участие и добрые глаза.

Маша все время вздрагивала во сне, просыпалась. Ей казалось — откуда-то надвигались тени, потом исчезали и вновь появлялись...

Когда Маша забывалась, Нилыч отпускал ее теплую руку и, посапывая, сам начинал дремать.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

После оккупации Минска интервенты продолжали продвижение в глубь страны. Штаб Западного фронта, находившийся теперь в Смоленске, разрабатывал план контрнаступления Красной гвардии. Главнокомандующий войсками фронта А. Ф. Мясников приказал отрядам остановить немцев и белополяков на линии Витебск — Орша — Могилев — Гомель.

В городах и селах Белоруссии организовывались новые добровольческие отряды Красной гвардии. Северо-Западный комитет большевиков отправил в уезды своих агитаторов для мобилизации людей. В короткий срок Красная гвардия пополнилась новыми силами. Под ее знамена пришли сотни рабочих и крестьян.

На помощь Красной гвардии Белоруссии прибыли бойцы Московского отряда особого назначения. Они вступили в бой с противником, который наступал на Оршу, и нанесли ему сильный удар. В этом бою была захвачена штабная переписка немецкого генерала Гофмана. Ее использовали при разработке планов контрнаступления революционных войск.

Особенно угрожающая обстановка складывалась под Гомелем. Немецкие войска наступали на город со стороны Речицы и Жлобина. Для обороны Гомеля был вызван красногвардейский отряд под командованием Рейнгольда Иосифовича Берзина.

Двадцать третьего февраля молодые отряды Красной гвардии перешли в решительное контрнаступление под Нарвой и Псковом. Это облегчило красногвардейцам борьбу с интервентами в Белоруссии. Они начали наступление под Калинковичами против ударной группы противника, в которую кроме немцев и белополяков входили мадьяры, гайдамаки и белогвардейские офицеры. В упорном бою интервентов выбили из Калинковичей. Затем завязались ожесточенные бои под Речицей и Жлобином. Однако, пользуясь численным превосходством, враг продолжал теснить революционные части на Гомельском участке фронта.

Штаб Западного фронта принимал активные меры для борьбы с интервентами. В отряды поступали указания, как следует вести боевые действия в сложившейся ситуации. На захваченной противником территории рекомендовалось разворачивать партизанскую борьбу.

Не переставал действовать из подполья Минский партийный комитет. От него исходили руководящие указания красногвардейцам, перешедшим на нелегальное положение. Они собирали сведения о продви-

жении войск противника, вели пропагандистскую работу, взрывали железнодорожные составы, подготовленные к отправке на фронт, устраивали завалы на дорогах.

Группа Ивана Голубева, который командовал раньше отрядом рабочих-железнодорожников, получила задание установить связь с арестованными большевиками и организовать их побег.

Голубев перебрался из своего дома на окраину города, к старому знакомому — мастеру железнодорожного депо. На окраине было тихо, немцы сюда не заглядывали: несколько ветхих деревянных домишек за пустырем возле дороги ничье внимание не привлекали. И тем не менее каждый раз, возвращаясь сюда после встреч с товарищами, Иван сначала кружил по улицам и закоулкам и, только убедившись, что за ним нет слежки, выходил к пустырю.

Сегодня он опять ходил к городской тюрьме. Возле высокой каменной стены стояла толпа людей со свертками, узелками. Среди этих людей, испуганных и ненавидящих, Голубев искал кого-нибудь из знакомых, хотел попросить вместе со свертком переправить в тюрьму записку. Но, как и в прошлые дни, передач для заключенных не принимали.

Голубев был очень расстроен и не знал, что предпринять. Установить связь с заключенными не удавалось, а подпольный штаб большевиков уже несколько дней ждал от него плана освобождения арестованных. Кроме того, Голубев должен был выяснить, нет ли среди заключенных Попова, ведь он, как тайно сообщили в штаб из Смоленска, пропал без вести.

В задумчивости Голубев брел по пустынным улицам, вышел на Центральную площадь. Еще несколько недель назад здесь кипела жизнь, везде встречались люди, они куда-то торопились, были чем-то заняты. Иван вспомнил, что в середине февраля на центральных улицах состоялись народные гулянья, посвященные рождению Красной Армии. В Минск тогда прибыл Мясников. Он рассказал на митинге, что Совет Народных Комиссаров принял подписанный Владимиром Ильичем Лениным декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В тот

день после митинга Голубев ушел в гарнизонное управление, где шла запись добровольцев. И вот теперь все выглядит иначе. Улицы пустынны, настороженны.

Выйдя на окраину, Голубев обратил внимание на странную фигуру маленького человека в изрядно поношенном ватнике, перетянутом широким клетчатым шарфом. Человек прихрамывал, все время озирался по сторонам. Приглядевшись, Иван узнал в нем часовых дел мастера Зиновия Крейского. Голубев познакомился с ним у Поповых, когда однажды тот пришел к ним исправить будильник. Леон Христофорович жил с часовщиком в одном переулке, дружил с ним, считая Крейского порядочным, честным человеком. Когда у Крейского умерла жена, Маша помогала ему доставать продукты, часто готовила обеды и почти каждый день приглашала к себе ужинать. В свою очередь Зиновий делился с ней то салом, то крупой, полученными вместо денег от своих клиентов.

Еще раз оглянувшись, Зиновий встретился взглядом с Голубевым. Испуганные глаза часовщика явно говорили: «Ради бога, не подавайте вида, что знаете меня. Я пойду за вами и все расскажу».

Голубев равнодушно прошел мимо. «Что ему нужно здесь? Может быть, у него есть сведения о Попове? — рассуждал Иван.— Довериться Крейскому? Надо рисковать!»

Иван замедлил шаг и, не оборачиваясь, тихо сказал:

— Следуйте за мной. Третий дом справа.

— Я как раз туда направляюсь,— обрадовавшись, часовщик чуть не вскрикнул.

Голубев проводил Зиновия в маленький флигелек, где находилась его комната. Железная кровать, крохотный самодельный столик, на котором стояла керосиновая лампа,— все что имелось в ней.

— К кому и зачем шли сюда? — сразу, как только закрылась дверь, строго спросил Иван.

— О, не смотрите так! Вы мне не доверяете? А я, старый болван, тащился через весь город, чтобы меня приняли за прохвоста. Если бы только знала моя жена! Чтоб я так жил, если...

— Ну хорошо, хорошо! — добродушно перебил Голубев. Ему даже стало жалко этого испуганного человека. Он понял, что часовщик пришел неспроста и на провокатора не похож.

— Не обижайтесь! Время сами знаете какое.— Иван еще раз успокоил Крейского.— Раздевайтесь. Можете посушить ботинки. Промокли?

Зиновий размотал шарф и сел на кровать. Она заскрипела, как старый несмазанный тарантас.

— А у вас тут очень удобно...— Крейский с печальной иронией посмотрел своими уставшими глазами на Ивана.— Так вот, значит, сижу я сегодня в мастерской и чиню золотой «Мозер». Представляете, еще кое у кого есть золото! Значит, сижу я и чиню «Мозер», а ко мне вваливается нечесаный и небритый мужик и сует полевую сумку. «Узнаешь?» — говорит. Верите или нет, но сердце мое ушло в пятки. Я узнал эту сумку. Чтоб я так жил...

В тот день к Зиновию приходил Нилыч. Он действительно был нечесан и небрит. А до этого, утром, солдаты приволокли его во двор комендатуры. Там уже находилось человек двадцать таких же несчастных, как он. Всех повернули лицом к стене, велели снять штаны, а потом били шомполами.

— Еще, еще! — приговаривал немецкий офицер. Шомпола рябили у него в глазах до тех пор, пока люди не сваливались с ног.

— Будете помнить, как не подчиняться Германской империи! А теперь вон!

Нилыч упросил солдата пустить его в амбар. Схитрил: сказал, что забыл кисет с табаком. А сам хотел еще раз посмотреть на Машу, спросить, может, чего передать на волю.

В амбаре он суетился, ползал по полу, делая вид, что ищет кисет, улучил минутку и тихонько шепнул Маше:

— Отпущен я, душенька. Что для тебя сделать?

— Возьмите полевую сумку и отнесите ее часовщику Крейскому. Подгорный переулок. Он все поймет.

Полевая сумка уцелела чудом. На нее никто не обратил внимания — ни Гильданов, ни казаки, уводившие Машу из лазарета. И теперь незаметно для

солдата Нилыч сунул ее себе под пояс и, довольный, вышел на улицу.

Он тут же, не заходя домой, направился к Подгорному переулку и отыскал часовщика. Крейский же подумал, что помочь может, наверно, только один из его знакомых — железнодорожный мастер, живший на окраине города. К нему и шел Зиновий, когда случайно встретился с Голубевым.

Выслушав всю историю, Иван долго молча курил.

— Вы говорите, что Марию Ивановну запугивают расстрелом мужа? — спросил он наконец.

— Это не я говорю, так мне рассказали.

— Значит, арестован и Леон Христофорович. Скорее всего, он в тюрьме.

— Надо что-то предпринять. Но что? — Зиновий заерзал на кровати, и она опять заскрипела.

Иван ходил по комнате и не переставая курил одну самокрутку за другой.

— Когда еще раз придет к вам этот мужик? Вечером?

— Сговорились в десять по моим часам. Я дал ему свои часы. Если бы знала моя покойная жена, какую кашу я заварил! Я-то не боюсь, нет! А вы? Машеньку надо спасти. О эти пруссаки! Легионеры тоже хороши, погромщики! Чтобы они ночью солнце видели, чтобы на руках туфли носили!..

Проводив гостя, Голубев долго еще сидел в своей комнате. От ужина отказался и все думал, как поступить, что предпринять. Он понимал: освобождать заключенных в амбаре людей нужно во что бы то ни стало. Но как сделать это с меньшим риском? Нилыч говорил Крейскому, что у амбара и днем и ночью торчит солдат, рядом немецкая комендатура, у которой, разумеется, тоже охрана.

Вечером, когда Голубев шел к часовщику, он уже имел план операции. Правда, не все детали ее вырисовывались пока четко. Поэтому Иван надеялся на встречу с Нилычем, который мог многое подсказать и, быть может, даже помочь в этом очень рискованном деле. По пути Голубев зашел на одну из явок, просил передать товарищам своей группы, чтобы те в полночь ждали его сигнала.

СТРАННАЯ ПРОГУЛКА

В тот час, когда Голубев встретился у Крейского с Нилычем, к амбару на шикарной пролетке подъехал Гильданов.

Машу вызвали на улицу.

— Садитесь, Мария Ивановна.— Гильданов предложил ей руку, но она, не посмотрев даже в его сторону, безразлично села на мягкое кожаное сиденье.

Маше было все равно, куда и зачем они едут. Она знала, что, если и произойдет самое худшее, не проронит ни единого слова — ни о Леоне, ни о его работе, ни о его товарищах. «Будь что будет»,— твердо решила, думая только о своем муже. Она не раскаивалась, что отказалась от свидания с ним. Наоборот, странная просьба Гильданова покататься час-другой по вечернему Минску укрепила уверенность в правильности решения. Маша стала подозревать, что во время свидания Гильданов мог выкинуть любой провокационный трюк, попытаться ее видом разжалобить Леона в надежде выудить у него какие-нибудь сведения. Как ни хотела Маша хотя бы на минуту встретиться с мужем, она теперь понимала, что делать этого не нужно. Просто нельзя. Даже и потому, чтобы не доставлять Леону лишних страданий.

Пролетка не спеша покатилась по улицам. После нескольких дней, проведенных на сыром, грязном полу амбара, непрестанной темноты и перенесенных мук от побоев эта прогулка показалась Маше каким-то счастьем. Она нервно хрустнула пальцами и с удовольствием посмотрела вокруг. Снега на улицах почти уже не было. Лишь изредка возле дворов он поблескивал под яркими звездами черного безоблачного неба. И сама тишина, мерный цокот копыт, воздух, вдруг пахнувший приближающейся весной, располагали к воспоминаниям.

Маше даже показалось, что счастье жизни ей только пригрезилось. Сколько сотен верст исколесила она по фронтовым дорогам! Из одного лазарета в другой. Ни усталость, ни постоянная опасность не могли заставить ее забыть в толпе серых шинелей любимое лицо мужа.

Прошло два года с тех пор, как Маша стала женой Попова. Два года тревог, борьбы. Перед ее глазами возникало сейчас одно событие за другим, ей представлялось, что произошли они буквально вчера. Маша вспомнила, как однажды Леон прочитал ей выписку из доклада царю, который сделал принц Ольденбургский, стоявший во главе санитарной службы России. Даже принц признавал, что все фронтовые учреждения Красного Креста показали свою полную несостоятельность во время военных действий. Красный Крест был убежищем для тех, кто уклонялся от мобилизации, а также для разного рода «патриотически» настроенных лиц из «высшего общества». Поэтому условия для пропагандистской деятельности большевиков в санитарной службе армии складывались неблагоприятные. Нужно было обладать большим политическим тактом, опытом подпольной работы, чтобы найти правильную линию и, несмотря ни на что, твердо проводить ее.

На этот трудный участок работы партия послала Леона Христофоровича. Он сплотил вокруг большевистской организации Западного фронта лучших врачей, преданных революции. Маша вспомнила, как в мае прошлого года он организовал в Минске I делегатский съезд работников Красного Креста. Тогда Попов представил съезду четкий, основанный на демократических принципах и интернационализме план реорганизации Красного Креста. Несмотря на возражения меньшевиков, добился того, что план был утвержден. На этом съезде Леон Христофорович был избран первым председателем фронтового комитета Красного Креста Западного фронта.

Пролетка медленно катилась по улицам, а Маша все думала и думала о Леоне. Она вспомнила, как расставалась с ним в июне прошлого года, когда он, делегат Первого Всероссийского съезда Советов, уезжал в Петроград; потом в августе уезжал в Одессу, где был избран членом исполкома Одесского Совета солдатских депутатов.

Из Одессы шли письма, и по ним Маша понимала, как нелегко приходилось там ее мужу. Леон писал, что в организациях Красного Креста южных районов Западного фронта дела обстоят из рук вон

плохо. В тыловых управлениях засели бывшие князья, графы, бароны, камергеры, камер-юнкеры, фрейлины, считавшие Красный Крест наиболее подходящим местом, где они могут объединиться для борьбы с большевиками. Но как ни сложна была обстановка, Попов и здесь добился перестройки санитарной службы, освободил всех баронов и князей от работы в Красном Кресте и на их места назначил врачей-большевиков.

Попов вернулся в Минск, а через некоторое время Маша опять провожала его на вокзал. Он уезжал в Петроград на Второй Всероссийский съезд Советов.

Вспоминая свою жизнь, Маша подумала, что в общей сложности она очень мало видела своего мужа. Даже когда он был в Минске, они редко имели возможность провести вместе хотя бы день. Вот и тогда, вернувшись из Петрограда, Леон сразу же приступил к организации новой газеты — «Красный Крест Западного фронта». Это было важное и срочное поручение Военно-революционного комитета. Попов выполнил его. Газета выходила регулярно. Но дополнительные заботы, свалившиеся на него как на главного редактора, отнимали последнее свободное время. Домой он приходил поздно, рано поднимался. Леон очень уставал в те дни, осунулся, стал раздражителен.

Спустя некоторое время Попов получил еще одно не менее важное и не менее срочное поручение — принять участие в подготовке Всероссийского съезда работников Красного Креста. Поручение исходило от фракции коммунистов Западного фронта.

Съезд состоялся в Петрограде. На этот раз Маша поехала с Леоном. Они провели в Петрограде несколько дней. Но как хорошо те дни сохранились в памяти! Тогда ведь перед съездом делегатов Западного фронта принял Владимир Ильич Ленин.

Они приехали в Петроград вечером. Стоял сильный мороз, мела метель. Леон с трудом разыскал извозчика и велел ему ехать в Смольный.

Несмотря на поздний час, коридоры Смольного были полны народа. Пока Маша и Леон поднимались на второй этаж, навстречу им шли люди в длинных серых шинелях, в бушлатах, опоясанных пулемет-

ными лентами, одетые в штатское. Маша села на скамейку возле лестничной клетки, а Леон Христофорович пошел в конец коридора, где находился кабинет Ленина.

Леон Христофорович потом подробно рассказал Маше о встрече с Владимиром Ильичем.

Ленин встретил делегатов Западного фронта в приемной, затем проводил в свой кабинет.

— Рассаживайтесь поудобнее, не стесняйтесь,— Владимир Ильич улыбнулся и показал на стулья, стоящие возле его небольшого письменного стола.— Как добрались, ни в чем не нуждаетесь?

Его голос был спокойный, приветливый, беседа началась как-то сама собой. Владимир Ильич говорил тогда о том, что не исключена возможность всякого рода провокаций со стороны реакционеров, их попыток направить съезд Красного Креста против Советской власти. Ленин высказал пожелание большевикам-делегатам съезда взять инициативу в свои руки, повести дело так, чтобы съезд пошел за большевистской партией.

Когда они прощались, Владимир Ильич сказал:

— Нам нужен такой Красный Крест, который верой и правдой служил бы государству рабочих и крестьян.

Эти слова Попов повторял потом не один раз. Маша запомнила их, как и все, что она видела и слышала в Смольном.

Делегаты-большевики выполнили наказ Владимира Ильича. Они не позволили реакционерам сорвать работу съезда, повести его против Советской власти.

Леон и Маша вернулись в Минск. А потом вскоре опять началась война. Леон ушел ночью. И вот эта жизнь, какой трудной она ни казалась, теперь виделась Маше коротким, но счастливым сном. «Неужели все кончено? — вспоминая прошлое, думала она.— Все, все?!»

Грустью сжалось сердце. Отчего у нее появилось такое настроение, расслабляющее силы? И тут она поняла, что именно этого и добивался Гильданов своей прогулкой. Ей стало стыдно за свою минутную слабость, в ней вспыхнул гнев: хорошо же, пусть тешит себя надеждой, но от нее ничего не добьется.

Тем временем Гильданов продолжал обрушивать на Машу поток слов. Он сидел в новом роскошном тулупе, хромовые, ярко начищенные сапоги плотно облегали крепкие ноги. В руках держал длинный резной мундштук. Когда Гильданов говорил, уголки рта его возбужденно вздрагивали приторной улыбкой, должно быть, он долго и старательно заучивал сегодняшнюю роль.

— Большевики внушают всем, что мы, офицеры старой армии, негодяи, предавшие родину, свой народ, что мы жалкая белогвардейская банда. Да, мы сейчас в союзе с немцами и легионерами. Но союз временный, вынужденный. Ни один, поверьте мне, офицер не собирается идти с ними до конца. Они нам только помогают наводить в России порядок, законность. Мы хотим свободы и парламентаризма.

Гильданов закурил и с превосходством посмотрел на Машу.

— Поверьте мне, вы просто не знаете наших сил и того, что происходит на самом деле. Украина почти освобождена от большевиков, бои идут в Поволжье, германский военный флот — в Финском заливе. Скоро Петроград будет в наших руках. Мы захватим большевистское правительство. Пройдем до Владивостока. Большевикам крышка — это ясно. Не буду скрывать от вас... Я приехал в Минск для разведки и вербовки людей. Мне нужны фамилии, возможные явки. И не только здесь, в Минске,— в Петрограде, Москве. Среди большевиков у вас много знакомых, и вы можете нам помочь. Потом будет поздно. Скоро я тайно уезжаю в Москву, и тогда ваше участие окажется бесполезным. Без меня вы обречены.

Пролетка въехала в Подгорный переулок. Маша содрогнулась, но не повернула головы в сторону своего дома. Она хотела казаться такой же, какой была в начале поездки,— равнодушной ко всему и безразличной. Гильданов уловил перемену ее внутреннего состояния.

— Не желаете посмотреть свою квартиру?

— Нет! — жестко сказала Маша и тут увидела свет в доме Крейского. От волнения она сжалась в комок, губы пересохли. «Был ли Нилыч у Зиновия?» — подумала Маша. А пролетка тем временем

миновала мост через Свислочь, подкатила к Губернаторскому саду.

Маша была свидетелем событий, происшедших здесь всего месяца три назад. Тогда казачьи части, находившиеся в городе, выступили против Советской власти. Красногвардейцы Первого имени Минского Совета революционного полка вместе с дружиной из бригады Первого Сибирского корпуса оттеснили казаков к парку и предложили им сдаться. Но белое офицерье это предложение отклонило, и кавалерийские части казаков пошли в наступление.

Завязался жестокий бой. Маша со своими сестрами из лазарета укрылась в проходном дворе невдалеке от парка. Здесь они перевязывали раненых. В один из моментов она заметила, как с несколькими бойцами, тащившими пулемет по Захарьевской улице, пробежал Попов. И за ним на лошадях метнулись казаки. Маша сначала растерялась, а потом бросилась вслед за конницей. Но в этот момент раздалась пулеметная очередь. Казаки повернули назад. Потом пулеметный огонь усилился. Он слышался уже со всех сторон парка.

Бой шел два дня. Казаки были разбиты, их офицеры арестованы.

Через несколько дней в Минске состоялся смотр боевых сил Красной гвардии. Маша вспомнила, как ликовали люди, какое радостное было у них настроение. Около парка стройными рядами прошли красногвардейцы. И Леон находился среди них. Он шел улыбающийся, такой сильный и нес лозунг: «Да здравствует Советская власть!» Когда демонстрация кончилась, Первому имени Минского Совета революционному полку под звуки «Марсельезы» было вручено знамя. «Машенька, да разве нас можно победить!» — говорил ей тогда Попов.

И вот сейчас Гильданов с жаром пытался доказать ей неминуемость гибели большевиков:

— Идет ураган, Мария Ивановна. Да поймите же вы это наконец! От ваших Совдепов ни черта не останется. Только сожалеть потом будете, если не согласитесь на мое предложение. Сейчас каждый мужик на нас молится. А вы интеллигентный человек и не желаете нам помогать. Нам — это значит России.

— На сделку со мной не рассчитывайте. Вы омерзительный, гадкий человек! — Маша была уже не в силах сдерживать себя. Она не могла видеть Гильданова. Все в нем раздражало ее: и новый бараний тулуп, и начищенные до блеска сапоги, и пренебрежительно вздрагивающие уголки губ. Ей даже захотелось скорее укрыться от него в промерзшем, вонючем амбаре.

— Ну-с, хорошо,— процедил капитан, и в его голосе Маша уловила знакомые ледяные нотки.— Ну-с, хорошо, мадам,— еще раз повторил он.— В комендатуру! — Пролетка развернулась, и лошади рысью помчались к центру города...

Гильданов бил Машу сам. Она молчала, а он бил. Потом выругался и велел опять запереть ее в амбар.

В забытьи Маше казалось, что она в Москве, снова курсистка медицинского факультета и танцует свой любимый вальс на новогоднем балу...

Потом ей стало очень холодно, и Маша увидела себя на улице. Дул сильный ветер, шел снег, но она все сдирала с театральной тумбы старые афиши и на их место клеила прокламации. Где-то далеко послышался знакомый голос, затем стал ближе... Маша даже увидела того, кому принадлежал этот голос. Человек был круглый, как шар, во фраке, с толстой золотой цепочкой, свисающей из-под жилета. Он кричал, угрожал, требовал, чтобы Маша выдала студентов, состоявших в социал-демократических кружках. Ей стало не по себе от его голоса, хотелось сказать, как и Гильданову, чтобы на сделку с ней не рассчитывал. Но в глазах замелькали мириады крохотных звездочек, шар во фраке куда-то исчез, и Маша увидела себя на выпускном вечере. Ей показалось, что прошло с тех пор много-много времени, хотя было это всего пять лет назад. А потом началась империалистическая война. Перед ее глазами плыли составы с ранеными, катились санитарные повозки, шли солдаты, и среди них она искала Леона. «Где он, что с ним?» — думала Маша, силясь уснуть.

В забытьи воспоминания, образы, мысли неслись, сбивая друг друга. Маша ворочалась на жестком полу, прятала руки под шапку, оставленную Нилычем. «Почему не пошла тогда на железнодорожный

узел, зачем послушалась встретившегося бойца?» — Чувство вины перед Леоном не покидало ее. Маша была убеждена, что мужа схватили именно в то раннее утро, когда он должен был прийти за ней в лазарет.

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Стоял март восемнадцатого года. Вот уже десять дней, как немцы и белополяки хозяйничают в Минске, десять дней, как Попов и Маша арестованы Гильдановым. Но ни он, ни она ничего друг о друге не знали, кроме лишь того, что жизнь каждого из них зависела от капитана, старавшегося любыми средствами заполучить от них нужные ему сведения.

Попов вместе с другими арестованными красногвардейцами находился вначале в городской тюрьме. Первые дни заключенных почти не кормили. Только перед допросами в камеру приносили миски с какой-то серой, отвратительной баландой. Потом гремел замок, входил худой фельдфебель с шеей, вытянутой, как у гусака, и выкрикивал монотонным голосом:

— Осипович, Аверьянов, Башкевич...

Вызванные уходили. В комендантскую — двухэтажный флигелек, находившийся через улицу; их, как правило, провожал немецкий солдат. В один из вечеров на допрос шла очередная группа, и заключенные решились на побег. Кто-то из них сильным ударом в живот сбил солдата с ног. Тот повалился на изгородь палисадника, выронил винтовку, а когда пришел в себя и начал стрелять, в черноте улицы уже никого не было видно.

Тюрьма тотчас заволновалась. Заключенные повскакивали с нар, тесня друг друга, стоя на цыпочках, жались к маленьким зарешеченным окошкам. Но за ними торчал только пустой тюремный двор. Сейчас же раздались встревоженные голоса:

— Убили?

— Может, бежали?

— У них убежишь! Скорее на виселицу попадешь.

— А вдруг бежали?

Послышался топот кованых сапог. Все мысленно провожали его, и каждый в душе надеялся, что он смолкнет около чужой камеры.

Шаги остановились у той двери, за которой еще несколько минут назад находились трое бежавших красногвардейцев. Первым в камеру вошел фельдфебель. По его бледному и дрожащему от злости лицу Попов все понял. Вытянув вверх указательный палец, фельдфебель бешено заорал:

— Вон! На плац живо, марш!

Солдаты принялись прикладами выталкивать заключенных из камеры.

А фельдфебель продолжал кричать:

— Заговорщики! Русские свиньи!

— Кто свиньи? Мы? Сукин ты сын! Да что же вы молчите, братцы! — крепыш лет сорока схватил фельдфебеля за ворот френча, притянул к себе, а потом изо всей силы швырнул к стене. В этот миг оглушительно грохнули два или три выстрела. Крепыш схватился одной рукой за бок, другой — за грудь, что-то выкрикнул и повалился. Глаза его остановились, словно еще раз желали спросить: «Что же вы, братцы?»

Фельдфебель поднялся и тут же увел солдат. Около камеры поставили охрану.

Несколько минут оцепеневшие от ужаса заключенные, еще не до конца сознавая случившееся, стояли возле трупа. Потом разбрелись по нарам, и в камере наступила мучительная тишина.

Через полчаса пришли солдаты с носилками и вынесли тело убитого.

— Мы должны сохранять спокойствие,— сказал Попов, когда за ними закрылась дверь.— Никакой паники. Но прощать зверскую расправу над товарищем не имеем права. Предлагаю объявить голодовку. Будем требовать, чтобы нам разрешили свидания с близкими и родными.

Все молча дали согласие.

Неожиданно среди ночи заключенных выгнали на перекличку. Рядом с фельдфебелем стоял какой-то высокий чин — Попов не разглядел его погон — с широким приплюснутым носом и отвисшей губой. Тут же был тщедушный с козлиной бородкой Терентий

Зуев. Леон Христофорович хорошо знал этого человека, сотрудничавшего ранее с Белорусской контрреволюционной радой. Когда ее планы, рассчитанные на формирование собственной националистической гвардии, в противовес Красной гвардии, были сорваны в начале восемнадцатого года, Терентий Зуев подался на Дон к генералу Каледину. Служил ему исправно. Рыскал по деревням и селам, выслеживал большевиков, а потом доносил на них.

Первый имени Минского Совета революционный полк действовал против восставших белогвардейских частей Каледина вместе с красногвардейцами Петрограда, Москвы и других городов России. В одном из боев солдаты этого полка взяли много пленных. Среди них оказался и Терентий Зуев. Его допрашивали командир полка Берзин и прибывший на фронт член Минского комитета РСДРП(б) Попов. Терентий божился и клялся, что никогда больше не будет предавать Советскую власть, сознался в своих преступлениях, рассказал все, что знал о расположении калединских войск, их численности.

Полевой суд приговорил Зуева к расстрелу. Но внезапно начавшийся бой помог ему бежать. И вот теперь, когда кончилась перекличка и немецкие солдаты обыскивали подряд каждого заключенного, этот тщедушный человек что-то шептал на ухо офицеру кайзеровской армии. Тот удовлетворенно кивал головой, а потом, обратившись к фельдфебелю, сухо по-немецки сказал:

— Среди этих скотов, оказывается, есть крупный большевик! Что же вы молчали? Вы знаете, что он первый советский руководитель Красного Креста?

— Барон фон Клюгель уже имеет мое донесение о Попове, господин полковник. Арестованный допрашивается нашей разведкой. Но пока безрезультатно.

Леон Христофорович великолепно знал немецкий, поэтому хорошо понимал, о чем шел разговор. Сначала он ничего нового для себя не услышал. Но когда фельдфебель назвал фамилию барона, Попов насторожился. «Не тот ли Клюгель, который жил в Одессе?» — подумал он. Но тут же отбросил эту мысль: мало ли таких фамилий среди немцев.

Тем временем фельдфебель, стараясь выслужиться перед полковником и показать свою осведомленность, говорил, что Попов, как ему кажется, и есть тот единственный, кто вдохновил красногвардейцев на побег.

— Он рассчитывает, вероятно, с помощью бежавших установить связь с партизанами. Так ведь, вы знаете, поступил председатель ревкома в Могилевской губернии. Партизаны устроили побег ему и всем заключенным.

— Возможно, вы и правы. Партизаны успели нам изрядно потрепать нервы. У них большие силы. Разбрасывают листовки среди наших солдат, выводят из строя телефонную и телеграфную связь, совершают диверсии, похищают оружие. Под Добрушем захватили бронепоезд.

— Я слышал, бандиты напали под Минском на наш отряд.

— К сожалению, это так. В тылу у нас большие потери. Не кажется ли вам, фельдфебель, что большевиков следует изолировать от остальных заключенных?

— Вы правы, господин полковник.

Слушая их разговор, Попов от радости с трудом сдерживал улыбку. «Значит, дела не так уж плохи, как старается уверить меня Гильданов,— рассуждал он.— Выходит, что не только в Минске, а по всей Белоруссии действуют подпольные отряды». Леон Христофорович знал, что минским красногвардейцам, оставшимся для борьбы с оккупантами, должны были помогать рабочие Орши, Борисова, Витебска, Гомеля и других городов. Из слов полковника Попов сделал вывод, что партизанская война в Белоруссии идет успешно. Леон Христофорович был уверен теперь, что и крестьяне поддерживают партизан и что ни помещики, ни кулаки, прятавшие оружие, отнимавшие у населения хлеб и лошадей, не в силах сдержать борьбу против оккупантов.

По выражению лица полковника Леон Христофорович догадывался, что оккупанты серьезно обеспокоены положением дел на захваченной территории. Видимо, не оправдывались их надежды на обещанный контрреволюцией «союз» с народом. Банкротами

оказались и польские магнаты, до революции владевшие в Белоруссии большинством земельных угодий. Крестьяне видели в Советской власти единственного защитника. Попов знал это и верил, что они никогда теперь не согласятся вновь стать батраками.

Попов понимал, что партизанские успехи зависели и от возрастающей силы Красной Армии. Хотя обстановка на фронте, судя по всему, оставалась тяжелой, Леон Христофорович был убежден, что партия, Советское правительство, лично Владимир Ильич Ленин не оставят, как и раньше, без помощи белорусскую Красную гвардию и ее отряды, действовавшие в тылу. Эта уверенность в нем окрепла после того, как полковник, обращаясь к фельдфебелю, тихо, словно опасаясь, что его подслушивают, произнес:

— Поимейте в виду: под Добрушем партизаны действовали вместе с каким-то московским отрядом, прорвавшимся в тот район. Так что большевиков необходимо изолировать. Это приказ фон Клюгеля. И я приехал затем, чтобы выполнить его немедленно. Зуев поможет отыскать среди всей этой нечисти наиболее опасных бандитов.

Этой же ночью Попов и другие красногвардейцы-большевики, на которых указал Терентий Зуев, были переведены за город, в барак, находившийся рядом с немецкой военной частью. Барак стоял одной стороной к редкому молодому березняку, другой выходил в поле; за ним вправо по горизонту чернел голый лес. А слева метрах в пятистах виднелись казармы.

Барак был перегорожен на три отсека. В средний ввели Попова и еще двух заключенных. В двух соседних отсеках заперли восемь человек.

Когда их привезли сюда, немецкие солдаты еще вытаскивали из барака мешки с зерном, горохом, бочки с сельдью. Потом накидали на пол ржавой соломы и заперли двери на тяжелые засовы.

Леон Христофорович почти не спал всю оставшуюся ночь. Но настроение у него было бодрое. Под утро забарабанил дождь. Попов поднялся, сделал несколько приседаний, подтянулся на дверной перекладине и приятно ощутил, как хрустнули, налились силой ослабевшие мышцы. «Ничего, мы еще повоюем,—

весело подумал он.— Нужно бежать, как можно скорее».

Попов и раньше думал о побеге. Но он не хотел поступать так опрометчиво, как те трое красногвардейцев. Шансов на успех у них было очень мало. Им тогда повезло, и Леон Христофорович, конечно, радовался за товарищей. Однако слишком дорогой ценой добыли они себе свободу. Ведь любого, а может быть, и всех, кто сидел с ними в камере, могли расстрелять как заложников. Так бы, наверное, и произошло. Но случилось неожиданное. Трагический случай — убийство заключенного — заставил тюремное начальство отказаться от своих намерений, заключенные и без того оказались напуганными. «Побег нужно организовать так, чтобы никто из товарищей не пострадал. Это главное,— рассуждал Попов.— К тому же дело не только во мне самом. Надо освободить как можно больше людей».

Перемена места заключения расстроила прежние планы Леона Христофоровича на побег. И в это утро он обдумывал новый вариант. Прежде всего, можно ли положиться на каждого, кто находится в бараке? Попов рассчитывал побег для всех. С ним в отсеке двое. Одного он знал. Двадцатипятилетний Клим Васенин работал раньше слесарем на городской электрической станции. Еще до Октябрьской революции руководил там социал-демократической ячейкой. Красногвардеец. Участвовал в боях с Колчаком. Попов помнил его по Суражу и был в нем уверен. А вот второй? Тот сидел в углу барака, облокотившись на стену и положив руки на колени. Худые, длинные пальцы нервно теребили изрядно поношенные галифе. Из-под гимнастерки проступали узкие плечи, на Попова смотрели воспаленные, черные как угольки глаза. На вид — лет восемнадцать.

— Мы так и не познакомились,— Леон Христофорович подсел к молодому человеку, представился ему.— А вас как зовут?

— Михаил... Михаил Сажин.

— Большевик?

— Нет. Хотя, да. По убеждениям большевик.

— Вот как! — удивился Попов.— Если не секрет, то в чем ваши убеждения?

— Видите ли, это трудно объяснить в двух словах. Однако если нужно... Ну хотя бы тот факт, что я тут вместе с вами...

Попов пристально изучал Сажина, его пальцы нервно мяли длинную соломинку.

— ...Меня выдал тот, с бородкой, который стоял с немецким офицером.

— Вы знакомы?

— Еще бы! Я брал его в плен.

Сажин говорил сначала нехотя, но потом проникся доверием к Попову и рассказал ему все.

Он жил в Киеве. Отец его преподавал в гимназии историю и был, как утверждал Сажин, человеком либеральным, имел знакомых среди большевиков. Сам же Михаил учился на юридическом факультете. Но занимался он в университете недолго — два месяца. В конце октября семнадцатого года в Киеве произошло восстание. Рабочие и революционные солдаты разгромили войска Временного правительства. Контрреволюционная Центральная Украинская рада, в которую входили кадеты, националисты, меньшевики, эсеры, тут же стянула в Киев отряды гайдамаков и остатки войск Временного правительства и подавила восстание. Рада объявила себя высшей властью на Украине и повела открытую борьбу против Советов. Гайдамаки разоружали революционно настроенные части, перекрывали пути продвижения Красной гвардии на Дон, где шли бои с белым казачеством генерала Каледина. А в самом Киеве они устраивали погромы, облавы, выискивая большевиков и сочувствующих им людей.

В один из дней гайдамаки ворвались и в дом Сажиных. Кто-то, как предполагал Михаил, донес им, что отец имел знакомых среди большевиков. Бандиты изрубили его шашками на глазах жены и сына.

Мать Михаила сошла с ума и покончила с собой, а сам он сбежал к тетке в Екатеринослав. В конце декабря красногвардейцы и революционные солдаты вместе с пришедшим к ним на помощь Московским отрядом Красной гвардии освободили Екатеринослав от гайдамаков и установили в городе Советскую власть. Многие жители вступили тогда в Красную гвардию. В том числе и Михаил Сажин.

Он сражался против гайдамаков при взятии Мариуполя, Николаева, Харькова. Под Бахмачем красногвардейца Сажина перевели в Первый Минский революционный отряд. В рядах этого отряда Михаил освобождал свой родной Киев.

Рассказ Сажина перебил грохот подъехавшей к бараку телеги. Послышалась немецкая речь, дверь в их отсек отворилась, и в прямоугольнике света показался солдат с огромным чайником в одной руке и жестяными кружками в другой. Он налил в них желтую жидкость.

— Кофе! Трынкен кофе.

Попов взял свою кружку и опрокинул ее вверх дном. Его примеру последовали Васенин и Сажин.

— Кофе гут! Кофе хорошо! — солдат опять наполнил кружки. И опять все выплеснули жидкость.

Немец выругался, хлопнул дверью и пошел к другому отсеку.

Через некоторое время Попова вызвали из барака. Под охраной двух солдат его отправили на допрос в комендатуру. По дороге он думал о различных вариантах побега, о Васенине и Сажине. Теперь Леон Христофорович был уверен в обоих.

В спину дул сильный ветер, он словно подгонял мысли Попова и старую несмазанную телегу, которой правил дряхлый старик в испревшем тулупе. Дождевые тучи уже сошли с горизонта, и теплые лучи мартовского солнца приятно ласкали лицо.

Попов обернулся. Справа, свесив ноги, зажав в коленях винтовку, сидел крупный, розовощекий, молодой немецкий солдат. Его узкие выцветшие глаза, хитро прищуриваясь, все время косились на Леона Христофоровича. Спиной, рядом с извозным, восседал другой солдат — худой, с вытянутой из-под воротника шеей. Он то и дело подгонял старика:

— Шнель! Скорее!

Эти двое с прошедшей ночи дежурили у барака. И еще двое солдат, как заметил Попов, находились там в охране. «Значит, четверо против одиннадцати»,— рассуждал Леон Христофорович.

Попов задумывал рискованную, но, как ему казалось, оправданную обстоятельствами операцию. Часа в два-три ночи Васенин и Сажин вызовут охрану.

По-немецки Леон Христофорович объяснит, что заболел желудком и что необходимо выйти на двор. Немецкая речь и мученический вид должны, рассчитывал Леон Христофорович, усыпить бдительность охраны. Вряд ли двое солдат захотят провожать его в отхожее место. Наверняка пойдет один. Попов же притворится немощным и попросит помощи Васенина. Когда трое окажутся за бараком, Леон Христофорович заговорит солдата, Васенин ударит его в солнечное сплетение, а потом... «Потом,— рассуждал Попов,— все будет зависеть от нас самих. По-немецки вызову второго солдата. Разоружим его, затем, имея винтовки, без выстрелов, штыками разделаемся с остальными. Быстро освободим товарищей. Бежать будем через поле в лес...»

Телега въехала в город. Косые солнечные лучи беспокойно переливались в окнах и больших лужах, образовавшихся на мостовых после утреннего дождя. Вдруг набежало облако, и Попова охватило какое-то неясное, необъяснимое и тревожное чувство. Он тут же подумал о Маше. Леон Христофорович вспомнил, как однажды у них в гостях были Михаил Васильевич Фрунзе и Александр Федорович Мясников. Маша заварила чай и подала к столу сваренную в «мундире» картошку. Фрунзе выложил сверток. В нем оказалась большая жирная селедка.

— Из личных припасов. Думал сохранить до нового года,— шутил Михаил Васильевич.

Это была последняя встреча Попова с Фрунзе в Минске. Леон и Маша провожали его домой. Шли мимо постов красногвардейцев, расставленных возле почты, телеграфа, оружейных мастерских. Стояла темная ночь, и лишь неясный серп луны освещал им дорогу. Леон вел Машу под руку, всем существом своим чувствовал ее присутствие, и ему казалось, что их счастье никогда и ничем не будет омрачено...

ПОЕДИНОК

В конце улицы показалась немецкая комендатура. Потом телега остановилась, и солдаты повели Попова на второй этаж. Худой солдат при-

казал ему сесть на скамейку, а сам пошел в канцелярию. Вскоре показался Гильданов. Жестом позвал Попова, и они направились в какую-то комнату. В ней стояли старинный дубовый стол, мягкие кресла. Стены поблескивали свежей коричневой краской. Окно предусмотрительно было заделано решеткой.

— Располагайтесь. В вашем распоряжении час,— сухо, официально сказал Гильданов.— Вам предоставляется возможность в последний раз обдумать свое положение. Повторяю условия. Численность и вооружение белорусских красногвардейских отрядов, фамилии их командиров, комиссаров, характер переписки с ЦК РСДРП(б), адреса людей, возглавляющих диверсионные подпольные группы. И еще. Я выезжаю в Москву. Вы дадите мне рекомендательное письмо. Все. Если откажетесь выполнить эти условия, вас расстреляют. И вашу жену. Кстати, вынужден сообщить пренеприятнейшую для вас новость. В Минске — барон фон Клюгель. Сын старика Клюгеля, которого большевики убили в Одессе. Помните? Вы тогда руководили подпольной партячейкой. Как видите, сведения точные, ведь молодой Клюгель — мой хороший приятель. Как-то вы отказали мне в своей дружбе. Так вот Клюгель, когда меня не будет в Минске, не откажет себе в удовольствии рассчитаться с вами. Не случайно он не пожелал даже говорить с вами. От его лица говорю теперь я. Итак, час на размышление.

Гильданов повернулся и направился было к дверям, но какое-то странное чувство заставило капитана против воли остановиться. Он бросил острый взгляд на Попова.

Леон Христофорович казался совершенно невозмутимым. Он стоял у края стола и левой рукой приглаживал свои черные густые усы. Старая вылинявшая гимнастерка свободно висела поверх галифе. Ремень у него отобрали солдаты, еще когда вели в городскую тюрьму. Тогда же стянули и сапоги, подсунув какие-то изношенные, с протертыми до дыр голенищами. И вот он стоял сейчас в дырявых сапогах против холеного, довольного собой Гильданова и невозмутимо поглаживал усы. Капитан понял те-

перь, что заставило его остановиться: весь вид Попова, его совершеннейшее спокойствие и даже, пожалуй, полное безразличие ко всему тому, о чем только что шел разговор. Гильданова поразила мысль, неожиданно пришедшая к нему. Он признался себе, что вряд ли смог бы вести себя так, как стоявший перед ним человек, по существу приговоренный к смерти.

— Для чего вы живете, Попов? — вырвалось у него.

— Для чего? — Леон Христофорович вскинул брови и даже улыбнулся.— Для чего? Вопрос сложный.

Леон Христофорович расправил гимнастерку, заложил руки за спину и прошелся по комнате.

— Видите ли, уважаемый господин Гильданов, у меня есть цель в жизни.— Попов резко повернулся.— Цель, которой у вас нет. Я — революционер. Вы это понимаете?

— Разумеется. Однако вы напрасно считаете, что у меня нет цели. У меня она тоже есть. Я против вашей революции, против ваших Совдепов. И в бою с ними готов умереть.

— В бою умереть легче, там некогда думать о смерти. Я-то это знаю. А вот тут, среди этих стен... Скажите-ка мне: согласились бы вы поменяться со мной ролями?

— Как это понимать?

— Представьте себя в моем положении. Только будьте откровенны. Воспользовались бы вы тем шансом на спасение, которым я сейчас располагаю?

— Разумеется!

— Вот видите! Вы сами сейчас подтвердили, что ваша цель не стоит вашей жизни. Так что...

— А вы, конечно, не используете этот шанс? — перебил Гильданов.— Ах, да... вы же несгибаемые.

— Не нужно иронизировать. И среди нас случаются такие, у которых сдают нервы. Дело не в этом, дело ведь в том, ради чего, повторяю, ради чего стоит жертвовать жизнью. Я не хочу кривить душой. Вы смелый человек. Но вот у нас зашла речь о самом существе жизни, ее смысле, и вы, Гильданов, струсили. И знаете почему? У вас нет убеждений,

нет того, что есть у большевиков. В этом смысле мы, большевики, действительно несгибаемые. Мы убежденные революционеры, наши идеалы...

— Бросьте свою демагогию, Попов! — Гильданов рассердился на себя за начатый разговор.— Подумайте лучше о себе и постарайтесь выбросить из головы всю эту чушь. Напоминаю: у вас есть всего один час. Один!

Гильданов щелкнул каблуками и вышел из комнаты. Попов еще несколько минут неподвижно стоял возле кресла. Потом сел и тяжело опустил голову. Он почувствовал, как кровь приливает к вискам, как непривычно сжались они от тупой боли. «Да что такое?» — заволновался Леон Христофорович. Откинул голову, сделал массаж лица. Стало легче, и тут он отчетливо осознал опасность ловушки, в которую так нелепо попал. «Этой же ночью нужно бежать,— решил Попов.— Но как продержаться до нее, удастся ли вернуться в барак?»

Мысли беспорядочно кружились, возвращались к Гильданову, от него — к Маше, фон Клюгелю. Когда Попов вспоминал барона, память почему-то тотчас воскрешала собственное детство, юность.

...Попов жил под Одессой, в городе Аккермане. Его отец Хачик Саркисович Папянц поселился там еще до рождения Леона. Хачик бежал сюда из Армении, опасаясь кровной мести после резни, устроенной однажды армянами и тюрками в его городе Шуше. Приехав в Аккерман, сменил имя, став Христофором Сергеевичем Поповым.

Христофор купил добротный каменный дом, обзавелся виноградником, стал торговать вином. Когда подросли дети, а их было шестеро, всех определил в гимназию. Они с большим желанием изучали иностранные языки. Особенно Леон, в совершенстве овладевший французским, немецким, греческим.

Семья у Христофора была дружной. В его доме по вечерам часто собиралась молодежь — дети виноградарей, рабочие винодельческого завода.

Душой компании был старший брат Леона — Александр. Веселый, остроумный, он всегда что-нибудь придумывал. Но больше всего любил устраивать литературные и музыкальные вечера. Сам

Александр играл на скрипке, два других брата — Андрей и Михран пели и играли на гитаре, сестра Елена читала стихи, а Леон обычно музицировал на фортепьяно.

Однажды Александр собрал свою компанию и по секрету сказал, что вступил в социал-демократический кружок. Показал всем томик Плеханова, «Манифест» Маркса и Энгельса, листовки, призывающие к свержению самодержавия. Тогда ребята условились, что под видом музыкальных вечеров и у них в доме будет собираться свой кружок для изучения запрещенной марксистской литературы.

Леон Христофорович вспомнил, как спустя лет пятнадцать, когда уже шла империалистическая война, Александр организовал в Одессе большую антивоенную демонстрацию. Тогда его арестовали и зверски избили. Он вышел из тюрьмы после Февральской революции. Домой пришел инвалидом: у него были повреждены почки и легкие. Последний раз Леон Христофорович видел брата, когда несколько месяцев назад приезжал в Одессу. Александра нашел в больнице. Врачи надежд на выздоровление больше не возлагали. Приходилось каждый день выкраивать время, чтобы навестить брата. Однажды Александр спросил:

— Не забыл нашу «Южную группу»?

— Еще бы!

— Розалию Землячку и Дмитрия Ульянова больше не встречал? Какие это были люди! Помнишь, как здорово они поставили дело? Сколько мы тогда номеров «Искры» переправили в Россию!

Александр с трудом приподнялся с постели и тихо сказал Леону:

— Когда перед революцией девятьсот пятого года начались обыски и аресты, Землячка передала мне пакет с партийными документами. Велела спрятать. Я хранил его у нас в доме на чердаке. Розалия о нем не спрашивала, пакет так и пролежал там. А перед тем как лечь в больницу, я вскрыл его. Знаешь, что там оказалось?

Александр рассказал, что в пакете находились двадцать четыре экземпляра газеты «Искра» — с пятого по сорок второй номер, оттиски отдельных

статей, опубликованных в «Искре». Автором многих был Владимир Ильич Ленин. В пакете хранились также листовки. В одной из них Одесский комитет РСДРП разъяснял, что пролетариат должен покончить с царским правительством, захватить власть в свои руки и приступить к строительству социалистического общества.

Вместе с листовками были свернуты блокноты и тетради с шифрами тайнописи, кодовым ключом, конспекты речей.

— Знаешь, что я еще обнаружил? Автограф нашей Ленки! Ты ведь помнишь, газету «Одесские листки» мы использовали для упаковки подпольной литературы. На одном из номеров этой газеты стоит отчетливая подпись: «Елена Попова». Забери как-нибудь этот пакет. Он там же, на чердаке. Я замуровал его в стену. Место определишь по глиняной обмазке.

Леон Христофорович не смог тогда съездить в Аккерман, и пакет остался в тайнике. Сейчас Попов сожалел об этом. Он подумал, что, если удастся выбраться из заключения, непременно выполнит просьбу Александра.

Леон Христофорович вспомнил, что в полевой сумке, подаренной ему Фрунзе и оставшейся у Маши, были письма от Александра и Елены. Письмами сестры он очень дорожил и боялся, что они могут попасть в руки Гильданова или Клюгеля.

Окончив гимназию, Елена уехала из Аккермана в Петроград. Закончила там медицинский институт, вышла замуж за Бориса Климина, сына известного народовольца Иннокентия Климина, просидевшего около двадцати лет в одиночной камере Шлиссельбургской крепости. Вскоре после замужества Елену и Бориса Климина арестовали за революционную деятельность и сослали в Сибирь. Там она потеряла мужа и двоих детей, умерших от истощения. Возвратилась Елена из ссылки тоже после Февральской революции. Поселилась в Кишиневе, и вот оттуда Леон Христофорович получил недавно ее письмо. В нем, кстати, она вспоминала их брата Андрея, случившуюся с ним историю, которая имела прямое отношение к барону фон Клюгелю.

Произошла эта история в Одессе в 1905 году. Леон Христофорович учился тогда на медицинском факультете университета, а Иоганн Клюгель был студентом юридического факультета. Иоганн с открытым пренебрежением относился к Попову — «прогнившему интеллигенту, снюхавшемуся с босяками». Но Леон старался сохранять с ним вполне сносные отношения. Ведь в доме Клюгеля встречались одесский градоначальник Нейдгарт, городской голова Зеленый, командующий войсками Одесского военного округа генерал от кавалерии барон Каульбарс и другие «киты» города. Бывая в гостях у Иоганна, Попов многое узнавал из разговоров, подслушанных в гостиной.

Однажды на вечеринке у Клюгелей Леону удалось узнать очень важные сведения. Городские власти задумали продать иностранным компаниям большую партию зерна, тогда как в Одессе не хватало хлеба и цены на него все время росли. Попов решил сорвать их планы. Когда началась погрузка пшеницы в трюмы английского парохода «Грейсфельд», австрийского «Адриатика» и французского «Сидон», он организовал в порту митинг. Но полиция разогнала его. Пароходы ушли в море, зато об этой махинации узнал весь город.

Афера с продажей хлеба иностранным компаниям вызвала возмущение рабочих Одессы. Вспыхнули забастовки на машиностроительном заводе Рестеля, кожевенной, рафинадной и джутовой фабриках. Одесская парторганизация поручила Попову организовать забастовку и портовиков. С этим заданием он справился.

Сигналом к забастовке послужило безобидное, казалось бы, объявление, вывешенное на Таможенной площади рядом со знаменитой «обжоркой» — грязным одноэтажным зданием, где ел и пил бедный люд. Объявление сообщало, что мариенбадские пилюли доктора Клеевена являются лучшим средством против ожирения и что принимать их следует после обеда.

В тот день после обеда и началась забастовка портовиков. В ней приняли участие все грузчики и судовые команды. Они требовали от городских

властей разрешения на создание собственного профессионального союза и учреждения общества вспомоществования нуждающимся рабочим. Забастовка продолжалась три дня и, как писала одесская газета «Репортер», принесла тогда около трехсот тысяч рублей убытка владельцам пароходства. Власти вынуждены были удовлетворить требования рабочих.

Одно время Попов полагал, что ему удастся склонить на свою сторону Иоганна, приобщить его к деятельности большевистской ячейки университета, которой Леон руководил. Сам Леон вступил в партию на втором курсе университета в девятьсот четвертом году. К тому времени он имел уже опыт подпольной работы.

Находясь сейчас в плену у Гильданова, Леон Христофорович невольно начал думать о том, почему стал членом именно большевистской партии, а не какой-либо другой. Сначала Попову показалось странным, отчего вдруг только теперь стал спрашивать себя об этом. А что же раньше? Поступал безотчетно, бездумно? Нет, он никогда не совершал опрометчивых шагов и в партию вступил убежденным марксистом. Но теперь как бы заново переоценивал прожитые годы, считал необходимым еще раз поговорить самому с собой откровенно.

Попов вспомнил, как в 1902 году он участвовал в студенческих волнениях. На сходке во дворе университета стоял в той группе, которая скандировала: «Долой царизм!», «Да здравствует союз с пролетариями!» Когда студенты вышли со двора на улицу, конная полиция разогнала их. Леон замешкался и получил по спине увесистый удар нагайкой. На следующий день за участие в сходке и демонстрации его выслали в Аккерман.

Всю весну, лето и осень Леон прожил в Аккермане, не имея права выезжать из города. Он тогда много читал, много думал. Друзья приносили ему запрещенную марксистскую литературу, в том числе и ленинскую «Искру».

Попов помнил, как он прятал в тайнике сада первый номер этой газеты. В ее передовой статье Ленин писал о необходимости создания в России марксист-

ской партии, без которой пролетариат не сможет подняться до сознательной классовой борьбы, не освободит ни себя, ни всех трудящихся от рабства.

А когда Леон прочитал книгу Ленина «Что делать?», то понял, что такое на самом деле та марксистская партия, о которой писала «Искра». Для него стало очевидным: только сторонники Ленина ведут настоящую борьбу против существующего строя и только они принципиально отстаивают интересы трудящихся.

В те дни Попов с жадностью читал и все одесские газеты. На их страницах выступали представители разных партий. И каждый утверждал, что позиция его партии — единственно правильная. Леон анализировал эти точки зрения, сравнивал с мыслями Ленина, высказанными в «Что делать?». Постепенно у Попова складывалось свое собственное мнение, потом, через несколько месяцев раздумий, он целиком и полностью разделил позиции «искровцев». Ему стало ясно, что эсеры, действуя под маской революционности, мешают пролетариату увидеть в себе самом главную силу революции. Леон отверг и проповедь эсеров о единоборстве интеллигенции с буржуазией, категорически восстал против террористических актов, придя к выводу, что такая тактика отвлекает народные массы от борьбы с самодержавием. Не согласился он и с «экономистами», предлагавшими рабочим вести только экономическую борьбу с хозяевами предприятий.

Попов все больше склонялся к мысли, что пролетариату нужна действительно только такая партия, которая привела бы Россию к социалистической революции. Именно о ней писал Владимир Ильич Ленин — о партии нового типа.

Ссылка Попова кончилась, и он вновь вернулся в Одессу. Всю зиму, следующую весну и лето выполнял поручения социал-демократического кружка, который был создан в университете,— составлял тексты листовок, организовывал явки, распространял запрещенную литературу. И все время, на каждом шагу проверял свои мысли, взгляды, с каждым таким шагом становился все более убежденным сторонником Ленина.

Когда Леону стало известно о состоявшемся в Лондоне Втором съезде РСДРП, он безоговорочно принял искровскую Программу партии. Потом в университетской столовой, служившей местом собраний, разъяснял студентам суть этой Программы, страстно агитировал за нее и на митингах, которые организовывали в городе социал-демократы. Так он постепенно вырабатывал в себе профессиональные качества революционера.

В одесской партийной организации юношу хорошо знали, во всем ему доверяли. Однажды Леону поручили провести очень рискованную операцию. В Одессе долго не могли забыть потом происшедшего в кафедральном соборе...

По случаю дня тезоименитства его императорского высочества наследника-цесаревича и великого князя Алексея Николаевича в соборе состоялся торжественный молебен. Когда он закончился, хор должен был исполнить гимн «Боже, царя храни». Но неожиданно несколько певцов запели «Интернационал». Десятка два людей, находившихся в переполненном зале, поддержали смельчаков. А потом вдруг раздались отчетливые, звонкие голоса:

— Долой самодержавие!

— Свобода и равенство!

В собор ворвались полицейские. Но в этот момент погас свет. Началась паника, поднялся истошный крик и визг. Люди бросились к выходу, сбив с ног многих полицейских. Разъяренные, они открыли пальбу из пистолетов. Тем временем хористы и те, кто пел с ними «Интернационал», скрылись.

Леон сумел привлечь к работе большевистской ячейки университета даже нескольких преподавателей. Профессор Щепкин помогал ему распространять листовки, в которых Одесский комитет РСДРП разоблачал истинные цели царского правительства в русско-японской войне. Университетское начальство стало догадываться о связях Щепкина с большевиками и решило уволить его и лишить звания профессора. Тогда Попов созвал заседание центрального студенческого совета. Совет был создан по инициативе большевистской ячейки университета. В него вошли студенты, защищавшие интересы различных

политических партий. Однако большинство в нем имели сторонники РСДРП.

На заседании совета Попов потребовал от администрации университета прекратить гонение на Щепкина. Большинством голосов предложение было поддержано. Опасаясь дальнейшего расширения конфликта, администрация согласилась оставить Щепкина на работе, но профессорского звания он все же лишился.

Иоганн Клюгель тоже был в числе членов совета. И тогда он поддержал Попова. Леон долго думал, чем объяснить эту поддержку: жалостью к преподавателю, боязнью остаться среди меньшинства, или же то был осознанный поступок? Попову хотелось верить в последнее. И вот сейчас, находясь в немецкой комендатуре, вспоминая об этом, Леон Христофорович не мог простить себе той доверчивости и совершенной затем ошибки.

Однажды Попову предстояло созвать конспиративное совещание. Участники его были заранее уведомлены о характере встречи, но не знали, когда и где она состоится. Условия подпольной работы требовали большой осторожности. Дату и место совещания Попов иносказательно сообщил всем через «Вечернюю газету»: «Городская дача Ланжерон. Сдается меблированная комната. Справляться у П. С. Рубенчика сегодня с пяти вечера. Нежинская, 62».

Леон тогда решил рискнуть и пригласил на совещание Иоганна Клюгеля. В условленное время они прибыли на Нежинскую улицу. На совещании обсуждалась работа тайной типографии, распространение антивоенных листовок среди солдат Одесского гарнизона.

Через неделю все участники совещания, кроме Клюгеля и Попова, были арестованы. Выездная сессия Одесской судебной палаты приговорила к десяти годам каторжных работ студентов Ильницкого, Чернявского, двух солдат и унтер-офицера 74-го пехотного полка за агитацию среди войск с целью ниспровержения государственного строя. Во время этого нашумевшего процесса подсудимые не отрицали, что были схвачены, когда проносили листовки

в казармы. Леон полагал тогда, что провал произошел из-за плохой конспирации самих арестованных.

Прошло почти тринадцать лет с тех пор, и сейчас Леону Христофоровичу было легче разобраться в обстановке, дать правильную оценку событиям, фактам, поведению людей. Теперь у него не было сомнений в предательстве Клюгеля. Более того, он понял, что сведения, которыми располагал Иоганн, как нельзя кстати пригодились ему и его отцу.

Барон фон Клюгель оказался тогда замешанным в грандиозной афере. Вместе со своими друзьями он организовал на даче фабриканта Дунина большое гулянье. Они пригласили сюда духовой оркестр, цыганский хор. Знаменитая Софья Штарк давала сеанс отгадывания мыслей на расстоянии, фамилий, рода занятий людей, чтения запечатанных писем. Фейерверк украшал вечер, веселил пьяное застолье.

Гулянье на даче Дунина обходилось дорого, оказалось по карману лишь зажиточным горожанам. Только входные билеты стоили трешник, а столик на четыре персоны в ресторане, устроенном в парке,— червонец и сорок гривен.

Первый вечер прошел успешно. За ним последовал второй и третий. Сбор средств от них, как уверяли расклеенные по всей Одессе афиши, должен был пойти в фонд помощи инвалидам русско-японской войны. Но фон Клюгель добрую половину собранных денег присвоил, оставив с носом своих компаньонов, разумеется также рассчитывавших нагреть руки на благотворительном мероприятии.

Разразился скандал. Клюгелю грозили поджогом дома, убийством в случае, если не вернет денег. И вот тут-то Иоганн рассказал отцу о намерениях участников совещания, а тот донес на них, рассчитывая таким образом откупиться за свое мошенничество.

Вспоминая обо всем этом, Леон Христофорович понял сейчас, почему тогда не арестовали его самого. Он остался на свободе не потому, что его товарищи нарушили конспирацию, и не потому, что не назвали остальных участников совещания. Полиция и без них все знала от Иоганна. Царские следователи решили устроить за Леоном слежку, надеясь выяс-

нить новые явки и других скрывавшихся в подполье большевиков. А Иоганн, как теперь догадывался Попов, должен был стать тайным агентом полиции.

В те дни девятьсот пятого года в Одессе назревала революционная буря. Полицейские сыщики в своих донесениях в жандармское управление сообщали о готовящихся на заводах и фабриках массовых забастовках. На улицах почти ежедневно вспыхивали митинги. Ораторы призывали создавать Советы рабочих депутатов, которые бы руководили всей борьбой за политические и гражданские права.

Леон Христофорович вспомнил, как на одном из таких митингов, состоявшемся на Французском бульваре, на трибуну вдруг выскочил маленький полный господин.

— Я не большевик,— закричал он.— Но я за революцию. И знаете почему? Потому что она началась не сегодня и не в пятницу после обеда, а давным-давно, может быть во времена Екатерины второй. Началась революция, когда народу-великану дали соску. Кто дал ему соску? Те, у кого желудки от излишества отказывались переваривать пищу. Эти люди решили, что голодный народ «с жиру бесится». Они подразнили его свободой, а потом провозгласили: «Милость и правда да царствуют в судах». Я скажу вам, что такое наше правосудие...

Голос полного господина потонул в криках и свистках налетевшей конной полиции. Митинг был разогнан. Многих организаторов его арестовали. Попов спасся чудом. Он ускакал тогда на чьей-то пролетке, а потом несколько дней скрывался в Аккермане.

В городе шли аресты. Но революционная борьба не прекращалась, она разгоралась с новой силой и вылилась в октябре во всеобщую стачку. Так рабочие Одессы, возглавляемые городским комитетом РСДРП, ответили на призыв партии поддержать Всероссийскую стачку трудящихся.

Новая волна митингов прокатилась по городу. На одном из них брат Попова Андрей выступил против начавшихся еврейских погромов.

В это время Леон находился в подпольной типографии и редактировал листовки, которые предполагалось ночью расклеить по городу. Одна из листовок должна была кратко передать речь Андрея на митинге. Леон с нетерпением ждал брата, но его все не было. Тогда, чтобы не терять времени, он отдал наборщику конспект речи Андрея, который накануне они составили вместе. Листовка была отпечатана. В ней говорилось, что черносотенные погромы — начало самых грубых, самых прямых и непосредственных проявлений гражданской войны. Реакционно-монархистские круги стремятся разжечь ненависть среди народов России, столкнуть их между собой, надеясь, что это отвлечет народные массы от революционной борьбы...

Попов не успел дочитать листовку. Прибежал товарищ Андрея. Он принес страшную весть.

Когда кончился митинг, Андрей сразу направился к типографии. По дороге он заметил, что следом за ним пошла большая группа черносотенцев. Андрей ускорил шаг, те тоже. Андрей дворами побежал к Приморской улице. Там они догнали его. Озверевшие бандиты кинулись на беззащитного человека. Били палками, топтали ногами, а потом бесчувственное тело отволокли к набережной и сбросили в море. В этот же день был убит и отец Иоганна. Его не спас донос на товарищей Попова. Компаньоны Клюгеля рассчитались с ним, затем распустили слух, что покушение на него в отместку за гибель брата организовал Леон. Иоганн поверил этому и затаил дикую ненависть к Попову. Он искал его повсюду и, не скрывая своих намерений, грозил поступить с Леоном так же, как черносотенцы с Андреем. Но в один из дней Клюгель исчез из города — сбежал в Германию, напуганный революцией. Случилось это в ноябре, когда борьба трудящихся Одессы завершилась созданием Советов рабочих депутатов.

Прошло тринадцать лет. Многое пережил Попов за эти нелегкие годы.

После образования Советов накал революционной борьбы не угас. Однако условия для деятельности партии день ото дня становились тяжелее. Фабриканты и заводчики Одессы стали увольнять рабо-

чих, принимавших участие в революционной борьбе, царская охранка начала аресты большевиков. Опять пришлось соблюдать строгую конспирацию. Леон Христофорович вместе с товарищами по партии в нелегальной типографии издавал тогда газету «Одесский рабочий», выпускал листовки, создавал на фабриках и заводах тайные библиотеки марксистской литературы. И, как прежде, руководил большевистской ячейкой университета. Он закончил его в 1910 году. А вскоре царская охранка разгромила одесскую организацию РСДРП. Попов был вынужден уехать в Херсонскую губернию. Поселился в Ананьевском уезде, устроился там в местную больницу и по заданию партии продолжал вести агитационную работу среди населения. Леон Христофорович руководил на Херсонщине подпольной революционной деятельностью до начала империалистической войны.

Попов забыл Иоганна Клюгеля, ему и в голову не приходило, что придется с ним когда-нибудь встретиться. Но вот опять их судьбы скрестились.

Леон Христофорович ходил по комнате немецкой комендатуры и думал, как ему поступить. Из головы не выходил только что состоявшийся разговор с Гильдановым. И сейчас под впечатлением этого разговора он стал по-иному оценивать свое единоборство с ним. Попов понял теперь, что для него главной движущей силой в этом единоборстве являлось отнюдь не страстное желание добыть свободу себе и Маше, а нечто большее, несоизмеримое с личными переживаниями. И это «нечто» незримо, постоянно, всегда и во всем руководило его поступками, мыслями, придавало ему уверенность, вселяло решимость и непреклонность.

Леон Христофорович теперь отчетливо сознавал смысл всего происходящего. Он мог дать точное определение этому «нечто»: святая и неистребимая вера в революцию, вера, которую не могли поколебать ни личные чувства, сколь глубоки они ни были, ни личное горе, каким бы тяжелым оно ни оказалось. Его убеждения не допускали даже малейшего отступничества от тех идеалов, которым он был безгранично предан всю свою сознательную жизнь.

Да, у него ясная цель, ради нее он готов потерять все самое дорогое.

От этих мыслей Попов так разволновался, что буквально не находил места в маленькой, душной комнате комендатуры. Заложив руки за спину, то и дело одергивая гимнастерку, он продолжал ходить из угла в угол и все время думал о своем положении.

Леон Христофорович вспомнил недавнее время, когда кадеты, меньшевики и эсеры составляли большинство в Советах. Народ проверял этих господ по конкретным делам и в конце концов отвернулся от них, разгадав их контрреволюционную сущность. Народ поверил в партию большевиков, ибо только она одна искренне и смело отстаивала его интересы. И вот теперь Гильданов предлагает ему изменить этой партии. От одной этой мысли Попова бросало в жар, руки у него становились влажными, и он тер ими о гимнастерку, опять закладывал за спину и, возбужденный, продолжал ходить по комнате.

Потом он почувствовал усталость и сел в кресло. «Какая же скотина этот Гильданов! — рассуждал Леон Христофорович.— Хочет сломать меня, издевается над моими чувствами к Маше... Ох, и скотина!»

Разговор с капитаном заставил его думать сейчас о делах куда более важных, чем его собственные. Леон Христофорович воочию представил всю пропасть, разделяющую мир его единомышленников по партии и мир, в котором жили гильдановы. Друг против друга стояли два лагеря, между ними шла непримиримая борьба. И Попов понял, что, находясь в плену, он должен не только отвергнуть любое соглашательство с противником, не только проявлять волю и не выдавать секретных сведений, но и пресекать любую попытку Гильданова очернить в его присутствии партию большевиков.

Дверь резко отворилась. Еще с порога Гильданов нетерпеливо спросил:

— Что же вы решили? Ваш час истек!

— Мне нужно еще кое о чем подумать. Сами понимаете, речь идет о жизни и смерти.

Капитан ответил не сразу, и Попов понял по выражению его лица, что он явно обрадован таким поворотом дела.

— Наконец-то вы начинаете серьезно задумываться о своей судьбе. Похвально! Но учтите, я уезжаю завтра.

— Утром я дам ответ. Надеюсь, он превзойдет все ваши ожидания.

Попова повезли обратно в барак. Ему даже не верилось, что с такой легкостью удалось обмануть Гильданова, выиграть время. По дороге он еще раз обдумывал план побега.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Эта ночь для всех, кого так или иначе судьба свела с Гильдановым, была тревожной, мучительной. Каждый по-своему переживал ее, по-своему воспринимал даже любой нечаянный звук или шорох.

Попов с Васениным и Сажиным шептались в уголке своего отсека, уговаривались, что и как надо сделать при побеге. И, несмотря на усталость, бессонницу, настроение у них было приподнятое: они верили в успех.

Маша, наоборот, чувствовала неминуемую страшную развязку. Силы покидали ее, и она надеялась теперь только на одно: вдруг Нилыч и Крейский что-нибудь придумают и тогда кончатся эти мучительные дни заключения.

Ночь выдалась темной, непроглядной. Небо опять заволокли тучи, казалось, вот-вот хлынет проливной дождь. Но Голубев, Крейский и Нилыч были рады такой ночи. Они и еще трое красногвардейцев, вызванных Голубевым, шли по направлению к комендатуре, рядом с которой находился амбар. Все были вооружены, кроме Нилыча и Крейского. Эти двое ни на какие уговоры Голубева остаться, не ходить с ними не соглашались. Пригодимся, мол, в случае чего...

План освобождения Маши и медсестер был прост. К двум часам ночи за углом улицы, метрах в ста от амбара, останавливаются две подводы. На одной из них спрятан под сеном пулемет — на тот случай, если будет погоня. Лошади выбраны отменные,

сытые. В этот же час, притворившись пьяными, к часовому подходят красногвардейцы. Они отвлекают его разговорами, просят закурить, а тем временем Голубев, незаметно подкравшись с другой стороны, оглушает немецкого солдата ударом приклада. Остается открыть амбар и выпустить арестованных.

Так почти все задуманное и было проделано. Только одного не учел Иван Голубев. Часовой не имел ключей.

Вывернув наизнанку карманы немецкого солдата, Иван растерялся. Но Нилыч тут же сообразил, как быть. Мигом сбегал в соседний дом и притащил лом. Голубев поддел им петли запора. Раздался скрежет, но петли не сдвинулись с места. Он еще раз надавил лом, и опять противнейший скрип металла встревожил тишину. Иван отчаянно работал ломом, не обращая внимания на поднятый шум. Для него важно было скорее сорвать запор, освободить людей. А потом... Сейчас он не думал, что через минуту ожидает его самого.

Со стороны комендатуры к амбару шли двое солдат. Не понимая, что происходит в темноте, они окликнули постового. Не получив ответа, один из них выстрелил в воздух. В этот момент Голубев сорвал петли. Крейский и Нилыч бросились в амбар за Машей.

Раздался второй выстрел, за ним послышалась ругань солдат. Из комендатуры выскочило несколько человек. Щелкая затворами, они побежали к амбару. Тем временем арестованные уже успели скрыться за углом улицы. Но Нилыч вдруг взмолился:

— Шапка, где моя шапка? Неужто оставлять гадам?!.

Он повернул обратно. И тут сразу грохнуло несколько выстрелов. Нилыч сначала остановился как завороженный, потом шлепнулся навзничь...

Безумным, неудержимым галопом неслись лошади по ночным улицам. Их уже никто не мог нагнать. Беглецы выехали за город и покатили по дороге в сторону Смоленска. Маша, уткнувшись в соломенный настил телеги, тихо плакала. И не только

ей, всем казалось, что смерть Нилыча отняла у них что-то очень ценное, очень дорогое каждому.

Когда Минск был уже далеко позади и дальнейший путь казался не таким опасным, Голубев простился с Машей и Крейским, а сам пешком пошел обратно...

Почти в то же время, когда Голубев и его товарищи шли освобождать Машу, Клим Васенин сильно постучал в дверь барака. Часовой откликнулся не сразу. Сначала он что-то недовольно пробурчал, а потом несколько раз повторил: «Нихт, нихт». Тогда Попов позвал его по-немецки. Дверь отворилась. Леон Христофорович, скорчившись, состроив мученическую гримасу, упрашивал солдата разрешить выйти на двор. Родная речь, как и предполагал Попов, подействовала. Васенин помог ему спуститься по ступенькам и пройти за угол барака.

События развивались быстро и строго по плану, разработанному Поповым. Без единого шума был обезоружен первый солдат, потом второй, а затем и остальные, охранявшие барак. Ключ нашли в кармане унтер-офицера. Тихонько, без скрипа открыли двери отсеков, и арестованные оказались на свободе.

Попов повел их, как и замышлял прежде, к дороге, а по ней — к одной из деревень, где жили надежные люди. Он решил связаться с товарищами из подполья и попытаться с их помощью спасти Машу.

В деревне Леон Христофорович встретился с Иваном Голубевым.

РЕВОЛЮЦИИ УРАГАН

«ВАМ КЛАНЯЕТСЯ ПЕТР САВЕЛЬЕВИЧ...»

Ранним апрельским утром в подмосковном дачном поселке, уютно устроившемся в измайловском лесу, появился высокий широкоплечий мужчина. На нем было сшитое по фигуре легкое светло-серое пальто, широкая кепка такого же цвета, в левой руке он нес саквояж. Он прошел почти до самого конца просеки и остановился у двухэтажной дачи, которая, казалось, только и держится на колоннах, упиравшихся в сводчатый навес перед входом. С минуту постоял, словно прислушиваясь к тому, что происходит за её окнами, потом осторожно, но настойчиво постучал. Через некоторое время калитку отворила женщина в наспех накинутой черной шали. На вид ей было лет тридцать пять.

— Викентий Константинович Синельников,— представился гость.— Вам велел кланяться Петр Савельевич. Сказал, что у вас сдается комната.

— Сдается... В мезонине. Но не знаю, подойдет ли вам?

— Надо посмотреть.

Через полчаса Викентий Константинович уже сидел в гостиной за круглым дубовым столом с массивными ножками, на которых красовались искусно вырезанные львиные морды, и пил крепкий, только что заваренный чай.

— Кушайте варенье. Вот вишневое. А это из китайских яблочек.— Хозяйка вздохнула.— Не знаю, когда уж теперь опять будем варить варенье!

— Обещают неурожай?

— Вы все шутить изволите, Викентий Константинович. А до шуток ли сейчас? Зимой даже печь растопить было нечем. Яблони в саду порубили...

— И только в этом ваша печаль? Сейчас, дорогая Вера Николаевна, не о яблоках надо думать. Большевики Россию рубят! На кусочки! А потом всю спалят, как вы свои яблони.

— Что же нам делать!

— Вам? Молчать!

Вера Николаевна удивленно вскинула брови:

— И только-то?

— Не дай бог, если наведете на себя подозрение.

Викентий Константинович обратил внимание на ее полные, все в родинках, руки и про себя отметил, что генеральская вдова, у которой ему предстоит прожить, видимо, не один день, все еще хороша собой. «Правда,— подумал он,— кажется, глуповата. Надобно с ней быть поосторожнее».

— Вы должны понять, Вера Николаевна, что в эти исторические дни каждому из нас отведена своя роль. Вам особая — быть незаметной, ни с кем не встречаться, никуда не ездить. И молчать.

— Я уж и так почти месяц из дома не выхожу, все вас ждала. Ужас как напугалась, когда передали пароль: «Сдается в мезонине». А мезонина у меня нет! Думала, как же быть? Вдруг и вправду кто-нибудь захочет снять комнату и скажет: «Надо посмотреть». Потом успокоилась: сейчас ведь никто дачами не интересуется.

В КАФЕ НА ТВЕРСКОЙ

Викентий Константинович Синельников был действительно Викентием Константиновичем, но не Синельниковым, а Гильдановым.

Капитан не соврал Леону и Маше, что уедет в Москву. Он покинул тогда Минск, пересек линию фронта и тайком пробрался в столицу. Но человек, который ждал его, был к тому времени за спекуляцию хлебом арестован чекистами. Гильданов тут же, как увидел сургучную печать и пломбу на дверях его квартиры, мигом выбежал из подъезда и быстро перешел на другую сторону улицы.

Гильданов бродил по Москве до позднего вечера, не зная, что предпринять, как поступить. Других

явок он не имел, а к знакомым, которые у него были ранее по службе в армии, заходить не решался. «Черт их знает, с кем они сейчас»,— размышлял капитан. Наконец ему надоело шататься по городу, он устал и страшно хотел есть. Гильданов зашел в первое попавшееся на Тверской кафе.

В полумраке отыскал свободный столик. Заказав ужин, Гильданов с любопытством оглядел кафе. За соседним столиком сидела пара: полный, лысеющий мужчина с коротко, на английский манер, подстриженными усиками и миловидная дама. Она что-то очень возбужденно говорила писклявым голосом, потом подняла рюмку и, как извозчик, одним глотком опрокинула ее.

За другим столиком спорили два пожилых человека. Густой бас одного из них прорезался сквозь общий шум голосов, и капитан Гильданов отчетливо услышал:

— Бросьте пустозвонство. Это вам большевики своими декретами голову заморочили. А декретами, уважаемый, сыт не будешь. Кругом разруха, а тут еще Ульянов-Ленин затеял электростанцию строить! И не где-нибудь, а на реке Волхове! Смешно! Под Архангельском фронт, под Курском тоже, в Двинске, Орше, в Полтаве немцы, а тут нá тебе — электричество! Вы мне лучше ответьте: почему офицеры нашей старой армии против большевиков? Молчите? А о распоряжении военного комиссариата слыхали? Это, с вашего позволения, тоже декрет-с. Каждый офицер, приехав в Москву, должен встать на учет, а не то — тюрьма.

— Поживем — увидим, кто из нас прав,— возразил густому басу его сосед по столику.

Однако Гильданов уже не обращал внимания на их разговор. Он забеспокоился, узнав о распоряжении военного комиссариата, и решил сразу после ужина ехать на вокзал. На какой — он еще сам не знал. Ему это сейчас было безразлично,— лишь бы уехать из Москвы. «Пропади оно все пропадом,— рассудил капитан,— надо скрыться, переждать, а там видно будет».

В кафе появился новый посетитель — высокий стройный брюнет. Он стоял на лестнице, спуска-

ющейся в зал, и небрежно вертел в руках изящную трость.

— Викентий, ты ли? — неожиданно на весь зал выкрикнул брюнет и тут же направился к Гильданову.— Дружище! Сколько зим, сколько лет! Откуда?

— Тише! — испуганно прошипел капитан.— Садись! Ты сам-то откуда, как в Москву попал?

Гильданов обрадовался встрече. С поручиком Александром Тереховым он был знаком по Петербургу. О, тогда они весело жили; не жалели ни шампанского, ни коньяка в компаниях сомнительных особ. Вместе было выпито много, и Гильданов изучил поручика, хорошо знал не только его слабость к вину и женщинам, но и безудержную ненависть к большевикам.

— Ты в рубашке родился, Викентий,— говорил поручик, когда они уже изрядно выпили.— Что бы ты делал без меня, а? Ну скажи! Попал бы в лапы чекистов. Но не горюй, скоро мы их всех... Всех! Финита ля комедия! И ты с нами будешь. Даю слово! Завтра отрекомендую тебя кое-кому, а пока... Есть у меня один адресок... Хозяйка лучших правил, как в добрые времена.

На следующий день после полудня Викентий Гильданов вышел на Пречистенский бульвар и не спеша, будто гуляя, направился вверх, в сторону памятника Гоголю. Впереди себя заметил несколько мужчин, шедших с таким же, как и он, безразличным видом. Потом они сняли фуражки, шляпы, взяв их в левую руку, и продолжали так же медленно идти вперед. Гильданов обернулся. Позади себя увидел рослого блондина в студенческой форме и человека средних лет в поношенном длинном пальто. Они тоже несли головные уборы в левой руке. «Пора!» — решил Гильданов и последовал их примеру. Сняв кепку, он замедлил шаг и покосился на скамейку, на которой сидел в расстегнутой шинели плотный мужчина. На его левом колене небрежно лежала видавшая виды офицерская фуражка с выцветшим местом, где когда-то красовалась кокарда. «Полковник Перхуров»,— определил Гильданов. Пройдя полсотни метров, он одел кепку и зашагал к Арбатской площади.

В этот день утром, когда Викентий Гильданов проснулся после попойки, Терехов рассказал ему о «Союзе защиты родины и свободы» — подпольной организации, созданной в Москве Борисом Савинковым. Поручик был членом этого «Союза» и, как обещал, в тот же день сообщил о своем приятеле начальнику штаба полковнику Перхурову. Тот как раз собирался проводить смотр новобранцев и велел Гильданову приходить к полудню на Пречистенский бульвар.

Смотры новым силам савинковской подпольной организации проходили чаще всего на Пречистенском бульваре. Вербовка была окутана тайной, шла по заранее разработанному плану, в строгой конспирации. Те, кто являлся на смотр особым образом, распахивали пальто, или прикалывали ленточки в условном месте на шинели, либо несли головные уборы в левой руке, как это было и нынче.

В тот же день вечером на Остоженке, в гостинице «Малый Париж» уже официально Терехов представлял Гильданова ближайшему помощнику Бориса Савинкова.

Полковник Перхуров встретил капитана любезно, предложил закурить из своего серебряного портсигара, задал несколько вопросов о том, как он пробирался в Москву, а затем с минуту пристально всматривался в лицо Гильданова.

— Ну-с, пожалуйста, Терехов! — Перхуров обернулся к поручику.— Докладывайте, как положено.

Поручик коротко, четко, по-военному сообщил основные сведения: год рождения, происхождение, фамилии ближайших командиров капитана, его друзей, ранее занимаемые Гильдановым должности. В конце добавил:

— Рекомендую лично. Ручаюсь головой.

Наступила короткая пауза, потом Перхуров, чеканя каждое слово, произнес:

— Мы будем вести борьбу с Совдепами до конца. Чего бы это ни стоило. Даже жизни. С законами в нашей организации вас ознакомит поручик. Если они вам не по душе, можете отказаться от сотрудничества. Но сохранять тайну обязаны в любом случае. За нарушение ее — смерть. У вас есть время поду-

мать — месяц. Если откажетесь после этого срока — расстрел. Возможно, используем вас в штабе «Союза». В каком-нибудь из трех его отделов: вербовки новых членов, оперативном, разведки и контрразведки. Может быть, начнете работу в самостоятельном террористическом отряде. За выдачу членов штаба — пуля. Все поняли?..

Из «Малого Парижа» Терехов отвез Гильданова к своим людям на Бронную. Там он прожил, не выходя на улицу, месяц. Штаб Савинкова наводил о капитане справки, уточнял сообщенные им о себе сведения. За это время Викентий осунулся, побледнел, настроение у него было препаршивое. Однако он не собирался выходить из «Союза защиты родины и свободы». Более того, Гильданов теперь считал, что не кто иной, а именно Борис Савинков может спасти Россию от большевиков.

В один из дней Терехов дал капитану адрес генеральской вдовы, сообщил пароль и пожелал ни пуха ни пера. Так Викентий Гильданов очутился в Измайлове. Дача Веры Николаевны, по мнению Перхурова, была более надежным местом, чем квартира на Бронной.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ВИЗИТ

В особняке на углу Трубной площади и Неглинной улицы разместилось Российское общество Красного Креста. Сюда теперь каждое утро ходил на работу Леон Христофорович Попов.

Встретившись с Голубевым после своего побега, он узнал о судьбе Маши, узнал, что она вместе с Крейским отправлена в Смоленск, где находился штаб Западного фронта. В деревне Голубев раздобыл лошадей, и Попов вместе с Васениным, Сажиным и остальными бежавшими из заключения пустился в дорогу.

В Смоленске Попов разыскал Машу. Они пробыли в городе несколько недель. Затем его срочно вызвали в Москву.

В то время Совет Народных Комиссаров принял декрет о реорганизации Российского общества Крас-

ного Креста. Леона Христофоровича назначили председателем реорганизационного комитета. Ему предстояло провести огромную, тяжелейшую работу — соединить воедино все организации Красного Креста молодого Советского государства, наладить снабжение их медикаментами, укрепить преданными революции кадрами. Главная трудность заключалась в том, что довольно значительная часть старых медицинских работников встала на путь прямого саботажа, а нового актива у центрального аппарата, по существу, не было...

В десять утра в особняке должно было состояться совещание московских врачей. Но к назначенному времени в зале второго этажа никого не было. Однако Леон Христофорович терпеливо ждал приглашенных.

На улице стояла ясная погода, солнечные блики ярко отражались на причудливых фигурках большого бронзового письменного прибора. Попов вспомнил, что несколько дней назад, когда он приехал в Москву, стояла точно такая же погода. Солнце залило улицы, но они, что его поразило, были пустынны. Старик извозчик вез его с Машей по Мясницкой мимо таких же пустых магазинов. Только на Лубянской площади им повстречался грузовик, до отказа набитый солдатами. Извозчик поехал вверх по Тверской, возле Моссовета придержал вожжи.

— Кому мешал памятник? — он показал кнутовищем в сторону, где раньше возвышалась каменная фигура Скобелева, а теперь вырос огромный деревянный куб, обитый кумачом.— Стоял столько лет и стоял бы дальше, а вот нынче разонравился. Что скажете, мои хорошие? Как жить-то дальше? Сено двести рублей пуд! Ну и господа пошли, не господа — товарищи.— Старик хлестнул лошадь.— Все пешком норовят ходить. Хошь бы извозчикам заработок прибавили!

Попов вспомнил, что о заработке, точнее, о жалованье ему уже успел кто-то из врачей Российского общества Красного Креста с издевкой сказать: «Это разве деньги? Что на них купишь! А паек — ноги протянешь! На день кусок селедки да четверть фунта черного». На фронте, где солдаты и командиры пита-

лись хуже, чем здесь, в тылу, служащие, он никогда не сталкивался с подобными разговорами.

...Из коридора послышался скрипучий голос:

— Кто был прав? Я же говорил — кворума не будет. Можете убедиться!

Дверь в зал отворилась.

— Пусто, хоть шаром покати! — Заметив Попова, человек, говоривший скрипучим голосом, растерялся, глазки его сузились, но он тут же изменился, как хамелеон, и заулыбался приторной улыбкой:

— Можно занимать места?

Грязная, жеваная манишка, лоснящаяся лысина — все в этом человеке вызывало отвращение у Попова. Он-то тогда и злословил Леону Христофоровичу о жалованье и пайках.

Попов уже встречал в Москве подобных людей, недовольно ворчавших, исподтишка жаливших Советскую власть. «Много ли в городе таких отравителей, такой гнили?» — размышлял он.

Кто-то позвал его к телефону. В своем кабинете он застал Александру Николаевну Терентьеву — члена реорганизационного комитета.

— Дзержинский! — сказала она.

С минуту Попов слушал Феликса Эдмундовича молча, не перебивая ни единым словом.

— Вы же сами отказались от пайка! — возразил наконец Леон Христофорович.

Из телефонной трубки послышался громкий голос:

— Поймите же! У вас больна жена. Щепетильность, которую вы проявляете, граничит с глупостью.

— Я буду поступать так же «глупо», как и вы, Феликс Эдмундович. Я не могу питаться иначе, чем солдаты и все наши рабочие. А мой паек отдайте тому, кто в нем больше нуждается.

Попрощавшись, Леон Христофорович бросил на рычаг трубку:

— Сам ведь болен. Ест одни лепешки из отрубей...

Терентьева и Попов пошли в зал. Они были хорошими друзьями. Вместе работали в полевых лазаретах Западного фронта, оба раньше были членами Минского комитета РСДРП (б).

— Никак не соберусь к вам. Как Маша?

— Поправляется. Но недельки полторы-две еще придется быть дома. Да, Гильданов!..

Постепенно зал заполнялся людьми. Пришли, конечно, не все приглашенные, однако две трети мест были уже заняты, и Леон Христофорович решил начать совещание. Он позвонил бронзовым колокольчиком. Разговоры в зале прекратились. Попов объявил повестку дня. Первый вопрос «Задачи реорганизационного комитета» и второй «Текущий момент».

По первому вопросу председательствующий дал слово Терентьевой. Когда она говорила, в зале было тихо, никто ее не перебивал, но многие, как показалось Попову, слушали без особого внимания. Терентьева закончила выступление, в зале было все так же тихо. Неожиданно с дальних рядов кто-то выкрикнул:

— Красивые слова изволили говорить! А на какие, пардон, шиши собираетесь работать? У Красного Креста — ни казны, ни кола, ни двора!

Зал загудел. Попов жестом всех успокоил:

— Советское правительство выделяет нам большие средства. Деньги будут. Не беспокойтесь. Не об этом идет речь. Нужно сообща браться за дело!

— Нам не попугаи нужны, которые повторяют пустые слова!

В этот момент Попов обратил внимание на человека в грязной манишке. Он хихикнул, а потом прошипел в спину соседа:

— Была Россия, да вся вышла...

Леон Христофорович резко встряхнул колокольчик:

— Те, кому не нравится наше совещание, могут уходить. Я не потерплю безобразий!

Зал опять зашумел, как улей.

— А вы, случайно, не анархист? — прорезался чей-то насмешливый голос.

— Позволю себе огорчить кое-кого из присутствующих. С анархистами в городе покончено. Сегодня утром разгромлен их штаб на Малой Дмитровке. Остальные бандиты, скрывавшиеся в доме Грачева на Поварской улице и в особняке Пастуховой в Гудовском переулке, арестованы.— Попов сделал

паузу. Его слова произвели впечатление, и зал угомонился.— А вот среди вас, я вижу, есть сочувствующие не только анархистам, но и эсерам, и всяким «левым». Именно они и нарушают порядок совещания, пытаются сорвать его. Нам с ними не по пути! Прошу тех, кто не собирается с нами работать, немедленно покинуть зал!

— Правильно! — Высокий, как жердь, мужчина, в пенсне и узком пиджаке с короткими рукавами, вскочил с места.— Убирайтесь вон! Не мешайте нам!

На задних рядах зашевелились. Кто-то отбросил в сторону стул и демонстративно направился к выходу. За ним поднялись еще несколько человек. Оставшиеся с облегчением вздохнули.

По второму вопросу повестки дня слово было предоставлено Попову.

Попов говорил около часа: о скором прибытии в Москву германского посла графа фон Мирбаха, хозяйственной политике Советского правительства, кулаках, ненавидящих диктатуру пролетариата и прячущих от народа хлеб.

— Мы должны помочь Советской власти бороться против болезней и голода. Только созданный руками самих трудящихся, Красный Крест сможет отвечать своему прямому назначению. Призываю всех одобрить политику нашего правительства и принять обращение ко всей медицинской общественности о поддержке Российского Красного Креста.— Попов закончил выступление. Его предложение было единогласно одобрено.

...Вечером того же дня Попову позвонил член ВЧК Ян Христофорович Петерс.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

— Скоро пойду домой.

— Я встречу вас.

Через полчаса они увиделись на углу Петровки и прошли по бульвару вверх до Тверской. По улице проплывали извозчики, редкие прохожие торопливо сворачивали в переулки. На скамейке возле памятника Пушкину, в длинном клетчатом пальто и черной широкополой шляпке с вуалью, сидела дама. Увидев двух направлявшихся в ее сторону мужчин, она тут же положила рядом с собой зонтик.

— Не понравились мы ей,— усмехнулся Петерс.— Ничего не поделаешь. Мы с вами далеко не денди.

— Если бы мы только этой дамочке не нравились! Сколько же всякой нечисти собралось в Москве!

— Вот об этом-то я и хотел с вами говорить, Леон Христофорович.

Они шли по Страстному бульвару. Кое-где в окнах уже зажглись огни,— на улицы опустились весенние сумерки.

— По нашим сведениям, левые эсеры активизируются. Во главе их, вы это, наверное, знаете, стоит Мария Спиридонова. Пренеприятнейшая особа, доложу вам. Желчная, хитрая, но оратор блестящий. Многие попались на ее удочку. Сейчас левые эсеры готовятся дать нам бой. Они способны на все, вплоть до убийства. Вербуют на свою сторону всех, начиная от «идейных» врагов диктатуры пролетариата, кончая уголовниками. Я хотел вас предупредить, чтобы вы были очень осторожны. Надеюсь, оружие всегда при вас?

— Я сдал его, когда приехал в Москву.

— Наивный человек! Здесь, друг мой, тоже фронт. Завтра придете на Лубянку. Получите браунинг. Это — первое, что я хотел сказать. И второе — участились грабежи, бандитские налеты на кассы магазинов, банки. Вчера мне доложили о пропаже со складов большой партии медикаментов. Это уже кое-что! Подозреваю — не только уголовщина. Ворам бинты и вата ни к чему. Может быть, действуют левые эсеры, может быть, не они...

— А кто?

— Пока ничего определенного сказать не могу. Но кто-то заинтересован в больших деньгах и медикаментах. Вероятнее всего, этот «кто-то» — законспирированная организация. Иными словами, будьте ко всему готовы. Дзержинский просил передать, чтобы вы усилили контроль за расходованием лекарств и установили надежную охрану кассы Красного Креста. На днях вы получите значительную сумму...

Домой Попов вернулся поздно. Маша еще в дверях встретила его беспокойным взглядом.

В полицейском управлении города Одессы было заведено «Дело» на студента медицинского факультета Леона Попова. В нем имелась и фотография, сделанная в 1906 году

В 1916 году Л. Х. Попов работал в 8-м полевом лазарете Западного фронта

Немногие имели такое «Удостоверение» на право ношения оружия

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Советов Раб., Солд., Кр. и Каз. Деп.

№ 14098

Москва, 24 Июля 1918 г.

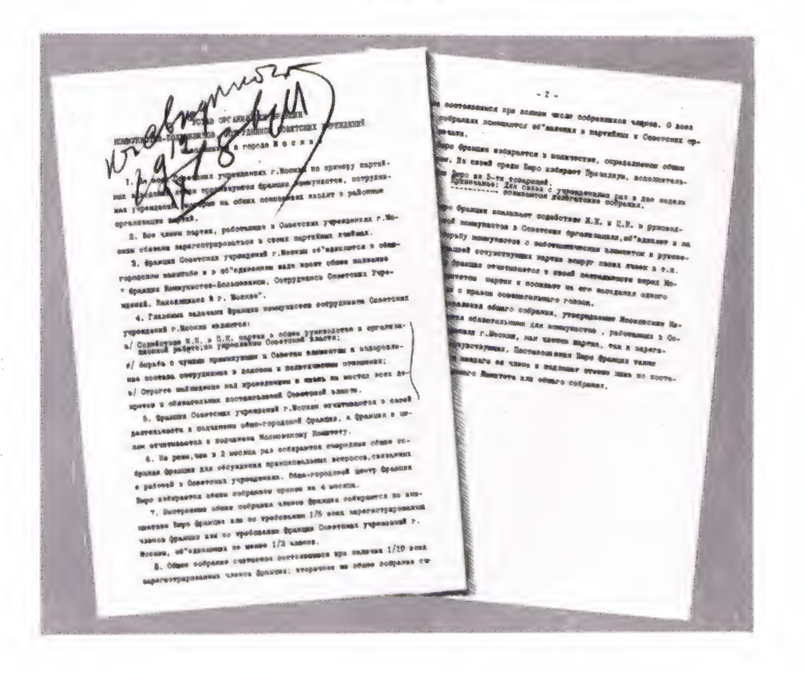
Удостоверение.

Всероссийский Центр. Исп. Ком. Советов Раб., Солд., Крест. и Каз. Депутатов разрешает товарищу Попову Леону Христофоровичу ношение и хранение револьвера ..а № 23461 системы нагана

Председатель Ц. И. К. Я. Свердлов

Секретарь Ц. И. К. В. Аванесов

Утвержденный устав фракции коммунистов-большевиков Л. Х. Попов передал со своей резолюцией членам партийной организации Красного Креста для неуклонного выполнения

- 2 -

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

I-й Всероссийский С'езд Советских Журналистов.

БИЛЕТ № 106.

Действительный член С'езда.

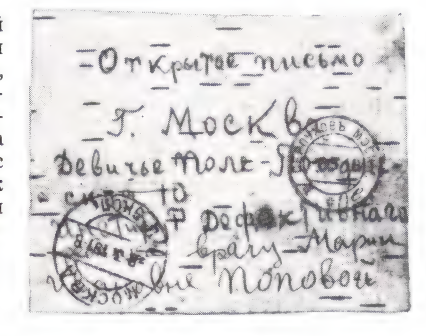
Фамилия Попов

Имя, отчество Леон Христофорович

Члены Мандатной Комиссии:

Сохранившийся билет на имя Л. Х. Попова — делегата 1-го Всероссийского съезда советских журналистов

По пути на Восточный фронт Л. Х. Попов решил отправить жене письмо, но на почте города Серпухова не оказалось ни одного листка бумаги. Тогда с березы, росшей рядом с почтой, он срезал кусок коры и написал на нем несколько строк в Москву

Открытое письмо

г. Москва

Девичье Поле

Марии

Поповой

Так выглядит «Леон Попов» — один из кораблей флотилии «Ленинская гвардия»

— Все хорошо, устал только,— он поцеловал жену.— Как себя чувствуешь?

Они жили на Погодинке и занимали комнату в коммунальной квартире. Комната была просторная, но из-за того, что ее давно никто не ремонтировал, казалась убогой и неуютной.

Попов присел на кованый сундук, который служил им вместо кровати, и принялся снимать сапоги.

— Когда ты поправишься, пойдешь работать в комиссию по беспризорным. Я уже договорился. Там нужен врач.

— Если бы ты знал, как надоело сидеть дома! Целый день одна. Какое счастье, что нас навещают старые друзья! Знаешь, кто у нас сегодня был? Александр Блок. Саша подарил нам томик своих стихов. Хочешь послушать?

Маша достала с этажерки маленькую книжечку:

Душа молчит. В холодном небе
Все те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Наряды шумные кричат...
Она молчит,— и внемлет крикам
И зрит далекие миры.

В дверь постучали.

— Леон Христофорович, вас спрашивает какой-то гражданин! — прокричала в коридоре соседка по квартире.

Попов вышел на лестничную клетку. Там никого не оказалось. С минуту подождал, потом заглянул через перила в парадное. Свет внизу не горел, но он все же различил чью-то фигуру.

— Вы ко мне?

Ответа не последовало. Тогда Попов стал спускаться. Фигура качнулась в сторону.

— Вам письмо!

На лестницу упал конверт. Почти одновременно в подъезде хлопнула дверь, и человек исчез в уличной тьме.

Поднявшись на свой этаж, Леон Христофорович вскрыл конверт. На маленьком листке бумаги большими неровными буквами было написано: «СМЕРТЬ!» В углу, видимо, та же рука нарисовала

голый череп с двумя пятнами, зияющими чернотой. Попов спрятал письмо в карман галифе.

— Кто тебя звал? — поинтересовалась Маша.

— Ошибка, не меня.

...Петерс, простившись с Поповым, опять пошел к себе на Лубянку, где находилась Всероссийская чрезвычайная комиссия. На Страстной он столкнулся с человеком в черном нараспашку плаще, из-под которого бросалась в глаза давно не стиранная манишка. Если бы Петерс знал его и последовал за ним в «Кафе Бом», то он увидел бы, как этот человек подошел к столику, за которым, прикрывшись газетой, в усталой позе сидел красивый брюнет.

— Извините, Александр Романович! Никак раньше не мог-с. Дела, знаете ли. К тому же решил из учреждения уйти последним, чтобы не увязался никто.

— Садитесь! — грубо оборвал его Терехов.— Пить будете?

— От рюмочки не откажусь.— Всеволод Васильевич Бужинский, новый сотрудник Российского общества Красного Креста, наклонился к поручику и заискивающе произнес: — А у меня новости!..

ПОДРУЧНЫЕ САВИНКОВА ДЕЙСТВУЮТ...

Шторы были опущены, и в комнату с трудом пробивался утренний свет. Вера Николаевна в ночной рубашке стояла перед зеркалом и расчесывала волосы. Закончив утренний туалет, присела на пуховую постель.

— Пора, мой котик! Без четверти десять! Ты такой небритый.— Она наклонилась, чтобы его поцеловать.

— Ну ладно, ладно.— Гильданов потянулся и небрежно отстранил ее.— Действительно пора.

— Ты сегодня надолго?

Викентий пожал плечами.

Она не любила, когда Гильданов уходил из дома. Боялась. И за себя, и за него. Она не знала, чем занят он в те дни, когда пропадал с утра до позднего вечера, не знала и того, с кем проводит это время. Она,

конечно, понимала, что Гильданов состоит в какой-то тайной организации, догадывалась о той борьбе, которую не на жизнь, а на смерть вели его сообщники с Советской властью. Ей, в сущности, было наплевать, кто Викентий — эсер ли, кадет или меньшевик. Вера Николаевна не разбиралась в идейных позициях ни одной из существовавших партий. В ее представлении все они казались одинаковыми, поскольку ум Веры Николаевны не в силах был постигнуть нечто большее, чем «кредо», объединявшее врагов новой власти. С этим «кредо» она без раздумий соглашалась и считала, что большевиков, отнявших у нее богатое имение в Орловской губернии, оставшееся по наследству от мужа, лишивших светского петербургского общества, надо стереть с лица земли. Кто это сделает, каких жертв это будет стоить — ее не интересовало.

Когда появился Гильданов, Вера Николаевна несколько поумерила свой пыл и гнев. Постепенно их место стал занимать страх. «Если Викентия схватят чекисты, что станет со мной?» — рассуждала генеральская вдова. С каждым днем она все сильнее и сильнее привязывалась к Гильданову, и ей казалось, что если его арестуют, то жизнь опять наполнится пустотой, а одиночество пугало ее теперь больше всего на свете, даже больше, чем большевики. «К черту все,— думала она, когда поздними вечерами ждала Викентия,— уехать бы отсюда вместе куда глаза глядят». У Веры Николаевны остались кое-какие сбережения, драгоценности, золото, и она надеялась со временем уговорить Гильданова уехать за границу. Но время шло, а он все отшучивался.

Сегодня же Викентий зло огрызнулся:

— Выбрось из головы всякую ересь! Если большевики останутся в России, нас вышвырнут из твоего Парижа, как старые штиблеты. Кому мы нужны там?

— А здесь? Давай хоть из Москвы уедем! Под Тюмень, к моей матери. Переждем там. Издалека виднее.

Гильданов молча закончил завтрак и ушел, не попрощавшись. Остановив извозчика, велел ему ехать на Остоженку.

Викентий сошел с пролетки почти за квартал от дома, в который ему было велено прийти. Через несколько сотен метров он увидел человека в картузе с палкой, лузгавшего семечки. Человек этот стоял возле больших деревянных ворот, недавно выкрашенных в какой-то красновато-коричневый цвет. «Значит, сюда»,— решил Гильданов.

В просторной комнате второго этажа находились трое: элегантный мужчина лет сорока с пухленькими пальцами, на которых поблескивали два дорогих перстня, другой — высокий, пожилой с короткой козлиной бородкой и совсем молодой человек с гладким женственным лицом. Ни одного из них Гильданов не знал. Он поздоровался кивком головы и присел в мягкое кресло рядом с роялем.

Минут через пять появился Терехов, следом за ним — Бужинский. Последним пришел Перхуров.

— Примите мой поклон, господа! Время у нас ограничено, так что сразу приступим к делу.

В комнату вошла хозяйка дома — дородная, в длинной юбке, уже немолодая дама. Она принесла на подносе чай, поставила около каждого серебряный подстаканник. Молча вышла и опять вернулась. Так же молча положила на стол две колоды карт. Терехов быстро раздал их.

— На всякий случай, мало ли кого черт принесет. А так... невинная игра — покер.

Перхуров поморщился:

— И это называется конспирацией! Неужели вы считаете чекистов болванами? Не будем, господа, отвлекаться. Сначала короткая информация. Наша организация насчитывает уже несколько сотен человек. Это только начало. Наши люди заручились доверием и проникли в милицию и различные советские учреждения. Силы у нас растут, и не далек день, когда мы дадим смертный бой кремлевцам...

Слушая начальника штаба, Гильданов почему-то вспомнил, как за завтраком Вера Николаевна предлагала уехать из Москвы. И куда! В Сибирь, под Тюмень. «Вот дура...» — капитан мысленно выругался.

— Наличный состав распределен по ротам,— продолжал Перхуров.— Намечается еще несколько смот-

ров. Командирами новых рот назначены Вадим Петрович Баринов...

Элегантный мужчина с достоинством поклонился.

— ...Григорий Ферапонтович Гонцов.

Человек с козлиной бородкой вытянулся струной, взяв руки по швам.

— Его возраст вас не должен смущать.— Перхуров насупил брови.— Это кадровый военный, и здоровья ему не занимать. Такие люди составят цвет нашей армии, в которой не будет ни комиссаров, ни комитетов. После свержения большевистского правительства мы установим твердую власть. Она воссоединит растерзанную Россию и будет защищать ее национальные интересы.

— Мы будем выступать одни или нас поддержат союзники? — поинтересовался Гонцов.

— Надеемся на помощь Англии, Франции и некоторых других стран.

Перхуров отпил глоток чаю:

— Теперь перейдем к главному. Новым воинским подразделениям потребуются оружие и медицинское снаряжение. Кое-что мы уже имеем. Но этого мало. Капитан Гильданов назначен командиром особого отряда, которому поручаются доставка всего нам необходимого, диверсии и террористические акты...

Викентий встал, щелкнув каблуками.

— Это смелый, сильный человек, и мы надеемся, он оправдает наше доверие. В ваше распоряжение, капитан, поступают Бужинский и прапорщик Окунев.

Молодой человек зарделся и от неожиданности захлопал глазами. Викентию показалось, что он даже испугался, узнав, в какой отряд его зачислил начальник штаба.

— Вам надлежит составить план своих действий и доложить его мне. Связь держите с Тереховым.

Затем Перхуров достал из внутреннего кармана френча большую пачку денег. Разделил ее на равные стопки, вручил каждому свою долю.

— Это аванс от наших союзников.— Перхуров допил чай и встал.— Пора, господа! Будем расходиться по одному.

Выйдя на улицу, Викентий встретил того же человека в картузе, с палкой. Увидев Гильданова, он тут же прошел за ворота и запер их на засов.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко читал утреннюю почту. Вести приходили нерадостные. В городах и селах участились заболевания тифом. В больницах не было лекарств, не хватало и врачей. Многие из них попросту саботировали — отказывались от работы, предпочитая частную практику.

Сообщения с Восточного фронта раздосадовали его еще больше. Чехословаки, поднявшие мятеж, захватили Верхнеудинск, Омск, Томск и продвигались по Сибири к Уралу.

Нарком знал, конечно, что Москва буквально наводнена тревожными и противоречивыми слухами о том, что́ происходит в стране. Особенно много таких слухов пошло после убийства в Петрограде Володарского и вспыхнувших мятежей в Тамбове и Саратове. Все это, разумеется, подрывало, особенно у интеллигенции, веру в Советскую власть. В столице стали поговаривать, что она не выдержит и падет уже этой осенью, а то и раньше. Работать становилось с каждым днем труднее, хотя новая жизнь постепенно, исподволь заявляла о себе все настойчивее. Николай Александрович вспомнил, как всего неделю назад московские учителя аплодировали Владимиру Ильичу, когда он выступал на их митинге. «Значит, «заражена» далеко не вся интеллигенция, есть и «здоровая» часть. А что до тех, которые заблуждаются, то ведь надо помочь им выбраться из этого заблуждения»,— рассуждал Семашко.

На столе наркома лежало несколько срочных бумаг. Среди них находилась одна, касающаяся Российского общества Красного Креста. Леон Христофорович Попов просил наркома по возможности ускорить отправку медикаментов в походные госпитали и лазареты. Он настаивал еще и на том, чтобы санитарные поезда снабжались не дровами, а углем. Ско-

рость их, доказывал Попов, должна быть такой же, как и пассажирских поездов. «Это, разумеется, правильно. Но где же взять уголь? Худо с углем,— раздумывал нарком.— Нужно посоветоваться в Совнаркоме».

Нарком был доволен делами реорганизационного комитета. Попов привлек к работе врачей-большевиков, создал большой актив. Сотни медицинских сестер и врачей вместе с Советами повели борьбу с детской беспризорностью. По настоянию Попова в районах, где свирепствовал тиф, стали создавать санитарные городки.

Пролетарский Красный Крест стал предметом особой заботы наркома. Николай Александрович вызвал секретаря:

— Вы звонили Попову?

— Он сейчас будет.

— Просите сразу ко мне. Пусть зайдет и Соловьев.

Через минуту Попов был уже в кабинете.

— Рад вас видеть, Леон Христофорович! Что-то вы осунулись за последние дни. Плохо спите?

— Сплю хорошо, чувствую себя превосходно.

— Как супруга? Уже работает? Ну и отлично! Сейчас придет Зиновий Петрович, и мы поговорим о деле, ради которого я вас вызвал. А пока вот что...— Семашко пригладил расчесанные на пробор волосы, потеребил красивую, клинышком отросшую бородку и со свойственной ему деликатностью произнес:— У вас в аппарате, я надеюсь, все люди надежные. Вчера я встречался с Феликсом Эдмундовичем. Он очень беспокоится, как бы не прокрались к нам чуждые элементы. Вы же знаете обстановку. Словом, он просил проявлять максимум бдительности...

Пришел Зиновий Петрович Соловьев, начальник отдела гражданской медицины Наркомздрава.

— Вот теперь поговорим вместе. Давайте присядем на диван. Есть, Леон Христофорович, одно предложение — поручить вам руководство всеми московскими учреждениями Красного Креста. Разумеется, с сохранением прежних обязанностей. Как вы на это смотрите?

Попов задумался.

— Вы и без меня прекрасно понимаете, что Москва на особом положении,— продолжал нарком.— Кроме вас, мы не видим никого другого, кому можно было бы поручить эту ответственную должность. Вы отвечаете за весь Красный Крест, а теперь персонально и за Москву.

— Собственно говоря, вопрос о моем назначении решен,— улыбнулся Леон Христофорович.— Право, я не посмел бы отказаться. Столичным учреждениям сейчас следует оказать первостепенное внимание...

— Правильно! И я помню, как вы же говорили,— перебил его Семашко,— что в сложившихся условиях московский Красный Крест должен стать чем-то вроде самостоятельного звена. Так вот не «чем-то», а действительно самостоятельным и непосредственно подчиненным председателю реорганизационного комитета. Так?

— Совершенно верно!

— Декрет о национализации облегчает нашу задачу,— вступил в разговор Соловьев.— Заводы перешли в собственность государства, так что никто не посмеет чинить препятствия при создании актива на московских предприятиях.

— Еще одно важное дело.— Семашко полистал блокнот.— Я вот тут себе записал провести в начале июля общее собрание членов Красного Креста. На нем мы обсудим все наболевшие вопросы. Я попросил бы вас, Леон Христофорович, и Зиновия Петровича составить текст воззвания ко всем советским организациям и профессиональным союзам. Надо изложить в нем призыв к гражданам принять самое активное участие в работе Красного Креста. На общем собрании мы примем это воззвание.

— Опыт совместной работы у нас уже есть,— улыбнулся Соловьев,— как-никак, а труд проделан не малый. Составить проект устава Российского Красного Креста было не так-то легко!

— Кстати, как наше предложение об учреждении коллегии Красного Креста? — поинтересовался Попов.

— Мы советовались с Соловьевым. Поддержим это предложение. Разумеется, при условии, если кол-

легия будет центральным исполнительным органом. Я бы так и назвал его — Центральная коллегия. Она должна руководить всей работой и нести за нее полную ответственность. Договорились? Вопросов никаких?

Из Наркомздрава Попов поехал в ВЧК. Ему стало известно, что Дзержинский задумал перевести Терентьеву к себе и назначить начальником медико-санитарного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии. Он, разумеется, в принципе ничего не имел против. Но именно сейчас, когда еще не завершилась реорганизация Красного Креста, ему бы не хотелось расставаться с надежным, преданным помощником. К тому же Терентьева сама просила его переговорить с Феликсом Эдмундовичем, чтобы тот не торопил ее с переходом. Терентьева думала довести с Леоном Христофоровичем дело до конца, а уж потом принять предложение Дзержинского.

В трамвае Леон Христофорович невольно прислушался к разговорам:

— Слыхали, намедни царя Николая комиссары из Тобольска в Екатеринбург перевезли.

— Да что там царь! Песенка его спета. Это уж точно! А вот в Париже Керенский объявился.

— Куда господь бог его понес!

— Читал я, что он там русское правительство создавать намерен.

— Болтун! Каким болтуном был, таким и остался. Никто большевиков с их места не сгонит. Крепко они власть держат.

— Не говорите! А заговор в Царицыне?..

Попов сошел на углу Лубянки. На улице жарко пекло июньское солнце. Он расстегнул ворот гимнастерки и посмотрел на часы. Было четверть двенадцатого. В это же время казначей Российского общества Красного Креста получил в банке большую сумму денег.

А часом позже Бужинский уже встречался с Гильдановым.

— Деньги есть! — захлебываясь от радости, сообщил Бужинский.— Все будет разыграно как по нотам. Кондрашка хватит Попова, когда узнает, что сейф пуст.

— Если вы когда-нибудь при нем произнесете мое имя, я разряжу всю обойму в ваш череп!..

...Леон Христофорович возвращался к себе в хорошем настроении. Дзержинский обещал повременить с переводом Терентьевой, но сказал, что через месяц-другой непременно заберет ее в ВЧК.

Поднявшись к себе в кабинет, Леон Христофорович тут же справился о деньгах. Они уже были в кассе, и Попов приказал, чтобы без его разрешения ни одна копейка никому не выдавалась. На ночь он велел теперь оставлять в здании двух сторожей, а не одного, как прежде.

Попов занялся текущими делами. А в конце дня пригласил к себе членов партии Терентьеву, Трепалова, своего помощника по международным делам, совсем еще молодого человека Женю Коровина и других.

— По поручению городского комитета партии я подготовил проект устава нашей партийной организации,— сказал Леон Христофорович.— Прошу вас познакомиться с этим проектом. Выскажите ваши пожелания, замечания. Давайте вместе окончательно сформулируем все пункты, тщательно отредактируем их.

Первый пункт, касавшийся организации фракции коммунистов, ни у кого не вызвал возражений. Не вызывали сомнений формулировки о внутреннем распорядке работы фракции — сроках созыва заседаний бюро, проведения собраний. Но один из пунктов пришлось переписывать несколько раз. Наконец общими усилиями он был сформулирован так: «Главными задачами фракции коммунистов являются содействие МК и ЦК партии в общем руководстве и организации работы по укреплению Советской власти, борьбе с чуждым, примкнувшим к Советам элементом, оздоровлении состава сотрудников в деловом и политическом отношении, строгое наблюдение над проведением в жизнь на местах всех директив и обязательных постановлений Советской власти».

Потом Леон Христофорович предложил включить в проект устава еще один пункт. Он его коротко сформулировал сам: «Бюро фракции объединяет и

направляет борьбу коммунистов с саботажным элементом».

Проекту дали окончательное название: «Устав организации фракции коммунистов-большевиков, сотрудников советских учреждений Красного Креста г. Москвы».

Леон Христофорович перевернул листок календаря и сделал пометку: «10 утра, МК». Он решил завтра же, сразу после совещания, которое назначил еще раньше, пойти в городской комитет партии, чтобы передать проект устава.

ПЕТЕРС ПРЕДУПРЕЖДАЕТ...

Для Клима Васенина и Михаила Сажина эта ночь стала первым серьезным испытанием. Несколько недель назад они были вызваны в Москву, где им предложили работать в ВЧК. Рекомендовал их Петерсу Леон Христофорович. К новым для себя обязанностям они приступили не сразу. Сначала вошли в курс дела, познакомились с людьми, обстановкой. И вот этой ночью Васенин и Сажин пришли на Лубянку, в дом 11, на свое первое дежурство.

Для всех оно мало чем отличалось от предыдущих: несколько ограблений, убийств, пьяных дебошей.

В первом часу ночи рабочий патруль сообщил об убийстве в ресторане «Метрополь». На место происшествия срочно выехали чекисты.

Большой зал ресторана, сильно поврежденный во время октябрьских боев, был закрыт. Но в кабинетах вовсю кутили всякие дельцы, актеры, бывшие заводчики. Скандал возник из-за какой-то особы, у которой якобы вдруг исчезли и сумочка с деньгами, и дорогая меховая накидка. Во время драки раздался выстрел, намертво сразивший человека в бархатной куртке и клетчатых галифе. Васенин и Сажин, раздвинув парчовые портьеры кабинета, увидели его накрытым скатертью, сброшенной со стола.

Чекисты попросили всю компанию последовать за ними. Когда они выводили сильно подвыпивших людей, в кабинет с любопытством заглянул молодой

человек с раскрасневшимся, нежным лицом. Васенин попросил предъявить документы. Их не оказалось. Клим предложил ему присоединиться к остальным задержанным. Молодой человек рванулся в сторону, но его тут же взяли за руки и повели на улицу.

По дороге он опять пытался убежать, ругался, кричал, что никто не имеет права производить насилие над личностью, что он будет жаловаться.

На Лубянке всех обыскали. В портмоне молодого человека Васенин нашел аккуратно сложенный бланк. Развернул его. В верхнем левом углу штамп: «Российское общество Красного Креста — РОКК». Посредине отпечатано на машинке: «Удостоверение. Подателю сего, уполномоченному реорганизационного комитета Окуневу Владимиру Николаевичу доверяется в любое время суток производить досмотр помещений, сохранность банковских документов и кассовой наличности РОККа. Председатель реорганизационного комитета Л. Попов».

Молодой человек тут же сник, как только в его портмоне было найдено удостоверение. Лицо стало землисто-бледным. Казалось, он вот-вот расплачется.

Сначала Васенин хотел его отпустить. Но потом передумал. Он не знал почерка Леона Христофоровича и поэтому решил посоветоваться с Петерсом, который также дежурил этой ночью.

— Подпись Попова. По-моему, его рука. Зачем, однако, выдавать такие удостоверения? — Несмотря на поздний час, Петерс тут же послал машину на Погодинку.— Пригласите ко мне этого Окунева!

Васенин привел задержанного. На нем уже не было и следа прежней запальчивости.

— Садитесь. Откуда у вас этот документ? Почему молчите? Вы действительно Окунев?

Тот кивнул головой.

— Еще раз спрашиваю: где взяли этот документ? Напрасно не хотите говорить. Сейчас сюда приедет Попов...

Окунев вздрогнул.

— Вы боитесь? Почему? — Петерс посмотрел на Васенина.— Дайте ему воды.

Окунев жадно отпил несколько глотков, пальцы и губы его дрожали. Глаза уставились в одну точку, и на лице вновь проступил румянец.

— Я сейчас все расскажу, все,— еле слышно прошептал он.— Только у меня будет одна просьба. Дайте слово, что вы ее выполните!

— Во-первых, я не знаю, о какой просьбе идет речь,— усмехнулся Петерс.— А во-вторых, если вы действительно о чем-то хотите попросить, говорите. Я постараюсь помочь.

Окунев обхватил колени руками, сгорбился, как старик, и умоляюще посмотрел сначала на Васенина, потом на Петерса:

— Когда вы меня расстреляете, ничего не говорите моему отцу. Я не хочу, чтобы он все это знал...

Попов приехал, когда допрос уже кончился. В дверях столкнулся с выбежавшим Васениным, да так, что тот чуть было не сбил его с ног. В кабинете еще находился Окунев, а Петерс в этот момент просил кого-то по телефону срочно прийти за арестованным.

— Что случилось? — Попов был взволнован.

Петерс знаком показал ему на стул, а сам набрал еще один номер телефона:

— Немедленно готовьте для выезда группу! Мартынова ко мне!

Пришли за Окуневым. Потом явился Мартынов — крупный, широкогрудый хлопец с сильными руками. Поверх пояса потерявшей цвет гимнастерки был пристегнут патронташ, сбоку висела громадная кобура с маузером.

Петерс посмотрел на часы:

— Через час с четвертью будет совершено ограбление медицинских складов и лечебницы на Первой Мещанской. Выезжайте туда сейчас же! Устройте засаду. Старайтесь без выстрелов взять бандитов. Нам они еще пригодятся. Все поняли? Отправляйтесь!

Леон Христофорович слушал и не понимал, что же произошло.

— Вот, полюбуйтесь! — Когда дверь за Мартыновым захлопнулась, Петерс показал Попову «мандат» Окунева.

— Подпись моя! Что это?!.

Окунев действительно рассказал все, что знал.

Вечером, около шести часов, он встретился с Бужинским. Тот познакомил его с какими-то двумя типами, показавшимися Окуневу отпетыми уголовниками. Тогда же Бужинский передал ему «удостоверение» и похвастал, что так ловко скопировал подпись Попова.

Окунев должен был провести, как утверждал Бужинский, самую простейшую операцию. Он предъявляет охране липовое удостоверение, проникает в здание Красного Креста, а затем в кассу. Ключи от сейфа были сделаны по слепку, который снял все тот же Бужинский.

— Ну, а потом... Что потом? — захихикал завербованный савинковской организацией работник Красного Креста.

— Деньги вот в этот чемоданчик! Если кто-то помешает, ваши бравые защитники укажут им на дверь. Они вооружены. Будьте спокойны!

— Кому я должен отдать деньги?

— На углу Кузнецкого моста вас подождет извозчик и отвезет куда следует. Только надо спросить: «Закурить не найдется?» Он ответит: «Есть табачок». А вы: «Табак не курю», после чего он скажет: «Могу угостить и папиросой». Вот тогда и садитесь в пролетку.

— А сами-то вы, Всеволод Васильевич...

— Я, голубчик мой, займусь другим делом.— Два типа, которых привел Бужинский, уже ушли, уговорившись встретиться с Окуневым в условленный час на Трубной.— По секрету скажу, только даже нашим потом не проговоритесь! Никто знать не должен. Ни-ни. Голову снимут. Сам Савинков часом раньше мне руку пожимал. Видели бы его! Вот это мужчина! Он одобрил мой план. Я раньше никогда не совершал подвигов, а сегодня свершу. В три часа ночи. Я оставлю пустыми склады и лечебницу на Первой Мещанской! Услышите, как об этом заговорит вся Москва...

После встречи с Бужинским Окунев ушел домой. Решил поспать перед трудной ночью, но сон так и не шел к нему. Он ворочался на постели с боку на бок, потом взял какую-то книгу. Почитал ее несколько минут, затем швырнул на пол. Встал, умылся и решил

идти в ресторан, подбодрить себя спиртным. А там из чистого любопытства сунулся в кабинет, в котором произошло убийство.

..Петерс, заложив руки за спину, прохаживался по кабинету.

— Вот так-то, Леон Христофорович! Понимаете, к чему может привести даже малейшая неосторожность? Нет, нет, я ни в коем случае не собираюсь вас в чем-то упрекать. Я только еще раз хочу обратить внимание на слова Феликса Эдмундовича: проявлять максимальную бдительность на каждом шагу!

— Что вы решили предпринять помимо того, что я уже знаю?

— С Бужинским вопрос ясен! Мартынов не даст уйти ни ему, ни его подручным. На Трубной Васенин задержит этих двух типов. Остается извозчик. Он должен доставить Окунева на явку. Вот там, наверно, можно будет выловить рыбку и покрупнее. Извозчиком я займусь сам.

— Разрешите и мне с вами!

— Езжайте домой, Леон Христофорович, отдыхайте. Я бы с удовольствием взял вас с собой, но, увы, не имею права. Чекисты обязаны сами выполнять свой долг.

— Сожалею, что ничем не могу быть полезен. Кстати, я давно хотел вам сказать об одном неприятном визите.

Леон Христофорович передал содержание записки, подброшенной ему в подъезде его дома неизвестным человеком.

Петерс задумался:

— Напрасно вы сразу мне не сообщили. Это скверный сигнал и отнюдь не шутка. Террористы слова на ветер не бросают. Советую быть предельно осторожным. И бросьте вашу привычку пешком поздно возвращаться домой. Думаете, Семашко просто так выхлопотал для вас персональную машину? Вы имеете дома телефон? Нет? Я поговорю со связистами. Ну, мне уже пора. До встречи.

...Этой ночью были арестованы Бужинский и Терехов. Поручика схватили на Сивцевом Вражке, в доме, где он ждал Окунева. Извозчик привез Петерса и его товарищей по точному адресу.

Вся эта история буквально потрясла Леона Христофоровича. Он почти всю оставшуюся часть ночи не спал, ему мерещились Бужинский, Окунев, только под утро сон наконец взял свое.

И на следующий день Попов все никак не мог прийти в себя: был раздражителен, неразговорчив, а телефонные звонки буквально выводили его из равновесия. Леон Христофорович не мог простить себе своей доверчивости к Бужинскому, хотя уже с первого дня знакомства с ним испытывал к нему неприязненное чувство.

Попов сидел за широким письменным столом с расстегнутым воротом гимнастерки и нервно приглаживал усы.

Дверь отворилась. В кабинет заглянула его секретарша — худенькая, с короткими косичками, на вид лет восемнадцати.

— Вчера вечером я передала вам письма, вы их не подписали, Леон Христофорович?

— Какие письма? Никаких писем я не видел! Закройте сейчас же дверь и не заходите ко мне, пока не вызову! — Густой бас Попова прогремел, вероятно, даже в коридоре. Секретарша испуганно отпрянула назад.

Попов встал из-за стола и со злостью откинул кресло, его лицо побагровело. Но он тут же спохватился: «Что я наделал, какое право имею так разговаривать с этой девочкой!»

Он вышел в приемную. Но секретарши там уже не оказалось.

Попов вернулся в кабинет. В нерешительности остановился: «Откуда взялось это хамство, что за чертовщина!»

Леон Христофорович опять открыл дверь в приемную. Никого. Тогда он выглянул в коридор. И здесь не было секретарши. Попов почти машинально прошел весь коридор до лестничной клетки. Посмотрел через перила вниз; в холле первого этажа на скамейке сидела его секретарша и навзрыд плакала.

Попов тут же спустился к ней:

— Оленька! Ты извини меня, ты понимаешь... я даже сам не знаю, как это произошло. Ну? — Он потрепал ее за косички, и на него посмотрели заплакан-

ные, красные глаза. В этот же миг эти глаза просияли и заулыбались.— Я тебе честно говорю: больше так не буду. Прощаешь?

Они вместе поднялись наверх, а когда Леон Христофорович вернулся в кабинет, то почувствовал такое облегчение, будто сбросил с себя тяжелый груз. К нему вернулось хорошее настроение, и он занялся делами.

После обеда его вызвал Семашко. По пути к нему Леон Христофорович вспомнил про инцидент с секретаршей, стал думать о ней, пытался сопоставить свои юношеские годы с Олиными, свои тогдашние переживания — с ее нынешними. «Как все изменилось! — рассуждал он.— В ее годы мои сверстники жертвовали жизнью для того, чтобы создать все то, чем пользуется сейчас Олино поколение. То поколение, которому не грозит ни рабский труд, ни социальное унижение, ни тюрьмы, ни каторги».

Быстро же пролетело время! С какой-то новой силой ощутил Попов происходящее сейчас в Москве, Петрограде и других городах Советской России — то, к чему сам был так или иначе причастен. Он даже прибавил шаг — шел размашисто, широко; так легко было у него на душе, что невольно улыбался прохожим. Леон Христофорович с радостью переживал эти минуты раздумий, с удовольствием представлял себя лет этак через тридцать рассказывающим Олиным внукам: «В тот день, когда я нагрубил вашей бабушке, Совет Народных Комиссаров принял декрет о национализации всей крупной промышленности, время тогда было суровое, но большевики не считались с ним, проводили и реформу народного образования, в высшую школу в первую очередь стали принимать детей рабочих и беднейших крестьян...»

Попову стало даже смешно от того, как разыгралось его воображение. «Однако же,— подумал он,— я ничуть не приукрасил действительность. Все так и есть — и декрет о национализации, и реформа народного образования. А внуки? Внуки будут! Ради них мы ведь и живем, и трудимся».

В Наркомате Попов пробыл до позднего вечера. Когда пришел домой, стал готовиться к докладу на завтрашнем митинге.

ПОКУШЕНИЕ

Попов свернул за угол и шел теперь по гнилым шатающимся доскам. У проходной завода Бромлея он задержался. На замызганной стене висело объявление о том, что в десять утра в механическом цехе состоится митинг. Жирной черной краской было написано: «Современный момент. Докладчик — председатель фракции большевиков Красного Креста Л. Х. Попов».

Сторож проходной указал Леону Христофоровичу на длинный кирпичный корпус.

В цехе было мрачно. Несмотря на солнечный день, свет с трудом пробивался через закопченные окна.

Все в ожидании митинга уже бросили работу. В воздухе висел табачный дым, со всех сторон пахло железными стружками, машинным маслом, слышался шум нетерпеливых голосов.

Попов взобрался на дощатую трибуну, обитую почему-то только с одной стороны куском красной материи, и поднял вверх руку.

Рослый парень в расстегнутой рубахе, который стоял на станине рядом с трибуной, крикнул на весь цех:

— Оратор прибыл! Тише, вы!

Попов добродушно улыбнулся ему, а затем обратился к собравшимся:

— Мы будем сегодня говорить с вами о самом страшном, что есть на земле,— о голоде. Он принес нам неисчислимые беды, страдания и муки. Контрреволюция, враги Советской власти пытаются взвалить вину за тяжелое положение на большевиков. А знаете ли вы, что совсем недалеко от Москвы — под Ярославлем, в Тамбовской, Орловской и других губерниях нетронутые запасы хлеба! По самым скромным подсчетам, кулаки прячут до десяти миллионов пудов зерна!..

Люди, переминаясь с ноги на ногу, слушали с затаенным дыханием. Попов говорил, что кулаки, имея большие излишки хлеба, отказываются продавать его по твердым ценам, занимаются спекуляцией...

— Вы подумайте только,— продолжал оратор,— в стране около двух миллионов кулацких хозяйств! И все они добровольно не желают продавать хлеб городу, рабочему классу, беднейшему крестьянству.

— Надо силой забрать! — выкрикнул кто-то.— Куда большевики смотрят?

Попов вытер платком лоб:

— Товарищи! Владимир Ильич Ленин учит нас, что борьба за хлеб есть борьба не только против голода, но и против кулачества, контрреволюции, иностранных империалистов. Это борьба за социализм... Мы должны организованно выступить против кулацкого засилья...

Кто-то в конце цеха вскочил на подоконник:

— Все ясно! Давай принимать резолюцию — забрать у кулаков весь хлеб!

На него зашикали:

— Замолчи!

— Ишь, говорун! Без тебя разберутся!

Попов еще раз вытер платком лоб, сошел с трибуны и встал на станину рядом с рослым парнем:

— Центральный Комитет партии большевиков и Советское правительство приняли решение обуздать кулачество. Партия призывает передовых рабочих создавать отряды и организовать массовый поход в деревню...

В цехе захлопали в ладоши, зашумели.

— Среди вас есть немало большевиков, стойких, преданных социализму людей. Я призываю их возглавить бой на самом жизненном участке фронта — на фронте борьбы против голода и болезней. Партия, Ленин надеются на вас, товарищи рабочие!

Попов спрыгнул со станины, а вокруг раздались голоса:

— Да здравствует Ленин!

— Да здравствует диктатура пролетариата!..

Часом позже Попов выступал уже перед рабочими завода Густава Листа. Он видел перед собой сотни людей с осунувшимися, исхудавшими лицами. И потому, с какой жадностью они ловили каждое его слово, догадывался, что они верят ему, понимают его.

Во второй половине дня Леон Христофорович встретился с Семашко. Тот знал от Петерса про все

ночные приключения и, хотя прошло после той злополучной ночи уже несколько дней, делал вид, будто ему ничего не известно.

Леон Христофорович обсудил с наркомом интересовавшие их обоих дела и собрался уже уходить.

— Одну минуточку! — остановил его Николай Александрович.— Я что-то давно не вижу вашей машины. Исправна ли она?

— Я отослал ее в Тамбов,— безразличным тоном ответил Попов.

— В Тамбов? Зачем?

— В губернию ушел рабочий отряд одного из заводов. Я попросил, чтобы оттуда для беспризорников детского приемника привезли картофеля или крупу — что достанут.

Семашко помолчал, а потом уже подобревшим голосом сказал:

— Петерс мне передавал, что вы получили какую-то неприятную записку. Я полагал, что машину вы могли бы и у меня попросить. Нельзя поступать так легкомысленно! Скоро Пятый Всероссийский съезд Советов. Вы его делегат. Фигура для террористов весьма подходящая. Пока не вернется ваша машина, будете пользоваться моей.

— Только не с сегодняшнего дня,— засмеялся Попов.— Сегодня намерен засветло вернуться домой.

— Но у вас же вечером коллегия?

— Не беспокойтесь, Николай Александрович. Все будет в порядке.

...Попов слово свое не сдержал. Домой возвращался в первом часу ночи. На улице было душно. Днем термометр показывал тридцать четыре градуса, воздух так накалился, что к вечеру не успел остыть. Казалось, вот-вот начнется гроза. Но тучи проползли мимо и сгрудились где-то далеко за городом.

Леон Христофорович по дороге вспоминал все, что говорилось на первом заседании Центральной коллегии Российского общества Красного Креста. На этом заседании он был избран ее председателем.

Почти в это же время Васенин закончил дежурство. Сдав рапорт, спустился на первый этаж, где находилась кладовая. Аккуратно завернул в припасен-

ную тряпку телефонный аппарат, который Петерс передал ему еще днем, несколько раз бечевкой обвязал сверток и вышел на Лубянку. Он тоже отправился пешком через весь город к Погодинке. Петерс сказал, что завтра утром к Попову придут делать проводку, а он, Васенин, будет тогда занят. Вот и решил Клим отнести аппарат сразу после дежурства...

Небо опять заволокли тучи, стало совсем темно. Попов уже был за Киевским вокзалом и шел по дощатому настилу узенького переулка. Попов не знал, что всю дорогу от самой Трубной за ним по пятам следовал какой-то человек в легкой парусиновой куртке. Он то замедлял шаг, то, наоборот, спешил. Иногда перебегал с одной стороны улицы на другую. Сейчас, когда Леон Христофорович свернул за угол, он мигом перебежал на противоположный тротуар и встал за широкий ствол тополя. Переулок открылся перед ним во всю длину.

Васенин, шедший уже за несколько сотен метров от них, в темноте не узнал Попова и не придал никакого значения тому, что какой-то прохожий вдруг захотел на минуту остановиться за деревом. Попов в этот момент заметил на земле что-то блестящее, нагнулся, чтобы разглядеть валявшийся предмет, и тут мгновенно раздался выстрел. Вторая пуля, как и первая, прошипела совсем рядом над головой. Попов успел выхватить револьвер и тоже выстрелил — наугад, в темноту.

Васенин на мгновение оторопел. Но когда сообразил, откуда громыхнул первый выстрел, тотчас достал из кобуры пистолет и бросился к углу переулка. Телефонный аппарат выпал у него из рук, издав от удара о мостовую тихий, жалобный звон.

Тот, который был за деревом, целился в Попова. Но Леон Христофорович юркнул в подворотню и на какое-то мгновение раньше своего противника нажал на спусковой крючок. Улицу огласил крик.

Выронив оружие, раненый сделал несколько шагов назад и упал. Попов и Васенин подбежали к нему почти одновременно и буквально опешили, узнав друг друга.

Человек хрипел, заливался кровью. Клим нагнулся к нему и дрожащим от злобы голосом потребовал:

— Кто послал тебя — говори! Ну!

Первые слова трудно было разобрать, потом они услышали:

— Измайлово... Третья просека...— На этом он скончался.

Выстрелы привлекли внимание рабочего патруля. Когда он прибыл, Васенин предъявил документ и велел срочно отправить труп в морг.

Клим пошел ночевать к Попову. По дороге он сетовал:

— Где достать новый аппарат? Надо же, разбился, окаянный! Ну и влетит от Петерса...

Утром Петерс принимал рапорт сразу от ночного дежурного и от Васенина.

Несмотря на раннее время — часы еще не пробили и восьми,— пепельница уже наполнилась окурками. Член ВЧК, спокойный, выдержанный, иногда казавшийся даже флегматичным, на этот раз вышел из себя:

— Черт знает, что творится! Под нашим носом! Подумать только, какая-то железка, подвернувшаяся под ноги, спасает Попова! Как в самых дрянных детективах. Вы хотя бы обыскали этого бандита?

— Никаких документов не нашел.— Васенин отвечал оправдывающимся тоном, словно именно он был во всем виноват.— При нем вообще ничего не оказалось. Вот только эта картонка.

Петерс повертел ее в руках.

— Вы знаете, что сие значит? — Петерс снял телефонную трубку.— Доставьте ко мне Окунева. Немедленно!

Петерс встал. Закурил еще одну папиросу.

— Вторая половинка от этого треугольника находится у того, с кем должен был не сегодня, так завтра встретиться покушавшийся на Попова. Теперь понимаете, что вы нашли?

В кабинет ввели Окунева.

— Владимир Николаевич, как вы думаете, что это?

— Пароль! Я ведь уже рассказывал вам о конспиративных способах встреч с незнакомыми людьми. Иногда таким паролем служат галстучные булавки в виде черепа.

Окунев выглядел ужасно. Щеки впали, глаза были тусклые, казались совершенно бесцветными.

— Вас отвезут сегодня в морг для опознания одного трупа. А пока идите.— Петерс посмотрел ему вслед, а когда закрылась дверь, сказал: — Знаете, мне жалко этого парня. В сущности, он неплохой человек. К Савинкову попал по глупости, по молодости. У него, видите ли, обида за отца. Мы с ним много раз беседовали. Я бы отпустил Окунева, но друзья по «Союзу» его тут же убьют, как предателя.

Невыспавшийся дежурный сидел напротив Петерса и откровенно зевал.

— Отдыхайте, Кондратенко. Завтра денек тоже не из легких.

Дежурный ушел. Несколько минут Петерс и Васенин молчали. Потом Клим спросил:

— Что за история с его отцом?

— Он инженер-путеец. По ошибке был арестован. Это еще когда вы в Смоленске находились. Меньшевики на Николаевской дороге саботаж учинили. Ну, их, конечно, забрали. За одно и отца Окунева, как «интеллигентскую контру». А когда разобрались, оказалось, что он ни при чем. Пришлось извиняться. Вся история произошла на глазах его сына. Он на побывку прибыл с фронта. Отца-то при нем брали. Ушел Владимир Николаевич тогда из дома — боялся, что и его арестуют. Встретил старого приятеля, а остальное уже известно.

— Почему же он просил отцу ничего не говорить?

— В этом-то вся штука! Старик Окунев достаточно трезвый и умный человек. Сначала, конечно, был очень рассержен, но потом понял, что арестовали его по недоразумению. Вернулся на службу и стал нам здорово помогать. Сынок это узнал, пришел как-то домой, и между ними на идейной почве произошел большой скандал.

— Он знает, что потом произошло?

— Кто? Старик Окунев? Да! Я ему все рассказал. Но видеть сына отказался наотрез. Сказал, что у них в семье никогда ни воров, ни бандитов не было и не будет. Передачу, правда, принес. А вот как сказать об этом Владимиру?

— Сентиментальная история.

— Нет, дорогой! Здесь не только чувства. Здесь скорее политика. Окунев — не Бужинский. Тот — убежденный враг социализма. А Владимир толком-то не знает, чего хочет. Им пока руководят не убеждения, а чувства. Его надо вырвать из омута, помочь понять жизнь. А сколько таких окуневых...

Петерс в задумчивости стоял у окна. На улице, как и вчера, сильно пекло солнце. Уже с утра на асфальте оставались четкие следы прохожих.

— А вот Попов не считает эту историю сентиментальной. Он сам хочет заняться Окуневым... Ну, мы немножко отвлеклись. Значит, Измайлово, Третья просека. Сколько же на ней дач? А народ там какой? Все это нужно срочно выяснить. Съездите в Измайлово. Вместе с Сажиным.

БЕСПРИЗОРНИКИ

Во дворе, окруженном высокой каменной стеной с остроконечными башенками, гуляли беспризорники. Худющие, в изодранных штанах, босиком, они без всякого дела слонялись из стороны в сторону. Потом, устав, садились на корточки и о чем-то вполголоса разговаривали.

В конце двора, возле жалкого кустика сирени, плакала девочка лет десяти. Она утирала слезы рукавом грязной кофты и повторяла вздрагивающим голоском:

— Я кушать хочу! Дайте поесть!

Дети сегодня еще ничего не ели, если не считать ломтика черного хлеба, выданного утром каждому, и кружки несладкого чая.

В приемнике, устроенном на Даниловском валу, содержалось около двухсот детей. Старшим было лет по четырнадцать. Они держались особняком, искоса, недоверчиво поглядывали на своих попечителей. Когда кто-нибудь из них выходил во двор, ребята зло выкрикивали:

— За что нас сюда посадили? В тюрьме и то кушать дают!

Новых беспризорников приводили на Даниловский вал почти каждый день. Первые дни им здесь

даже нравилось. Кормили их плохо, но не объедками из мусорных ям, и спали ребята на постелях, а не в заброшенных подвалах, где копошились мыши и крысы.

Маша работала врачом в этом приемнике и старалась изо всех сил, чтобы для детей был создан хотя бы минимальный уют. Простыни и наволочки менялись раз в пятидневку, свои комнаты ребята подметали два раза в день. Но чистота и порядок не могли заменить детям еду. Многие, особенно малыши, страдали желудочными болезнями, были случаи дистрофии.

Когда Леон Христофорович узнал от жены, что в приемнике почти кончился запас продуктов, он послал свою машину в Тамбовскую губернию. Маша сама уехала с этой машиной.

Во второй половине дня жара спала. Все облегченно вздохнули. Беспризорники выползли из теневой стороны двора на его середину. Худосочный парень, весь в лишаях, что-то шептал такому же запаршивленному мальчугану. Потом они подозвали еще двоих. Постепенно около них сгрудились почти все великовозрастные обитатели каменной стены. Ребята сначала сильно спорили, дело чуть было не дошло до драки, потом захохотали и, успокоившись, заняли места на длинных скамейках, выставленных из столовой во двор. Через минуту они разом завыли — громко, на все голоса. Их лица налились краской, на худеньких шеях вздулись жилки. А они выли, позабыв обо всем на свете, выли до исступления, кашляя, задыхаясь. И никто не мог успокоить несчастных ребят — ни директор приемника, ни воспитатели.

Неизвестно, чем бы все это кончилось. Но, к счастью, высокие металлические ворота, доверху заполнявшие проем арки, выходящей на Даниловский вал, отворились и во двор медленно вкатила легковая машина.

Беспризорники мигом умолкли. Директор в это время уже бежал по двору и кричал Маше:

— Привезли? Привезли, я вижу!

Дети медленно шли к машине. Все ее заднее сиденье снизу доверху было заполнено мешками

с картофелем. В багажнике тоже лежали мешки. Маша умудрилась и на крыше привязать какие-то кули. Когда директор развязал один из мешков и показал всем вытащенную из него картошку, беспризорники бросились вперед. Сбивая друг друга, толкаясь изо всей силы, они накинулись на мешки, стали выхватывать испачканные землей картофелины и тут же кусать их.

— Прекратите! Прекратите немедленно! — истерически закричала Маша.

Ее голос остановил обезумевших детей. Они стояли растерянные, жалкие, было такое впечатление, что их кто-то очень сильно обидел. Потом они бросились к Маше. Какой-то мальчуган повис на ее шее, пытаясь во что бы то ни стало поцеловать. Ее хватали за плечи, тащили за руки. А у нее текли слезы...

ТАЙНОЕ СБОРИЩЕ

Гильданов был теперь, как никогда ранее, уверен в скором избавлении России от «кремлевских комиссаров». Капитану казалось, что все города и села единой и неделимой империи только и ждут сигнала, чтобы покончить с Совдепами. Викентий молился на Савинкова, видел в нем властного повелителя русского народа.

Для такого оптимистического настроения Гильданов имел основания. «Союз защиты родины и свободы» с каждым днем набирал силу. Его члены проникли не только в московскую милицию, но и в государственный аппарат, и в военный контроль. Отряды тайного «Союза» уже насчитывали более пяти тысяч человек. Все они с нетерпением ждали команды для стремительного захвата Кремля. Однако Савинков не спешил.

Как-то поздней ночью в окно дачи Веры Николаевны постучали. Гильданов проснулся и тут же схватился за пистолет, спрятанный под подушкой. Но сразу успокоился. По тому, как стучали, Викентий понял, что его поджидал свой человек. Это был связной Савинкова. Он вызвал Гильданова на срочное совещание.

Они прошли почти через весь лес и только в конце парка сели на ожидавшую их пролетку. Лошадь неслась по темным, тихим московским улицам. Гильданову казалось, что он едет не на извозчике, а летит на крыльях. «Вот оно — началось! — думал Викентий.— Сегодня, сейчас Савинков даст сигнал...»

Савинков действительно дал сигнал, но не тот, которого ожидал Гильданов и большинство членов «Союза».

В маленькой душной комнате собрались в основном члены штаба. Гильданов несколько позже понял, что его присутствие объяснялось простой причиной: ему поручалась особая роль при осуществлении нового замысла руководителя «Союза защиты родины и свободы».

Все были в сборе. Но Савинков все еще не приходил. Его ждали молча, никто не решался высказать вслух свое предположение по поводу его отсутствия. Наконец он явился — в английском френче, желтых гетрах.

— Господа, наш стратегический план изменен,— сразу начал Савинков.— От захвата Москвы придется отказаться. Мы должны образовать Восточный фронт, соединившись с чехами. Для этого поднимем восстание в Казани, Муроме, Рыбинске, Костроме. Уничтожим все подмосковные мосты и водокачки...

— Семь пятниц на неделе! Ничего не понимаю, хоть тресни! Какого же дьявола мы сосредоточивали все войска в Москве, с таким риском концентрировали в столице оружие? — один из членов штаба, побагровев от злости, резко воткнул в пепельницу горящую папиросу.

Савинков не обратил на него никакого внимания.

— Первый решающий удар большевикам нанесем в Ярославле. Хочу сообщить, господа, сведения, доселе вам неизвестные. В день восстания в Ярославле союзники высадят десант в Архангельске и пойдут нам на помощь. Без этой помощи захват Москвы — авантюра. В лучшем случае мы перестреляем всех крупных кремлевцев, допустим, убьем даже Ленина. А дальше что? К сожалению, милостивые государи, нам нужно признать тот факт, что рабочие

Москвы нас не поддержат. Надо уметь взвешивать все обстоятельства.— Савинков презрительно посмотрел на того члена штаба, который осмелился вставить реплику.— В столице оставим только один полк и надежного человека для связи с основной группой войск — капитана Гильданова...

Викентий возвращался в Измайлово уже не в таком бодром настроении. Он понял, наконец, что силы «Союза» менее значительны, чем у большевиков, а ставка на союзников представлялась ему не столь уж соблазнительной. «Где гарантия, что они разобьют большевиков на севере и дойдут почти до Москвы? — рассуждал капитан.— Пока все это гадание на кофейной гуще». Настроение у него вконец испортилось. Приехав на дачу, Викентий даже не поел и сразу улегся спать.

ЧЕКИСТЫ ЕДУТ В ИЗМАЙЛОВО

Поздно вечером, закончив все дела, Попов отправился на Лубянку. Петерс разрешил ему свидание с Окуневым.

Леон Христофорович ожидал его в узкой продолговатой комнате, где, кроме двух стульев и небольшого расшатанного столика, ничего не было. Он думал о том, чем кончится их разговор, старался предугадать ответы Окунева на свои вопросы.

Конвойный ввел арестованного и тут же ушел.

— Садитесь, Владимир Николаевич.— Попов придвинул ему стул.— Вы удивлены, увидев меня?

— И да, и нет.

— Ну а все-таки?

— Разве может мое мнение иметь хотя бы малейшее значение?

— Видимо, может, если я спрашиваю.

— Что еще могу сказать. Я уже все сказал. Все! И вовсе не потому, что я трус, как вы, наверно, думаете.

— Не о трусости речь, и я пришел сюда не для того, чтобы вести допрос. Поймите это! Меня интересует совсем другая сторона вашего дела. Ну, скажите, зачем вам понадобилось вступать в какую-то тай-

ную организацию, рисковать жизнью? Ради чего все это? Неужели вы действительно так сильно ненавидите большевиков? За что? Только потому, что они по ошибке арестовали вашего отца?

— Вы не представляете, как на меня это сильно подействовало...

— А почему его освобождение не произвело на вас такого же сильного впечатления?

Окунев опустил голову.

— Не хотите говорить — не надо. Но вообразим худшее. Допустим, недоразумения при аресте не было, допустим, ваш отец совершил преступление по тем же мотивам, что и Бужинский. У отца своя голова. А у вас? Вы хотя бы имели представление о тех целях, которые поставили перед собой люди, толкнувшие вас на воровство и на возможное соучастие в убийстве?

— Почему вы со мной говорите об этом?

— Потому, что не верю, чтобы человек, получивший хорошее воспитание, бывший на фронте и видевший, как тысячи голодных, разутых людей дерутся за свою народную власть, мог вдруг стать ее убежденным противником. Чудес на свете не бывает. Кстати, ваш отец со мной согласен.

Окунев встрепенулся:

— Он обо всем информирован?

— Да. Но не Петерс, а я ему рассказал. Вы знаете, что отец не хочет вас видеть? Он даже не просил за вас. Вот у него есть убеждения, а у вас их нет. Или вы думаете иначе?

Окунев пожал плечами:

— Мне сейчас трудно отвечать. Все так перемешалось, перепуталось в голове, все так сложно. А потом, нужно ли отвечать? Так или иначе, жизнь кончена.

— А вот это вы зря.

— Разве есть какие-нибудь шансы?

— Следствие решит, есть они у вас или нет. Но если вы меня спрашиваете, то, мне кажется, у вас еще вся жизнь впереди. Я вам советую хорошенько подумать над моим вопросом.— Попов встал.— Мы с вами еще увидимся.

— Скажите, как отец? Здоров?

— По-моему, он чувствует себя хорошо. Но очень переживает за вас, хотя старается этого не показывать. Он честный и порядочный человек.

...В то время, когда происходил этот разговор, Васенин, Сажин и еще трое чекистов подъехали к измайловскому лесу.

А до этого дня несколько суток подряд Васенин и Сажин вели наблюдение за дачниками Третьей просеки. Сначала они терялись в догадках, у кого из проживающих здесь может находиться вторая половинка картонного треугольника. Людей в поселке жило не так много, большинство дач стояли заколоченными еще с осени прошлого года. Те же, кого ежедневно встречали чекисты, не вызывали подозрений, и документы у них были исправны, в город не выезжали, да и тут никто из посторонних не появлялся. Только один раз ночью на участок дачи с колоннами приходил какой-то человек. Потом Васенин и Сажин видели, как он возвращался через парк, но уже не один. Клим хотел проверить у него документы. Михаил отсоветовал, сказал, что разговоры, которые непременно пойдут в поселке о ночных засадах чекистов, спугнут того, кого они ищут, зато им теперь известно, за чьей дачей следует присмотреть особо.

Утром они видели, как Гильданов пришел домой.

На следующий день на совещании у Петерса был принят план операции.

Часов в одиннадцать вечера чекисты подошли к даче Веры Николаевны. Васенин остался на улице, а остальные через соседний участок пробрались на тот, где жила генеральская вдова. Двое спрятались около террасы в беседке, заросшей диким виноградом. Сажин с товарищем подкрался к окнам, выходящим во двор.

Свет в даче не горел, только на втором этаже, где был балкончик, тускло светилась керосиновая лампа.

Васенин выждал несколько минут, потом открыл калитку. Постучал. Затем еще раз. Наконец, услышал шаги.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Свои.

— Вы к кому?

— Не бойтесь, свои, говорю!

Женщина ушла и долго не возвращалась. Через некоторое время на первом этаже зажегся свет, и Клим услышал, как она чертыхалась в прихожей. Дверь отворилась:

— Люди уже спят, кого вам?

Васенин показал картонку. Женщина удивленно посмотрела на него и хотела захлопнуть дверь. Но Клим плечом придержал ее, прошел в прихожую, еще раз показал картонный треугольник:

— Мне нужен хозяин...

— Проходите, проходите! Что это у вас? — за портьерой стоял мужчина, которого Васенин видел прошлой ночью.

— У меня одна половинка, а у вас — другая.

— Ах, вот оно что... А я-то дурень...— Гильданов стал очень учтив.— Прошу в гостиную.

Когда Васенин, откинув портьеру, оказался впереди капитана, Викентий выхватил из кармана пистолет и сильно ударил его рукояткой по голове. Клим упал. Как во сне, он услышал:

— Номер не удался, сударь! Эта картонка принадлежит не вам, а тому, кого убили чекисты. Грубо работаете! Дзержинский вам не простит. Зато я утешу вас: на том свете все будем равны. Сгниешь тут в подвале!

Васенин с трудом открыл глаза. Уперся руками в пол, но подняться не смог. Однако ему удалось нащупать в тужурке пистолет, и случилось так, что, теряя последние силы, Клим бессознательно нажал на спусковой крючок.

Гильданов этого не ожидал. Он заметался по комнате. Вера Николаевна в ужасе появилась в дверях. С улицы тоже раздался выстрел. Пуля вонзилась в потолок.

— Туши свет! — крикнул капитан и выскочил из гостиной.

Оконная рама застекленной террасы с треском отворилась, и кто-то из чекистов проник уже внутрь дачи.

— Бросайте оружие, вы окружены!

Гильданов выстрелил на ходу и распахнул дверь комнаты. Вера Николаевна схватила его за рукав:

— Не пущу! Куда ты?

Викентий отпихнул ее.

— Они убьют нас! — в истерике она опять бросилась к нему и повисла на шее.— Лучше сознайся, расскажи все, что угодно, только не смерть!

Гильданов отшвырнул ее на пол. Вера Николаевна откинула со лба волосы и застыла: капитан, не целясь, выстрелил в нее. Потом он вскочил на подоконник, ногой выбил раму и выпрыгнул во двор. Но тут его ждал Сажин.

Через час Петерс уже допрашивал Гильданова.

...Васенина хоронили на Даниловском кладбище. Когда все разошлись, у свежей могилки остались трое: Попов, Маша и Сажин.

ПРОВОКАЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Днем 4 июля Леон Христофорович зарегистрировался во Втором доме Советов — в гостинице «Метрополь» — и пошел затем к Большому театру, где должен был открыться Пятый Всероссийский съезд Советов.

На мостовую упали редкие, крупные капли дождя. Воздух наполнился той приятной свежестью, которая обычно приходит после долгой и сильной жары. Леон Христофорович оглянулся по сторонам. Вокруг ни души. Лишь возле театра и там, ближе к Охотному ряду, цепочкой выстроились вооруженные люди. Они проверяли у прохожих документы и пропускали только тех, кто шел на съезд. Проезд машин через площадь не разрешался, трамвайная остановка возле театра была закрыта.

В фойе театра мимо Попова в черной блузе и длинной юбке быстро прошла Мария Спиридонова. Следом за ней в зал направлялись члены ЦК левых эсеров Карелин и Камков. Когда Леон Христофорович занял свое место в амфитеатре, за столом президиума уже стоял Яков Михайлович Свердлов. Он позвонил в колокольчик, собрал какие-то бумаги и подошел к трибуне:

— По поручению ЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов объявляю Пятый съезд Советов открытым...

Сосед Попова справа — полный мужчина с обритой головой обернулся назад и кому-то шепнул:

— Надо ожидать, что левые эсеры получат большинство голосов.

— Очередная «утка». Послушайте-ка лучше, что говорит Свердлов. Вот видите! У них менее трети голосов. А у большевиков — две трети!

Через минуту присутствующие в зале встали в скорбном молчании. По предложению Свердлова делегаты почтили память Володарского, злодейски убитого в Петрограде.

— А вам не кажется, что сторонников Ленина прокатят при голосовании? Брестский мир, знаете ли, признают не все,— опять зашептал сосед Попова.

— Перестаньте болтать! Дайте слушать! — цикнули с задних рядов.

Яков Михайлович снял пенсне, прищурился, посмотрел в зал:

— Позвольте перейти к порядку дня. На местах прошу не шуметь. Порядок дня, предлагаемый ЦИК, следующий: отчет ЦИК и Совета Народных Комиссаров...

Кто-то передал Попову записку. Он тут же прочитал ее, встал и, пригнувшись, быстро вышел из зала. В фойе его ожидал член Центральной коллегии Всероссийского общества Красного Креста Александр Максимович Трепалов. Он был явно взволнован.

— У нас черт знает что происходит! Левоэсеровская группировка требует немедленно созвать коллегию.

— На каком основании? — возмутился Леон Христофорович.

— Добиваются перевыборов. Обвиняют нас в предательстве.

— В предательстве?!

Орут, что мы заодно с Мирбахом.

— Вот как! Петерсу сообщили?

— Я даже пулемет с Лубянки доставил. Черным ходом занесли в зал заседаний. Скрыли под столом президиума, на всякий случай.

Они выбежали из театра. Свернули от здания влево и бегом пустились к Неглинной.

Второй этаж особняка, в котором размещалось Всероссийское общество Красного Креста, шумел, как улей. Люди сбились в конце коридора, громко спорили, жестикулировали.

— Кто дал право Красному Кресту отправлять хлеб для немецкой буржуазии? Кто? Вы можете ответить? — Еще на лестнице Леон Христофорович услышал чей-то громкий рокочущий бас.

— Не занимайтесь провокациями! — Александра Николаевна Терентьева стояла возле дверей зала заседаний и никого туда не пускала.

— Провокациями? Почему же тогда не является ваш Попов? Боится посмотреть нам в глаза?

Леон Христофорович быстро шел по коридору:

— Вас никто не боится! Хотите откровенного разговора — давайте! Александра Николаевна, откройте нам дверь!

В конце зала посреди сцены, как и всегда, стоял длинный стол. Сейчас его до самого пола и по краям прикрывал большой кусок красной материи. Трепалов первым сел за стол и ногой проверил, стоит ли под ним пулемет. Он был на месте. Рядом с Трепаловым заняла место Терентьева.

Попов поднялся на сцену:

— Те, кто повел разговор о посылке хлеба в Германию, хотят посеять среди нас вражду. Да, за границу ушло тридцать шесть вагонов с хлебом...—

— Позор! Русский народ сам голодает, а большевики забирают у него последние крохи! — гремел все тот же бас.

— Терентьева правильно сказала. Вы — провокатор! — Попов зашел за стол и с нескрываемой ненавистью посмотрел на кучку людей, сидевших возле окон в дальнем углу зала.— Вывезен не только хлеб, а и мануфактура. Но вы правы: сделал это Красный Крест, сделали это мы, большевики. И все, что отправлено, предназначается не для немецкой буржуазии, а для наших военнопленных. Всем известно, что они умирают с голоду, что германские власти их перестали кормить. Зачем же вы врете?

— Прошу без личных выпадов!

— А с какой стати вы позволяете себе оскорбления в адрес партии большевиков? Именно той един-

ственной партии, которая решительно борется против голода, кулаков и спекулянтов. Кстати, именно ваша партия левых эсеров выступает против продовольственной монополии, против комбедов и продотрядов. Так кто же тогда предает русский народ? Вашему ЦК не нравится и Брестский мир! А вы спросите у рабочих, у бедняков, чего они хотят — войны или мира.

— Нечего демагогией заниматься! Лучше бы перестали лобызаться с Мирбахом. Мы не позволим большевикам превращать Красный Крест в союзника германского империализма.— В конце зала поднялся шум, послышалась брань.— Да что вы его слушаете! Надо переизбрать коллегию!

— Она избрана общим собранием,— голос Попова заглушили выкрики.— Никто вам не позволит отменять его волю. Вас никто не поддержит!

— А это мы сейчас посмотрим. Мы не собираемся разглагольствовать. Освобождайте места в президиуме! — С задних рядов поднялось несколько человек, к ним тут же присоединилась вся левоэсеровская группировка. Они решительно направились к сцене.— Не уйдете добром — применим силу!

— Это бесчестный заговор! Вы пользуетесь тем, что многие наши товарищи выехали на фронт! — Терентьева сбежала со сцены навстречу разъяренной толпе. Кто-то оттолкнул ее прочь. Тогда Леон Христофорович подал знак Трепалову. Тот, не мешкая, выкатил из-под стола пулемет и дал короткую очередь в потолок. Огромная хрустальная люстра разлетелась вдребезги. Заговорщики оторопели.

Попов вышел на сцену и поднял руку:

— От имени Центральной коллегии требую, чтобы вы сейчас же покинули помещение. О вашем дальнейшем участии в работе Красного Креста поговорим особо.

Левые эсеры попятились назад.

— Живее, ну! — Трепалов, сжав кулаки, еле себя сдерживал.

Леон Христофорович запел «Интернационал». Его поддержали Трепалов, Терентьева и еще двое. Оказалось, что в зале вместе с Поповым находилось всего пять большевиков.

— Ну и денек! — Трепалов покачал головой.

— Да, денек что надо! А как это вы насчет пулемета догадались? Сначала подумал — перестарался Трепалов.

— Интуиция, Леон Христофорович. Вернее, сердце. Уж очень они подозрительно себя вели. И момент такой выбрали: вы на съезде, а тут, кроме нас, никого! Я на вашей машине — до Лубянки и обратно.

— Возьмите и сейчас мою машину и вместе с Александрой Николаевной езжайте к Петерсу. Все подробно ему расскажите. Действительно, выглядит эта история крайне подозрительно.

В этот день Попов уже не успел побывать в Большом театре.

НА ПЯТОМ ВСЕРОССИЙСКОМ...

Леон Христофорович пришел на службу 5 июля очень рано. Второе заседание съезда должно было начаться после обеда, поэтому он решил в первой половине дня закончить все дела.

Попов подписал несколько срочных бумаг, касавшихся отправки на восток санитарного эшелона, утвердил смету расходов московских больниц и собрался было звонить Семашко. Но в это время в кабинет вошла Терентьева. Поздоровавшись, она положила на стол газету.

— Читали?

— Нет, а что? Ах, это «Знамя труда».

— Центральный орган левых эсеров. Почитайте-ка, что они пишут. Вот здесь.

Леон Христофорович развернул газету:

— Партия поднимает перчатку...

— Вот именно,— перебила его Терентьева.— Левые эсеры теперь уже откровенно и открыто говорят, что они против мира. Так и заявляют: Брестский договор — петля, душащая русскую революцию. До чего докатились!

— Это комментарий ко вчерашнему дню. Вы были в Чека?

— Да. Встретила Феликса Эдмундовича. Он пришел прямо со съезда. Сказал, что положение становится серьезным. Левые эсеры бойкотировали голосо-

вание по вопросу войны и мира, их фракция покинула вчерашнее заседание.

— Вот даже как!

— На дни съезда наше здание будет охраняться. Так распорядился Дзержинский. Он опасается, как бы опять левые эсеры чего-нибудь не выкинули.

Позвонил Петерс, просил подождать его, чтобы потом вместе пойти на съезд.

Около четырех часов дня Попов и Петерс вышли на улицу. Жара в Москве не проходила, и они с сочувствием посмотрели на бойцов, находившихся возле Большого театра. Сегодня все были в полной боевой выкладке: в закатанных шинелях, перекинутых через плечо, при заполненных патронташах. Около театра стояли два грузовика с пулеметами в кузовах и легковушка, переделанная в карету скорой помощи. В машинах тоже сидели бойцы.

— Латышские стрелки,— сказал Петерс.— По личной просьбе Якова Михайловича Свердлова несут охрану съезда. Кстати, утром я допрашивал Гильданова. Все отрицает. О Савинкове слушать не хочет. Говорит — такого не знает.

— Хитрит,— усмехнулся Попов.

— Какая это хитрость! По его лицу вижу — трусит. Ничего, разговорится. А вы не хотели бы с ним побеседовать?

— За себя не ручаюсь. Лучше бы нам не встречаться.

В фойе они попрощались. Петерс должен был увидеться с Феликсом Эдмундовичем, а Попов направился в зал. Как и вчера, рядом с ним сидел полный мужчина с обритой головой.

— Значит, сегодня развязка? — хитренько, растаяв в улыбке, обратился он к Леону Христофоровичу.

— Не понимаю вас.

— Наивное дитя! Сегодня же отчет Совнаркома и ЦИК! А что, если съезд выразит им недоверие?

— Вы, вероятно, только этого и ждете? — Попов почувствовал, как в нем закипает злость. Он очень устал за эти дни, издергался, нервы были на пределе, и Леон Христофорович испугался, что может сорваться из-за пустяка, из-за какого-то прохвоста,

специально вызывающего его на скандал.— Извините, я хочу слушать доклад.

Выступал Председатель Совнаркома В. И. Ленин. Он стоял на сцене возле рампы, слегка нагнувшись вперед. Левая рука его была заложена за спину:

— Мы знаем, что революция есть такая штука, которая изучается опытом и практикой, что только тогда революция становится революцией, когда десятки миллионов людей в единодушном порыве поднялись...

Аплодисменты заглушили речь. Послышались возгласы:

— Да здравствуют Советы!

Владимир Ильич подождал, пока не утих зал:

— ...это борьба, поднимающая нас к новой жизни, начата 115 миллионами людей: надо к этой великой борьбе присматриваться с глубочайшей серьезностью.

Опять раздались аплодисменты. Сосед Попова поднялся и демонстративно направился к выходу. Зал покинули еще несколько человек. Леон Христофорович обратил внимание на Марию Спиридонову: лицо вытянулось, глаза сузились и не скрывали ненависти.

— Итак, товарищи, наша правота в деле заключения Брестского мира доказана была всем ходом событий.— Владимир Ильич взмахнул правой рукой так, словно бы еще раз хотел сказать, что тут нет и не может быть иного мнения.— И те, кто на предыдущем съезде Советов пробовал отпускать плохие остроты насчет передышки, научились и увидали, что мы получили, хотя и с неимоверным трудом, отсрочку и за время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству...

Спиридонова о чем-то шепталась с членами ЦК своей партии. Камков скорчил кислую мину, пренебрежительно бросив взгляд на оратора.

— Посмотрите, что говорят теперь, слушая призывы левых эсеров, правые эсеры, Керенский, Савинков и прочие... Да они в настоящую минуту хлопают, как бешеные. Они рады втянуть Россию в войну...

Кто-то зашипел:

— А Мирбах? Большевики заодно с ним!

Владимир Ильич поднял руку, перечеркнул ею воздух, будто ставя крест на своих противниках.

— И сейчас так говорить о брестской петле — значит на русского крестьянина накидывать помещичью петлю...

Голосование по отчету ЦИК и Совнаркома состоялось поздно ночью. Подавляющим большинством голосов делегаты съезда одобрили резолюцию, внесенную большевиками. После этого левые эсеры покинули зал, а их лидеры — члены ЦК Камков, Карелин и Черепанов тут же отправились к Покровским воротам в Трехсвятительский переулок, где находился штаб особого отряда ВЧК.

МЯТЕЖ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

Днем 6 июля в Москве пронесся слух: убит посол Германии Мирбах. Любопытные тут же поспешили в Денежный переулок, где находилось немецкое посольство. Ничего интересного они там не увидели, кроме лишь разбитого окна на первом этаже.

Вскоре в Денежный переулок приехал Дзержинский, и слух подтвердился. Да, посол был мертв. Пятый Всероссийский съезд Советов прервал работу.

Попов выбежал на улицу, разыскал свою машину:

— На Лубянку. В Чека!

Не доезжая дома номер одиннадцать, он велел шоферу остановить машину. Леон Христофорович не поверил своим глазам. Бойцы в морских тельняшках, увешанные пулеметными лентами, выводили из здания заместителя Дзержинского Мартина Яновича Лациса. Его подтолкнули в кузов. На улице осталась охрана. Потом под конвоем привели еще нескольких чекистов. Когда грузовик тронулся, из подъезда показались член ЦК левых эсеров Камков и Гильданов. Раскуривая папиросы, они подошли к ожидавшему их автомобилю.

Попов тут же скомандовал шоферу:

— Задний ход! В Кремль!

Леон Христофорович догадался о случившемся. Стало ясно, что левые эсеры не только арестовали чекистов, но и освободили ярого и открытого врага

Советской власти Гильданова. Страшное предательство свершилось на глазах Попова.

Первым, кого он встретил в Кремле, был Петерс. Он бежал с каким-то человеком по коридору второго этажа здания Совнаркома. Леон Христофорович поспешил к нему:

— Арестован Лацис!

— Знаю.

— Что происходит?

— Извините, тороплюсь неимоверно. Идите сейчас же к Подвойскому. Он уже о вас спрашивал.

Перепрыгивая через ступени, Леон Христофорович помчался на третий этаж, где находился заместитель наркома по военным и морским делам Николай Ильич Подвойский. Когда Попов открыл дверь кабинета, замнаркома только начал читать собравшимся у него людям правительственное сообщение:

— Сегодня, 6 июля, около трех часов дня двое агентов русско-англо-французского империализма проникли к германскому послу Мирбаху, подделав подпись Дзержинского под фальшивым удостоверением, и под прикрытием этого документа убили бомбой графа Мирбаха. Один из негодяев, выполнявших это дело, левый эсер, член комиссии Дзержинского, изменнически перешедший от службы Советской власти к службе людям, желающим втянуть Россию в войну... Россия теперь по вине негодяев левоэсерства, давших себя увлечь на путь савинковых и компании, на волоске от войны...— Подвойский читал медленно, акцентируя внимание на самых важных фактах: — На первые шаги Советской власти в Москве, предпринятые для захвата убийцы и его сообщника, левые эсеры ответили началом восстания против Советской власти. Они захватили комиссариат Дзержинского, арестовали его председателя — Дзержинского, члена комиссии Лациса, виднейших членов Российской Коммунистической партии...

Попов, стоя в дверях, почувствовал, что у него холодеют руки и ноги. Им овладело такое же беспокойство, как тогда в Минске, когда он, вернувшись с фронта, искал Машу.

— Левые эсеры заняли затем телефонную станцию,— продолжал Подвойский,— начали ряд воен-

ных действий и захватили вооруженными силами небольшую часть советских автомобилей... Все на свои посты! Все под ружье!

Подвойский отложил в сторону текст правительственного сообщения. Пригласил Попова сесть.

— От себя хочу передать следующее. Только что стало известно об аресте председателя Моссовета Петра Гермогеновича Смидовича. Товарищ Ленин дал указание решительно действовать против авантюристов. Он направил телеграмму во все районные комитеты нашей партии, Советы и штабы Красной Армии Москвы, потребовав задержания преступников. Общее военное руководство операцией против мятежников поручено мне.

Подвойский расстелил на столе карту Москвы.

— Прошу подойти поближе. Вот здесь,— он указал карандашом на Трехсвятительский переулок,— бастион левоэсеровского восстания. Тут, как, вероятно, всем известно, штаб отряда особого назначения ВЧК. Его командиры нас предали.

— Каковы их силы? — Одновременно Попов вспоминал, где же находится этот Трехсвятительский переулок.

— Значительные. Тысяча восемьсот стрелков, восемьдесят кавалеристов, четыре броневика, кажется, восемь орудий и около пятидесяти пулеметов. Рядом с Покровскими воротами уже вырыты окопы, устроены завалы. Я приказал стянуть туда наши войска. Сейчас мы решим, на какие важные в военном отношении участки пойдет каждый из вас. Нужно разъяснить всем красноармейцам, что́ в действительности произошло, и самим принять активное участие в боевых действиях.

— Разрешите направиться в район Трехсвятительского! — поспешил сказать Попов, словно опасаясь, что его опередят.

— Хорошо, Леон Христофорович. Только прошу постоянно держать со мной связь. Вы же понимаете, это наиболее опасный очаг мятежа.

Вбежал связист — молодой парень в солдатской гимнастерке.

— Захвачен телеграф. Успели передать только вот это.

Николай Ильич принял из его рук обрывок телеграфной ленты. Прочитал вслух:

— Левые эсеры проникли в здание обманным путем. Они забрали машину наркома почт и телеграфов Подбельского и на ней подъехали...

Слушая Подвойского, Леон Христофорович вспомнил, как подло поступил Бужинский, подделав его подпись. Вспомнил, как из-за угла покушались на него самого. А убийство Мирбаха? И тут не обошлось без подлога! «На каждом шагу у эсеров ложь и обман,— рассуждал Попов.— На этом строится вся их политика».

Николай Ильич попросил связиста выяснить, где может находиться сейчас делегат съезда Советов председатель Иваново-Вознесенского губисполкома Михаил Васильевич Фрунзе.

— Он у Свердлова,— ответил связист.

Подвойский позвонил Якову Михайловичу и передал только что полученное сообщение. Потом попросил к аппарату Фрунзе. Пока они говорили, Леон Христофорович обдумывал, как ему поступить. Он слышал, что Подвойский просил Фрунзе тут же принять отряд рабочих и отправиться на Тверскую освобождать телеграф. Попов давно не встречался с Михаилом Васильевичем. На первом заседании они увиделись в зале, помахали друг другу рукой, но потом ведь Попов срочно покинул Большой театр. На следующий день он Фрунзе не нашел на съезде. И вот теперь ему, конечно, хотелось оказаться в отряде Михаила Васильевича. Однако Подвойский объяснил председателю губисполкома обстановку по телефону и тут же положил трубку на рычаг. Леон Христофорович так и не успел решить, что́ ему предпринять.

— Итак, товарищи, вам понятно задание? Тогда прошу срочно отправиться на места.— Замнаркома встал из-за стола.— А вас, Леон Христофорович, прошу задержаться.

Когда все ушли, Николай Ильич мягко спросил Попова:

— Как ваша супруга? Я слышал, она в положении и неважно себя чувствует. Сейчас, сами понимаете, не время для личных переживаний, однако съездите

прежде домой. Машина у вас есть? Нет-нет, не спорьте! Поездка домой не займет много времени.

...Попов торопил шофера. А тот и без того вовсю гнал по вечерним улицам старенький, достаточно изношенный «фордик». Они выскочили на пустынную набережную и понеслись в сторону Киевского вокзала.

Машу он застал за шитьем. Увидев ее лицо, какие-то лоскутки материи, разложенные на покрывале кованого сундука, Леон Христофорович почему-то подумал, что с сегодняшнего утра прошла вечность. Сначала ему показалось, будто Маша очень изменилась за время, которое они живут в Москве. Но тут же понял, что ему это вовсе не показалось, что она действительно изменилась, а он как-то и не замечал в ее глазах наступивших перемен. Сейчас Леон Христофорович не мог оторваться от ее взгляда.

Он поцеловал ее, сел рядом и взял за руки:

— Устала? Продукты у тебя еще есть? Хватит до конца недели?

— У меня все есть, Леон. Ты мне лучше скажи, что произошло, что дальше будет? Неужели война? — Маша показала ему листовку с правительственным сообщением.— Соседи принесли.

— Ты только не волнуйся, тебе ведь нельзя... Ну, считай, что ничего не произошло. Хорошо? А я, видимо, день-другой буду занят. Уверяю тебя, ничего страшного нет. Распоясалась кучка бандитов. С ними быстро покончат.

— Утром, как только ты ушел, заезжал Михаил Васильевич Фрунзе. Очень на тебя обижен. Почему ты не разыскал его на съезде? Не позвонил потом?

— Я ведь не мог. Ты же знаешь, что произошло в тот день. И мне никто не передал о его звонке.

— Неудобно как-то. Он ведь остановился в гостинице «Элит». Знаешь, на Петровских линиях. Совсем рядом с тобой.

— Да, получилось нескладно. И сегодня мы с ним тоже разминулись.

— Он что — уехал? Наверно, в Ярославль. Говорил, что Савинков поднял там восстание. Ты уже знаешь?

— Да, дорогая. Но ты будь спокойна. Береги себя и «его».

— Ты уверен, что будет «он»?

— Убежден! — Леон Христофорович обнял Машу.— Умоляю тебя, пока не вернусь, из дома никуда! — Попов тут же вспомнил о побеге Гильданова и нахмурился.— Смотри, чтобы не получилось так, как в Минске. Вот возьми. На всякий случай. Ты ведь раньше хорошо стреляла.— Он вытащил из кобуры пистолет и положил его на подушку.

— А ты как?

— За меня не волнуйся.— Попов поцеловал жену, и они простились.

БОЙ У ПОКРОВСКИХ ВОРОТ

Двое матросов волокли по чердаку одного из домов Трехсвятительского переулка станковый пулемет.

— Не туда, дурья твоя башка! — Здоровенный детина оттолкнул своего напарника и вмиг развернул пулемет в обратную сторону.— Ты шо, по казармам палить собираешься? Они и так будут наши. Вот в эту амбразуру тащи его. А ну-ка, двинь в стеклышко!

Второй матрос ударил каблуком по створкам чердачного окна, и они высунули в него дуло пулемета.

— Мама ро́дная! Красотища-то! Почти как у нас в Одессе, только моря нет.

Из разбитого окна в нежном багрянцевом кружеве облаков виделись, словно нарисованные, кремлевские башни, последние блики заката золотили купола храма Василия Блаженного. Небо угасало буквально на глазах, стало темно-синим, затем подернулось чернотой и куда-то скрылось. Над Москвой повис непроницаемый свод тяжелых туч. Над городом собиралась гроза.

На чердаке уже стоял не один, а добрый десяток пулеметов. Со двора в переулок выкатывались орудия. Одно из них развернули в сторону Кремля, остальные — в направлении Покровского бульвара.

В подвале этого дома, где находился ЦК левых эсеров, были заперты Дзержинский, Смидович, Лацис и еще несколько чекистов. Поздним вечером сюда ввалился командир отряда мятежников. Его флотский бушлат был увешан гранатами, сбоку висел маузер. Он встал, растопырив ноги, упершись руками в дверной проем:

— Ну,— от него резко пахнуло водкой,— как будем прощаться, Дзержинский? По одному или хлопнуть всех разом?

— Пошел вон, изменник!

— А ты мне нравишься. Так нравишься, что даже пулю на тебя жалко. Я тебя на твоем же ремне вздерну. Утром. Чтобы все видели!

В дверях показался член ЦК левых эсеров Черепанов. Он отстранил командира отряда; Черепанов был явно доволен собой, нахальная ухмылка не сходила с его лица.

— Ни на что не жалуетесь, господа? О, да у вас тут почти «Гранд отель»! Несколько тесновато? Ну ничего. Немножко потерпите. Самую малость — до утра. Что скажете? У вас были октябрьские дни, у нас — июльские!

— Ну и наглец же вы, Черепанов! — Дзержинский даже усмехнулся.— Вы бледная копия Спиридоновой.

— Марию не трожь! — завопил командир отряда.— Я за нее пол-Кремля разнесу, пол-Лубянки в тартарары пущу...

В этот момент грохнул орудийный выстрел, и здание содрогнулось. Снаряд угодил в самый центр переулка. Поднялся крик, пьяные матросы начали такую ругань, что видавший виды их командир не выдержал и заорал во всю мочь:

— Заткнуть глотки! По местам!

Вместе с Черепановым он бросился в штаб. Грянул второй выстрел, и снаряд разворотил угол здания.

По противоположной от Трехсвятительского переулка стороне Покровского бульвара бежали красноармейцы. Ими командовал Попов.

— Ложись! — послышался его возбужденный голос.— А ну, дай-ка я сам...— Попов прильнул к пулемету, чуть опустил ствол — так, чтобы в прорезь

прицела попали широкие пояса флотских бушлатов, и дал очередь. Он нажимал гашетку и поворачивал пулемет то вправо, то влево. Орудия, смотревшие из переулка на красноармейцев, не выпустили ни одного снаряда. Зато артиллерия, выведенная на позиции отрядом, прибывшим сюда по указанию Подвойского, продолжала бить прямой наводкой по штабу мятежников. Один снаряд влетел в соседнюю комнату с той, где в это время собрались члены ЦК левых эсеров. Рухнула перегородка, посыпалась штукатурка. Оглушенные взрывом, не помня себя от страха, руководители мятежа пустились наутек.

В Трехсвятительский переулок ворвались красноармейцы во главе с Поповым. Навстречу им с поднятыми руками бежали матросы. Один из них умоляюще кричал:

— Братцы! То-ва-ри-щи! Не стреляйте!

Неожиданно откуда-то сверху затрещал пулемет. Пули веером ударились в булыжную мостовую. Красноармейцы прижались к стенам домов. Попов схватился за кобуру, но тут же сообразил, что ему не из чего стрелять.

Что-то сильно громыхнуло у них над головой, все осветило вокруг. Чердак осел, вражеский пулемет заглох. Переулок вдруг снова осветился огненным фейерверком падающих обломков крыши,— второй снаряд пробил ее перекрытие.

Мятежники бежали дворами в сторону Яузских ворот. Потом свернули влево, к Курскому вокзалу. Но захватить эшелон им не удалось. Тогда они вышли на Владимирское шоссе и двинулись по направлению к Богородску. На двадцатом километре их настигли и окончательно разгромили.

К концу дня был ликвидирован и последний очаг мятежа. Отряд рабочих, которым командовал Михаил Фрунзе, очистил от заговорщиков телеграф.

...Днем 7 июля Попов приехал на Лубянку. Зашел к Петерсу. С минуту они молча стояли друг против друга, словно вспоминая пережитое ими всего несколько часов назад.

— Спасибо, Леон Христофорович! Большое спасибо от всех нас, чекистов.

Попов пожал плечами.

— Ну-ну! — Петерс дружески погрозил ему пальцем.— Я видел вас в Трехсвятительском, когда с чердака палил пулемет. Я ведь был с красноармейцами в другом конце переулка. Потом видел, как вы снимали во дворе часового. Того, который стоял возле подвала. А вы знаете, что в этом подвале сидел Дзержинский и все остальные арестованные?

— Понятия не имел.

— Вот так-то. Скажите-ка, где ваше оружие? У вас и сейчас пустая кобура!

Попов как-то неестественно улыбнулся.

— Я рассказал Свердлову, что вы воевали без пистолета.— Петерс сделал вид, что не заметил смущения своего собеседника.— Он был, конечно, очень удивлен, а потом... Впрочем, вот, смотрите.

Попов принял из его рук бланк со штемпелем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. «Удостоверение,— вслух прочитал он.— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет разрешает Попову Леону Христофоровичу ношение револьвера за номером 23 461 системы «наган». Председатель ЦИК Свердлов».

Петерс открыл ящик стола и передал Леону Христофоровичу оружие.

— Только что получили сообщение из Ярославля,— сказал он.— Там тяжелая обстановка. Головорезы Савинкова захватили город. Перхуров издал приказ. Послушайте-ка. Сажин как-то умудрился передать из Ярославля текст по телеграфу.— Петерс прикурил и стал читать: — «На основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армии, находящейся под верховным командованием генерала Алексеева, я, полковник Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление Гражданской частью в Ярославском районе, занятом частями Северной Добровольческой армии». Каково? Савинковский «Союз», таким образом, часть общероссийской контрреволюционной белой армии. Наверно, там и ваш приятель — Гильданов. Нигде его не нашли. Исчез.

— Далеко не уйдет!

— Я тоже так думаю. Ваша супруга ничего не знает о нем?

— Упаси бог! Ей — ни слова!

Зазвонил телефон. Феликс Эдмундович вызывал Петерса на совещание. В коридоре, прощаясь с Поповым, Петерс сказал:

— Насчет Окунева не передумали? Освободить его?

— Думаю — да. Пришлите его ко мне.

Леон Христофорович поехал домой. От усталости болела голова. Ему очень хотелось спать.

СКОЛЬКО СТОИЛ ХЛЕБ!..

Москва с каждым днем все хуже снабжалась продуктами. Хлебный паек упал до восьмушки в день. И ту выдавали не всегда. В магазинах пусто, лавки закрыты. Пайки теперь получали прямо со складов, образованных рядом с железнодорожными путями. Развозить хлеб, картофель было не на чем, почти все машины ушли на фронт.

Погода в столице стояла сухая, но прохладная, по утрам все еще запотевали окна, а во дворе уже валялись опавшие желтые листья.

Маша решила одеться потеплее и пошла на товарную станцию. Очередь там вытянулась длиннющая. Несмотря на то, что шел десятый час, склад еще не открывался, и народ начал волноваться.

— Доколе стоять-то будем? Куда этот черт, кладовщик, запропастился?

Маленькая востроносая старушка в истертом длинном, почти до самой земли, пальто уставилась на Машу:

— А ты чего тут? Работать бы шла!

— Не приставай к людям,— вмешался стоявший рядом мужчина.

— А я что?.. Спрашиваю, куда кладовщик запропастился?

— Так и говори. Небось, похмеляется.

— Большевики давеча сказывали, что Восточный фронт главнее всякого. Там вроде как судьба революции решается.

— По-ихнему, Восточный, а по-моему разумению, Дон пуще всех фронтов. На Дону — хлеб.

— А Поволжье, Сибирь? Это что — кукиш с маслом?

— Поговаривают, будто Савинков за границу утек.

— А куда ему еще бежать? Не на Лубянку же.

— Вот изверг рода человеческого! Я бы его на фонарном столбе вздернул.

— Кладовщик прет.

Маша возвращалась домой усталая. На углу одной из улиц она прочла объявление: «Для успешной борьбы с голодом необходимо привлечь широкие массы пролетариата, чтобы подвезти продовольственные грузы из местностей, освобожденных от белогвардейских банд. Для этих работ организуется добровольческая запись в продовольственные отряды при каждой фабрике». Маша подумала о муже. Последние дни он только и занят был тем, что по заданию городской партийной организации формировал продовольственные отряды, успевал бывать и в больницах. Выступал на собраниях, призывая врачей и медсестер помочь московским рабочим в их великом походе в деревню. С одним из отрядов Попов ушел сам.

Семашко был против его отъезда. Попов ходил простуженный, сильно кашлял, и Николай Александрович советовал ему посидеть несколько дней дома. Однако Леон Христофорович, как только получил от железнодорожников согласие на отправку эшелона, дал команду добровольцам своего отряда прибыть на вокзал. Петерс прислал ему в помощь трех чекистов. В их числе был и Михаил Сажин.

Железнодорожники согнали на один путь двадцать четыре вагона; эшелон двинулся в Тамбовскую губернию.

Сначала все казалось легко и просто. Впереди весело посвистывал паровоз, из соседнего вагона-теплушки иногда доносились звуки гармоники. На какое-то время дорога отвлекла Попова от повседневных дум и забот. Он лежал на соломенном настиле и смотрел в почти настежь открытую дверь товарняка. Мимо проплывали серые деревушки, телеграфные столбы, тянулись бесконечные провода и леса в багряно-желтом наряде.

Попов уже давно не испытывал такого блаженного состояния, когда можно было бы вот так просто лежать и отдыхать и ни о чем не думать. Однако постепенно мысли возвращались к делам насущным, ко всему тому, что так или иначе связывало его с окружающим миром. А он, этот мир, был тревожным и жестоким.

Кончался восемнадцатый год. Советская Россия, со всех сторон охваченная фронтами, в тифозном жару, лишенная хлебных губерний, снова поднимала оружие. Как грибы после теплого дождя на тысячеверстных пространствах появлялись окопы. Они тянулись везде: в Сибири и Поволжье, на Севере и в предгорьях Кавказа. Они вновь оживали и на той границе, которую очертил Брестский договор.

Люди, недавно сбросившие вещевые мешки, вновь драили, смазывали оружие, покидали отцов и матерей, жен и детей, шли туда, где начиналась новая кровавая битва. Сиротели голодные избы, холодели они от осенних ветров, срывавших с кровли солому. Поля оставались нескошенными, на корню гнил картофель, все вокруг зарастало полынью и лопухами.

Молодая Советская власть напрягала все силы. Она боролась с голодом, болезнями, раскрывала заговоры и мятежи, собирала один за другим полки и смело вела их в бой против врагов. Казалось, люди забыли об усталости; от зари до зари из Москвы и Питера, Иваново-Вознесенска и других городов, из сотен сел нескончаемо шли новые отряды коммунаров.

Силы сжимались в железный кулак. И вот, чтобы разжать и сломить его, в самое сердце был нанесен страшный, подлый удар.

В пятницу 30 августа правый эсер, глава террористов Семенов разослал своих людей на все митинги, на которых, по его предположению, мог выступить Владимир Ильич Ленин. Больше всего шансов он возлагал на митинг, планировавшийся на заводе Михельсона. Сюда-то он и отправил, как сам говорил, «лучшего исполнителя» — Каплан. Он сказал ей, что после того, как она убьет Ленина, бежать не стоит, за такой «подвиг» покушающийся должен отдать

свою жизнь. Каплан с ним согласилась. Однако же попросила на всякий случай нанять извозчика-лихача, чтобы тот стоял наготове у ворот завода.

Вместе с Каплан пошел некий Новиков — здоровый верзила, «боевик», как его называли террористы из банды Семенова.

Ленин приехал на завод Михельсона. Митинг закончился, и он пошел к выходу в сопровождении группы рабочих. Среди них оказались Каплан и Новиков. На пороге выходной двери Новиков нарочно споткнулся, шедшие сзади задержались, и на минуту между дверью и автомобилем, к которому направлялся Владимир Ильич, образовалось пустое пространство. Каплан вынула из сумочки револьвер и, почти не целясь, три раза выстрелила в Ленина пулями, отравленными ядом. Владимир Ильич был тяжело ранен.

Каплан бросилась бежать, но тут же вспомнила о своем обещании Семенову и остановилась. Ее схватили, а на Новикова никто не обратил внимания.

О покушении на Ленина Попов узнал позже, а сейчас его отряд продолжал малой скоростью идти по змейке железнодорожной насыпи к Тамбовской губернии. В Москве и Петрограде проходили митинги. Люди негодовали, призывали к расправе с заговорщиками. Повсюду, где только появлялись свежие газеты, собирались толпы людей. Газеты пестрели крупными заголовками: «Красный террор». Сообщение читалось вслух: «...предписывается всем Советам немедленно произвести аресты правых эсеров, представителей крупной буржуазии и офицерства и держать их в качестве заложников... При попытке скрыться или поднять восстание непременно применить массовый расстрел безоговорочно... Нам необходимо немедленно и навсегда обеспечить наш тыл от белогвардейской сволочи...»

Из рук в руки переходила «Правда»: «Не на живот, а на смерть повели борьбу враги рабочей революции. На деньги союзного капитала работают правые эсеры и прочая черная сволочь, чтобы задушить рабочих костлявой рукой голода, расстроить фронт и тыл революционной армии, снять головы с лучших вождей рабочего класса...»

...Поезд продвигался вперед. В одном вагоне с Поповым ехало человек десять. Некоторые из них спали, уткнувшись кто в солому, кто в собственный рукав старого пальто или ватника. Винтовки лежали рядом, мерно вздрагивая под стук колес. Те, кто не спал, жевали маленькие оставшиеся кусочки воблы, корки хлеба. Один только молодой парень, обутый в почти не ношенные сапоги из грубой кожи, накрывшись черным плащом, лежал на боку и о чем-то думал. Это был Владимир Николаевич Окунев.

Петерс, как и обещал, вскоре после июльских событий освободил Окунева. В ВЧК пришли к правильному выводу: его попросту одурачили вербовщики савинковского «Союза», сам он осознал случившееся, никакой опасности для Советской власти не представлял. Более того, по мнению Петерса и Леона Христофоровича, Окунев стал даже ненавидеть людей, толкнувших его на преступление, понимать истинные мотивы поведения противников новой власти.

Не заходя домой, Окунев тогда сразу пошел к Попову, ждал его до самого вечера.

— Конечно, я мог бы попроситься на фронт,— сказал Владимир Николаевич, когда они встретились,— но подумал, что пока мне лучше быть в Москве, у вас на глазах. Так вы скорее в меня поверите.

— Мы и так вам поверили. Иначе бы...

— И все же,— перебил Окунев,— мне хотелось бы работать у вас. Ну, а потом, может быть через месяц-другой, я готов уйти на фронт, полностью искупить там свою вину.

Леон Христофорович думал, куда бы устроить этого молодого человека. Недоучившийся студент. С четвертого курса исторического факультета Московского университета призван в шестнадцатом году в царскую армию. Прошел ускоренный курс в училище прапорщиков, надел мундир с золотыми погонами — и на фронт. После октября семнадцатого был в войсках, перешедших на сторону революции. А потом приехал на побывку в Москву. Вот, пожалуй, и вся его биография. «Куда его устроить, что он сможет делать?» — прикидывал Леон Христофорович.

— Пойдете в хозотдел? — предложил Попов.— Но учтите, работа хлопотная, целый день на ногах, то одно достать, то другое.

Окунев тут же дал согласие.

Работал он хорошо, старался, все выполнял вовремя. Но людей сторонился, был неразговорчив, во всех его поступках чувствовалась какая-то неуверенность, в глазах порой появлялся даже страх, когда кто-нибудь начинал разговор об изменниках, предателях, террористах. Тогда Окунев менялся в лице, его пухлые щечки становились пунцовыми, и он под любым предлогом выходил из комнаты.

Узнав о том, что Попов формирует продовольственные отряды, Окунев одним из первых в Красном Кресте подал заявление. Он просил, чтобы его непременно зачислили в тот, который пойдет в Тамбовскую губернию. Леон Христофорович не возражал, и теперь они ехали в одном вагоне.

Поезд с трудом тащился вперед. В открытую дверь дул свежий воздух, пахнущий лесной сыростью. Показались точно кем-то испуганные густые деревья с прижатыми листьями, усеянные кучками старых гнезд. Качаясь на сучьях, истошно кричали вороны.

И вот паровоз выдохся. К вагону, где находился Попов, прибежали машинист и кочегар.

— Угля нет, кончился.— Оба они были вспотевшие, перемазанные машинным маслом и черной пылью.

— Что будем делать? — Попов выскочил на зыбкую насыпь.— Лес рубить?

— А то что же?

Весь оставшийся день и до середины ночи люди пилили, кололи, таскали дрова. Паровозный тендер был уже полный, про запас поленья кидали в первый вагон. С непривычки на ладонях натерлись кровоточащие мозоли, они лопались, причиняя сильную боль. Ныли руки, спины. Вконец измокшие, уставшие, люди опять повалились на соломенные настилы. Паровоз вздрогнул, жалобно просвистел и пополз по блестящим в ночи рельсам.

Все спали, кроме караульных, оставленных в каждом вагоне, и Попова. Леон Христофорович не мог

сомкнуть глаз. Он еще больше простудился, кашель не давал покоя. К тому же им овладело какое-то беспокойное чувство. Местности здешней он не знал и боялся, что машинист проскочит ту станцию, где эшелон должны были ожидать товарищи из здешних Советов.

Под утро Попов увидел впереди поезда разливающийся пожар. Огонь то угасал, то вспыхивал с новой силой, окрашивая предрассветную мглу каким-то грязновато-розовым цветом.

Через полчаса поезд остановился на станции Прохоровка. Пожар был совсем рядом, но огонь уже перестал бушевать и пожирал теперь остатки своей жертвы.

Это была именно та станция, куда следовал эшелон. Около одноэтажного в три окна станционного домика Попов увидел мужчину со скуластым лицом, в кепке и сапогах и еще двух удивительно похожих друг на друга людей — длинных, худых, в солдатских обмотках вместо сапог и коротких стареньких шинелишках. Все трое были вооружены. Эти, в шинелишках, держали по карабину. А тот, скуластый, придерживал рукой кобуру.

— Петр Лукашов,— он крепко пожал руку Леона Христофоровича.— Председатель сгоревшего сельсовета. Вот чем вас встречаем.— Лукашов показал на угасавшее зарево.— В здешних деревнях недобитого офицерья полно. У кулаков отсиживаются. Кто-то просигналил им, что за излишками из Москвы приедут. Мы до того у кулаков все забрали, что нам причиталось. Ну, вот они это зарево и устроили. Сельсовет спалили...

— А хлеб-то цел?

— Хлеб отбили. Сейчас его на подводы грузят и привезут сюда. Боюсь, как бы опять драки не вышло. Уж больно много развелось здесь офицерья белого.

В это время тишину нарушил резкий свисток паровоза. Попов посмотрел вперед и увидел мчавшуюся навстречу дрезину. Тут же раздалось несколько выстрелов. Но прозвучали они с обратной стороны. Оттуда вдоль железнодорожного полотна неслись к станции всадники.

— Тикай в деревню! Поднимай народ! — Лукашов знаком дал команду одному из своих товарищей.

Попов бросился к поезду.

— Давай пар, гони на дрезину! — кричал он машинисту.— Все из вагонов!

Леон Христофорович и Лукашов проскочили под составом и кубарем покатились по откосу насыпи на противоположную сторону железнодорожной линии.

Всадники были уже метрах в двухстах и продолжали на ходу палить из карабинов.

— Всем отходить в лес! — командовал Попов.— Пока не стрелять! Берегите патроны.

Весь отряд, кроме Сажина, замешкавшегося со своим пулеметом, кинулся за Поповым. Бежали спотыкаясь, падая, больно ударяясь о сучья. Конники перескочили через железнодорожное полотно и остановились. Пройти на лошадях в густой лес они не смогли.

Тем временем состав, медленно набирая скорость, надвигался на дрезину. С нее тоже начали пальбу, но, поняв безвыходность своего положения, сидевшие на ней люди соскочили на ходу и — в лес.

— Я за ними побегу! Я догоню их! — Окунев не мог скрыть радости от представившегося случая убедить всех, что он не притаившийся враг, что он свой, такой же, как и все остальные, и вовсе не трус. У него даже сорвались слова, которые ему, вероятно, давно уже хотелось сказать всем: — Вот увидите, я докажу вам!..

Не дожидаясь разрешения Попова, Окунев скрылся в лесной чащобе. Леон Христофорович тут же послал ему в помощь двух рабочих, вооруженных винтовками. Затем скомандовал отряду:

— Расходись цепью! Шире!

Конники спешились и подошли к лесу.

Застучал пулемет. Это Сажин, не выходя из вагона, примостившись за открытой дверью выпалил первую очередь. Потом вторую, третью. Не ожидая удара с тыла, бандиты кинулись врассыпную. Заржали перепуганные, оставшиеся без ездоков лошади. Они попятились назад, сгрудились вдоль железнодорожного полотна, а потом рысцой поскакали к деревне.

— Вперед! Огонь! — крикнул Попов и сам, выскочив из кустарника, несколько раз выстрелил из нагана.

Окунев не дал бежавшим с дрезины уйти далеко в лес. Прицельными выстрелами он отогнал их на опушку, а потом, укрывшись во рву, вместе с подоспевшими товарищами бил по ним в упор. Немногим бандитам удалось ускользнуть.

Бой уже шел возле железнодорожного полотна. Лукашов тоже стрелял метко. Он бежал рядом с Леоном Христофоровичем, неся перед собой здоровый, как обрез, маузер. Неожиданно у обоих кончились патроны. Они спрятались в овраг, чтобы заменить обоймы. Тут Попов услышал совсем рядом протяжный стон. Обернулся. Кто-то из его отряда тащил на себе в глубь леса отяжелевшее тело товарища.

Со стороны деревни раздались выстрелы, а потом и редкое, жиденькое «ура».

— Наши, наши! — обрадовался Лукашов.

Десятка два бандитов высыпали на железнодорожную линию и подняли вверх руки. Попов увидел, как взбирался на насыпь тот длинный, худой, в солдатских обмотках, которого председатель сельсовета отсылал в деревню. Он нес свой карабин по-охотничьи — под мышкой и матерно ругался.

Вскоре подоспел весь отряд. Пленных взяли под ружье и повели по направлению к тому месту, где еще тлело здание сельсовета.

— Вон тот, чернявый, с усиками,— показывал Лукашову его товарищ.

— Он ли?

— Точно, он, я приметил. Егорыч до сих пор у меня в глазах стоит... Его энтот штыком в живот пырнул. Дай сейчас шлепну!..

— Не шуми, не горячись,— успокаивал Лукашов.— Свое он получит. Будет суд, чтобы все гады наперед знали.

...Быстро неслись растрепанные, маленькие облачка. Резкое солнце ударило в непротертое оконце избы, в которой находились Леон Христофорович, Лукашов и седовласый мужик с общипанной бородкой — счетовод сельсовета. Втроем они составляли, как требовалось по форме, акты на отнятый у кулаков хлеб.

— Пшеничка что надо.— Счетовод отсыпал на ладонь щепотку табаку, шмыгнул носом и с удовольствием чихнул.— Зернышко к зернышку! Погрузили пудов этак пятьсот, а еще таскать не перетаскать,— он кинул на счетах три желтенькие косточки, потом пару черных.— Послушай-ка, Лукашов, ты бы грузил осташенковское зерно. Оно у него еще прошлогоднего урожая.

— Ты давай свою арифметику делай. Без подсказу соображу, что наперво грузить.

По немощеной площади, на которой в прежние времена собирались сходы, тащились подводы с хлебом. У хомута первой лошади болталась кумачовая лента. На улицу высыпали старики, женщины. Вдоль двигавшегося обоза в отцовских фуражках, привезенных с войны, бежали деревенские мальчишки.

— Куда везуть-то? — Совсем седой, сгорбленный старик, сильно щурясь, смотрел по сторонам.

— Знамо куда — в Москву.

— У одних отняли, другим дають! Нешто порядок?

— Стар, да глуп ты. Что в сельсовете Лукашов сказывал? У них тама жрать нечерта.

— А у тебя, дура молодая, пузо лопается?

— Не каркай, дед! Советска власть бедняков не обойдет.

К концу дня, когда уже зашло солнце, весь хлеб тугими мешками лежал в вагонах.

В избе тускло, смрадно чадя, горела керосиновая лампа.

— Хорошо, что хоть эта коптилка осталась. А то опять за лучинушку приниматься.— Лукашов встал. На его скуластом, загорелом лице заиграли неровные отблески света. Он пожал плечами, вскинул брови.— Чем смогли, тем помогли... А ты что? Живо! — председсельсовета грозно глянул на парня, топтавшегося в дверях. Того как ветром сдуло.

— Куда это вы его в такую-то темень? — спросил Попов.

— Принесет патроны. У вас же кончились.

— К чему они теперь?

— Как знать? Еще ведь в Раздольную едете.

— Кстати, далеко она?

— Верст тридцать, не более.

Прощаясь, они крепко пожали друг другу руки.

Через час с небольшим состав пришел в новую деревню. Темень здесь стояла кромешная, вокруг не было ни души.

Попов с чекистами пошел в деревню. По дороге наткнулись на валявшийся плетень, чертыхнулись. Тут же отрывисто тявкнула собака, потом залилась протяжным воем. Залаяли собаки и в других дворах. Сельсовет нашли в конце деревни возле полуразрушенной церквушки. Опознали его по торчавшему на крыше возле самой трубы кривому древку.

Дверь оказалась запертой. Попов слегка надавил плечом, и она подалась вперед. Через образовавшуюся щель откинул крючок, все вошли в прихожую. Там кто-то посапывал. Сажин чиркнул спичкой. На лавке, облокотившись о печь и зажав между ног ружье, спал старик. Сажин потрогал его за плечо. Старик еле открыл мутные глаза, потом судорожно схватился за свою берданку и, еще не оправившись от сна, затряс головой:

— Стрелять буду!

Попов рассмеялся:

— Папаша, не бойтесь, свои. Ну свои же!

— Фу ты, черт... Свои? Докажи! — старик все еще крепко держался за ружье. Но, заметив на фуражке Попова пятиконечную звезду, опустил руки и виновато посмотрел на него.— Бес попутал. Не спал же! А тут на́ тебе: только глаза сомкнул...

— Скажи лучше, где председатель?

— Все сейчас скажу и покажу. На то я тут и посажен. Пошли! — старик поднялся и шмыгнул на улицу.

Председатель оказался на редкость нерасторопным человеком. Загодя не позаботился о ночлеге, хотя знал о времени приезда отряда. Теперь он рассылал своих домочадцев, наказывая им освободить в избах комнаты.

— К чему все это? Не стоит будить людей. Переночуем в вагонах.— Попов был недоволен его запоздавшим рвением. Но председатель не слушал.

Деревня переполошилась. Со дворов выбегали полураздетые мужики, в окнах кричали бабы. Никто

толком не понимал, что же произошло. Попову пришлось самому вместе с чекистами успокаивать встревоженных жителей. Наконец все стихло. Отряд устроился на ночлег.

Сон был тяжелый. Проснулись рано, до первых петухов. Сажин решил сбегать к председателю. Но буквально через минуту вернулся. На улице он наткнулся на труп Окунева.

Попов тотчас поднял отряд, приказал оцепить деревню.

Председатель трясся перед Поповым как осиновый лист:

— Что же это, а?.. Я не виноват, не виноват...

— В каких избах кулаки живут? Ну, поживее! — Попов еле себя сдерживал.

В избу ворвалась какая-то женщина. Дрожащим, перепуганным голосом она еще с порога позвала Леона Христофоровича:

— Господи, помилосердствуй! Я видела, как он вашего вилами заколол. Правду говорю! Вот те пресвятая богородица! — Она тут же стала быстро молиться.

— Кто «он»? Когда? — Попов подошел к ней и спокойно заглянул в глаза.— Боишься? Раз пришла, говори.

— Заклинаю, не выдавай меня! И ты — слышишь! — женщина зло посмотрела на председателя.— Всю ночь не спала. Как вспомню, сердце заходит... Да пошевеливайтесь! — Она опять заголосила.— Убегить он, ирод окаянный!

— Кто же? — не выдержал Попов.

— У Степана у Калинова новенький живет. Ладный такой, немолодой уж, с бородкой...

— Верно, верно,— залепетал председатель.— Вот уже два месяца, как живет.

— Откуда он?

— А бог его знает,— председатель развел руками.

Михаил Сажин уже не слышал последних слов. Он бежал по улице, на ходу расспрашивал встречных, где дом этого Степана Калинова.

Окна в добротной рубленой избе были еще задернуты свежими занавесками. Они сразу бросились в глаза Михаилу своей утренней белизной. Рванул

дверь с крыльца. Она оказалась тяжелой, даже не скрипнула. Сажин постучал по ней кулаком, потом двинул сапогом. В избе молчали. Тут ему послышался не то шорох, не то треск сухих сучьев. Он перегнулся через перила и увидел человека, пробиравшегося через малинник в конец двора.

— Эй! — окликнул его Михаил.

Человек воровски обернулся козлиной бородкой и заторопился к повалившемуся плетню. Впереди него был другой двор, а дальше начинался перелесок.

Сажин выхватил пистолет и побежал к малиннику. Человек обернулся еще раз и выстрелил. Сначала Михаил не почувствовал боли, но после второго выстрела упал. В глазах все поплыло. Заломило плечо, бедро. Сразу стало сухо во рту. Сажин изо всех сил приподнял голову и в тумане увидел высокую фигуру, перешагивающую через плетень. Он навел пистолет и почти наугад нажимал спусковой крючок. Сколько вылетело пуль, Михаил не знал, не считал, да и не мог считать их. Он только краем глаза успел заметить, как фигура грохнулась наземь...

Сажин долго не приходил в себя. Пока его нашли и несли в сельсовет, он потерял много крови. Попов сам промывал раны, перевязывал. Его очень волновала одна рана: пуля прошла навылет, едва не задев легкое.

Когда Михаил заснул, к Леону Христофоровичу подошел Василий Клеменко — один из чекистов, посланных в отряд Петерсом.

— Тот, с бородкой, преставился. Я его сразу узнал. У Савинкова ротным был. Улизнул от нас, когда на Мясницкой облаву делали. За него нам Петерс дал жару. А прошлой ночью, когда все переполошились, он увидел в окно Окунева, ну и решил с ним рассчитаться, как с предателем.

— Перхуровские приказы, подлец, помнил,— сказал Попов.— Да, Василий, хлеб нелегко дается.

...Со станции Раздольная эшелон ушел днем, взяв курс на Москву.

За вагонами подвывал ветер, он гнул ослабевшую, выцветшую траву, рвал с деревьев сухие

листья. На гармонике никто не играл, ехали молча. На том месте, которое занимал раньше Окунев, лежал его черный плащ. Он забыл его взять, когда состав прибыл в Раздольную.

Всю дорогу Сажин стонал, охал от боли. Обессилев, засыпал в забытьи, вскоре просыпался вновь, жалобно смотрел на товарищей своими черными как угольки глазами. А Попов мучился тем, что не в силах был хотя бы чем-то ему помочь. Да и сам Леон Христофорович изнемог от сильнейшей простуды.

Когда эшелон прибыл в Москву, Михаила тут же отвезли в больницу.

МЫСЛИ О ПРОЖИТОМ

Маша опять осталась одна. Рано утром Леон Христофорович сбегал на базар. Вернулся довольный: удалось по сходной цене купить два стакана молока.

— Тебе с Андрюшкой,— сказал он и сразу же куда-то ушел. Возвратился с охапкой старых досок.

— Везет же мне сегодня! Шел с базара. Смотрю — ломают забор. Вот и запасец кое-какой.

Он растопил печь «буржуйку» и попрощался с женой.

Попов уехал в Серпухов.

В стране свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Особенно сильно болезнь давала себя знать в Московской и Тульской губерниях, в Петрограде.

Просматривая газету «Правда», Маша обратила внимание на большую статью, занявшую почти треть второй полосы. «...Главный распространитель сыпного тифа — платяная вошь. В декабре в Москве отмечено 3120 заболеваний,— читала Маша.— В январе эта цифра почти удвоилась. Дальнейшее развитие только предстоит — максимум заболеваний на февраль и март...»

Сейчас шел февраль. Февраль девятнадцатого года. Со слов мужа Маша знала, что положение действительно с каждым днем становится все опаснее. Болезнь кормилась голодом, косила людей.

Тревожней, чем в Серпухове, пожалуй, нигде еще не было. Там закрыли переполненное городское кладбище. Хоронили на новых местах.

Последнее время Леон Христофорович больше жил в Серпухове, нежели в Москве. Он организовал там эпидемиологические отряды, создал отделение «Медсантруда», занимался снабжением городской больницы медикаментами и почти всем инвентарем. Маша вспомнила, как Леон Христофорович, приехав на той неделе из Серпухова, жаловался ей: «Черт знает, что творится! Солому для матрацев приходится покупать у спекулянтов». Вот и сейчас Маша нашла на этажерке его записку, адресованную Семашко. Он писал, что «Центрожир» работает из рук вон плохо, отпускает населению не более полкуска туалетного мыла на человека. «И это — на месяц, тогда как в Серпухове нет прачечных!» — возмущался Попов.

Маша уже привыкла к тому, что ее муж часто уезжал из дома. Так было всегда за их короткую супружескую жизнь. Но сейчас она тревожилась за него, пожалуй, больше, чем прежде. Маша почему-то была даже спокойней, когда Леон Христофорович уходил на фронт. Ей всегда казалось — она, правда, сама не понимала почему,— что там его минуют неприятности. А вот поездки в Серпухов ей причиняли большое беспокойство. Вероятно, инстинкт врача внушал Маше серьезные опасения, и она каждый раз с нетерпением ждала возвращения мужа.

Когда Леон Христофорович приезжал, Маша с огромным удовольствием помогала ему редактировать доклады, с которыми он часто выступал перед медицинской общественностью, статьи, написанные для газет.

Маша вспомнила, как однажды, вернувшись с работы, он весело сказал:

— Поздравь! С сегодняшего дня я главный редактор газеты «Известия». Конечно, не вциковской. Наши «Известия» — орган Российского Красного Креста.

Маша знала, как родилась идея выпуска этой газеты. Леон Христофорович говорил ей об «Известиях» еще в прошлом году. В тот день он пришел до-

мой очень поздно и на ее вопрос, почему так задержался, ответил:

— Было заседание фракции коммунистов Красного Креста. Обсуждали очень важный вопрос. Владимир Ильич Ленин подписал постановление Совнаркома о задачах нашего общества.

А потом за ужином Леон Христофорович рассказал ей, что на этом заседании он внес предложение о выпуске новой газеты.

— Понимаешь, Маша,— возбужденно говорил он,— если в ЦК предложение поддержат, мы получим великолепную возможность обстоятельно и с партийных позиций объяснять массам, почему мы поступаем так, а не иначе. Это очень важно — доводить до сведения людей наши идеи.

Леон Христофорович редактировал свою газету по вечерам, засиживался и за полночь. На этажерке собралась уже высокая стопка «Известий». Маша хранила каждый вышедший номер.

От растопленной «буржуйки» в комнате стало тепло. Малыш крепко спал, и Маша принялась за приготовление обеда. Оставаясь одна, она любила возвращаться мыслями к прожитому. Ей нравилось вспоминать встречи с людьми, рассказы мужа. Тогда Маше казалось, что она и не расставалась с Леоном, он где-то рядом и вот-вот придет.

Как-то раз, Маша запомнила, Леон Христофорович позвонил домой. «Сегодня последний день,— сказал он,— когда в Союзе журналистов принимаются деньги на муку. У меня с собой — ни копейки. Не сходишь ли сама?» Маша согласилась. «Зайди потом,— попросил Попов,— в канцелярию Союза, знаешь, на Малой Лубянке. Я там буду на заседании. Вместе пойдем домой».

У Маши в тот день было хорошее настроение. Стоял сухой безветренный вечер, она давно не выходила на улицу, и ей было приятно пройтись с мужем по центру Москвы. С Лубянки они спустились на Театральную площадь, пошли затем к Моховой.

— Скоро будет съезд журналистов,— сказал Попов.— Сейчас мы окончательно утвердили дату — тринадцатого ноября. Подумай только, первый Всероссийский съезд советских журналистов!

— А меня возьмешь с собой? — спросила Маша.

— Если будешь себя хорошо чувствовать. А ты знаешь, кого мы сегодня принимали в наш Союз? Не отгадаешь! Владимира Ильича Ленина! Ему выдан членский билет номер один.

— А у тебя какой?

— У меня? — Попов достал из кармана гимнастерки небольшую картонную карточку.— Билет номер сто шесть. Сегодня закончили оформлять все журналистские документы и разослали удостоверения. Ты не представляешь, сколько мороки. Даже рука устала писать.

Леон Христофорович сдержал слово. Он достал для жены гостевой билет, и тринадцатого ноября они поехали на Петровские линии, в гостиницу «Элит». В вестибюле им встретились Коллонтай, Подбельский. Потом Леон Христофорович, поговорив о чем-то со Стекловым, ушел в зал и сел невдалеке от президиума. А Маша заняла место почти у самого входа, где сидели гости, приглашенные на первый форум журналистов. Леон Христофорович был, как говорилось в его пропуске, «действительным членом съезда».

Маша с нетерпением ждала этого дня. Ей очень хотелось услышать выступление мужа. Все последние вечера он просидел над своим докладом, по нескольку раз его переписывал, часто у нее спрашивал, «а не лучше ли здесь сказать так», и снова что-то перечеркивал, правил текст. И вот теперь Маша ждала, когда он поднимется на трибуну.

Председательствующий предоставил слово Попову. Он встал и направился к сцене, над которой висел плакат: «Печатное слово — тоже оружие». Френч песочного цвета плотно облегал его широкую спину. Только воротничок, как показалось Маше, был чересчур узок, и она тут же отругала себя за то, что дома не обратила на это внимания.

Попов говорил не спеша, почти не обращая внимания на подготовленный текст:

— История ждет от нас, чтобы мы явили миру пример того, как нужно вести пропаганду социализма. Советская пресса должна быть мужественной, она должна не бояться смотреть правде в глаза и

указывать нам на наши собственные недостатки. Говорить правду — значит помогать молодым советским учреждениям, их руководителям быстрее наводить порядок в стране, успешнее бороться с голодом, болезнями. На страницах газет и журналов следует меньше заниматься длинными рассуждениями обо всем и ни о чем. Советским журналистам надобно учиться писать коротко, ясно... Наша пресса должна стать боевым помощником партии, нести перед ней высокую ответственность...

Съезд длился четыре дня. Маша не ходила на остальные заседания, но каждый вечер подробно расспрашивала о всех событиях. Она вспомнила о том поручении, которое получил Леон Христофорович от фракции коммунистов Красного Креста. Его просили выступить со статьей на страницах «Известий» именно в дни работы съезда.

Свою статью о первоочередных задачах Красного Креста он писал ночью. Спать не ложился.

Маша тоже не спала. Она по нескольку раз перепечатывала рукопись. Леон Христофорович без конца правил текст, переписывал целые страницы, и только к восьми часам утра статья была готова. Концовку ее Маша помнила наизусть: «...в дни борьбы трудящихся за свое освобождение Всероссийское общество Красного Креста будет помогать им всеми имеющимися у него средствами, а в день победы труда над капитализмом ко всем знаменам раскрепощения присоединит и свой скромный стяг — красный крест на белом фоне как символ человеколюбия и милосердия».

Леон Христофорович передал статью главному редактору «Известий» Стеклову. Он читал ее, сидя в президиуме съезда. Сделал две-три поправки и подписал в печать. В тот же день вечером, было это 15 ноября, Леон Христофорович принес Маше свежий номер газеты со своей статьей. Тогда же он и сказал ей, что его избрали членом комитета большевистской фракции Всероссийского союза советских журналистов. Маше, конечно, это было приятно слышать. Однако по выражению ее лица Леон Христофорович понял, что жена чем-то расстроена.

— Ты недовольна? — удивился он.

— И да, и нет. Ты ведь и так очень устаешь, Леон. Основная работа, газета, выступления, избрали председателем серпуховского отделения «Медсантруда»... Ты не обижайся, я ведь твоя жена и должна заботиться о твоем здоровье.

Леон Христофорович состроил смешную гримасу, сказал, что все разговоры об усталости — чепуха, и тут же увел беседу в сторону. Он, конечно, понимал беспокойство Маши. Ей ведь было известно, что Терентьева уже работала начальником лечебного отдела ВЧК и что Трепалов ушел из Красного Креста. Его назначили начальником Московского уголовного розыска. Без них Попову, разумеется, было труднее, хотя Красному Кресту, да и ему самому очень помогали Семашко и Соловьев.

После того разговора прошло почти четыре месяца. И вот сейчас, вспоминая о муже, Маша невольно опять забеспокоилась о нем. Работать он стал больше, чем прежде, ежедневно недосыпал, похудел. Маша даже удивилась, откуда у него берутся силы казаться всегда веселым, жизнерадостным. Она посмотрела на висящую возле небольшого шкафчика гитару и тяжело вздохнула: он давно не играл на ней и не пел, кажется, с тех пор, как вернулся из Тамбовской губернии.

Однажды, возвращаясь домой, было это недели две назад, Маша обратила внимание на странную сцену. Недалеко от Зубовской, возле небольшого особняка, толпился народ. Мела метель, мороз прохватывал до самых косточек, но никто даже и не думал уходить от настежь распахнутых дверей подъезда. Минуту назад несколько вооруженных людей прошли сапогами по сине-розовой ковровой дорожке, постеленной на белокаменных ступенях, и вот теперь любопытные ждали их возвращения. А там, за большими овальными окнами в холодной гостиной, хватаясь за седую голову, бегал полный неуклюжий человек в пижаме:

— Это непостижимо! Это неслыханно!

Он заламывал пальцы, протягивал вперед руки, словно молил помощи у бронзовой лукавой Екатерины, стоявшей на золоченой подставке возле камина:

— Что будет? Что?!

Вооруженные люди выносили из особняка мебель — бархатные кресла, большие и маленькие диваны с красивыми резными подлокотниками, секретеры, столики и тумбочки из красного дерева, шкафы, зеркала. Неуклюжий человек, перед которым бывало вытягивался городовой, в домашних мягких туфлях, в накинутой поверх пижамы собольей шубе, носился взад и вперед из особняка на улицу. А там на него смотрели десятки воспаленных глаз как на нечто прошедшее, вычеркнутое из их жизни.

Маша пришла домой, на секунду задержалась в дверях. Андрюшка спал в крохотной самодельной кроватке, которую смастерил Леон Христофорович. Она тяжело вздохнула, сняла пальто и чуть было не разревелась.

Леону Христофоровичу она не успела рассказать о том, что видела на Зубовской. Домой он пришел поздно, очень хотел спать, а наутро уехал в Серпухов. Потом этот инцидент просто выпал из памяти. Но сейчас Маша о нем вспомнила. Однажды она видела в делах у Леона Христофоровича копию записки одного из постановлений Моссовета. Припомнила, что муж как будто даже редактировал это постановление или, придя домой после работы, кому-то звонил и советовался по поводу распределения мебели среди населения города. Ведь Попов в конце января был избран депутатом Моссовета.

Маша достала какую-то папку, завязанную красной тесемкой. Да, вот как раз то, что она искала. В постановлении Моссовета прочитала: «...лица, живущие на нетрудовые доходы, лишаются всей домашней обстановки до предела самого необходимого...»

Перед ее глазами опять возник мраморный подъезд особняка, вспомнились замерзшие люди с поднятыми воротниками. Она подумала, что иные из них отродясь не видели такой мебели, которую выносили из покоев того человека в пижаме и собольей шубе.

Почти такой же особняк Маша недавно встретила в одном из переулков Арбата, кажется возле Сивцева Вражка. Как-то она проходила там с Леоном Христофоровичем, и он шутя спросил:

— Хотела бы здесь жить?

Маша удивленно посмотрела на него.

— Ну, а если серьезно? Переедем?

— Так вот взяли и переехали?

— Видишь ли, нам предложили в этом особняке две комнаты...

— И ты дал согласие? — перебила Маша.

— А как ты считаешь? Разумеется, нет. Об этом даже думать противно.— Леон Христофорович почему-то вдруг разозлился, у него был такой вид, будто он с кем-то спорил.— Как можно сейчас говорить о переезде. Депутат — в особняке! Лучше выдумать нельзя. Сотни людей живут в ужасных условиях. Ты знаешь, Моссовет на днях примет решение об уплотнении квартир. Иначе нельзя. Одни занимают отдельные квартиры о десяти комнатах, другие с малыми детьми ютятся на кухнях и в подвалах...

К вечеру стало прохладно, и Маша решила опять растопить свою «буржуйку». Потом вскипятила чай, разбавила им купленное мужем молоко, согрела картофельные лепешки...

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

А в это время Леон Христофорович сидел в маленькой комнатке серпуховской больницы и быстро писал.

В комнате пахло сыростью и карболкой. На полках стояли какие-то пузырьки, наполненные прозрачной и желтой жидкостью. Рядом на скамье валялись несколько халатов и чепцы с вышитыми знаками Красного Креста.

Сегодняшний день не принес никаких утешений. Больные поступали беспрерывно. О свободных койках не могло быть и речи. Ему пришлось освободить почти все служебные помещения, поставить в них топчаны.

Сейчас же Леон Христофорович, составив подробный отчет о работе «Медсантруда», принялся излагать свои соображения по поводу национализации частных аптек в Москве. Этот документ от него Семашко очень ждал.

Леон Христофорович подкрутил фитиль керосиновой лампы и продолжал писать. Он был глубоко убежден в том, что время настоятельно диктует немедленно изъять у частных лиц производство и продажу всех медикаментов. В этом его всецело поддерживал Семашко, он собирался на очередном заседании Моссовета внести соответствующее предложение. Попов с трудом представлял себе, как можно дальше вести борьбу с сыпняком, да и с другими болезнями, если, к примеру, уже неделю не может добиться нужных для Серпухова лекарств со склада аптекарских товаров, что находится в Кривоколенном переулке. Этот склад принадлежит товариществу «В. К. Феррейн». Его же собственностью является и лаборатория с химико-фармацевтическим производством. А склад «Камо», которым по своему усмотрению распоряжаются московские аптекари?

Попов прикинул, что бюджет Красного Креста очень скоро иссякнет, если и впредь нужно будет платить бешеные деньги за те лекарства, которые теперь необходимы больницам. Но его волновали сейчас не только деньги. Нельзя было положиться на добросовестность частных предпринимателей. Попов им просто не доверял, ибо знал, что при удобном случае иные из них могут пойти на саботаж или еще большую подлость.

К такому выводу Леон Христофорович пришел несколько дней назад, когда встретился по делам серпуховской больницы с одним из компаньонов товарищества «В. К. Феррейн». Это был мужчина средних лет, худощавый, с удивительно красивыми, тонкими пальцами, мягким, вкрадчивым голосом.

— Вы говорите, отдать вам все производство аптекарских товаров и идти с вами? — Он поправил брильянтовую галстучную булавку и бросил на Попова абсолютно ничего не выражающий взгляд.— А деньги? Деньги тоже отдать? А кто я такой без денег? Никто! Я слышал, ваш отец был виноградарем, точнее, виноделом. У него, мне думается, имелись немалые деньги?

— Я ими никогда не пользовался. И не стал бы пользоваться, даже если бы жил впроголодь. Кстати, у меня и сейчас нет денег. По-вашему, я — никто?

— Вы — это другое дело!
— Вот как?
— Вы смотрите на мир другими глазами. Вы видите в этом мире какие-то нереальные вещи, вас воодушевляют какие-то высшие материи. И эти высшие материи заменяют вам все — и хлеб, и соль, и воду. Вы питаетесь иллюзиями.
— Разве Советская власть — иллюзия?
Аптекарь отвел в сторону глаза и как-то неестественно пожал плечами:
— А что вам дала Советская власть? Вам лично? Вы такой крупный работник... Если бы художник нарисовал ваш портрет, что бы мы увидели на этом произведении живописи? Ничего интересного, смею вас заверить. Сплошное серое пятно: серое от усталости лицо, серую от стирки гимнастерку и такие же галифе. Мы встречаемся не первый раз, а вид у вас всегда один и тот же.
— Серый?
— За исключением глаз. Они у вас умные. Если бы не ваши глаза, поверьте мне, я не стал бы откровенничать. Скажите, неужели вам не хочется жить по-человечески?
— Не понимаю вас.
— Ну, жить хотя бы так, как я.
— Вот видите, вы опять о деньгах. А у нас, у большевиков, как вы правильно заметили, на этот счет свое мнение. Мы действительно смотрим на мир другими глазами. Мы хотим, чтобы по-человечески жили все люди, а не только вы и вам подобные. Как видите, я тоже откровенен.
Компаньон товарищества «В. К. Феррейн» опять как-то неестественно пожал плечами и уставил неподвижный взгляд на кирзовые сапоги Попова.
— Это и есть «высшая материя»? Мд-а! — Грубо, казалось бы, с несвойственной для него манерой процедил аптекарь.— Ваши словеса — чепуха. Равенство, равенство... все это суета сует. Все «там» будем. Я — в деревянном гробу, а вам за ваши заслуги сделают какой-нибудь особенный, в кумачах. Но все равно закопают...
— Ошибаетесь! Меня не закопают. Россия только жить начинает, и я с нею буду жить... бесконечно.

С нашей новой необъятной Россией. Вы это понимаете?

Попов достал из кармана кисет; когда закуривал, пальцы не слушались от нервной дрожи.

— Неужели вы не понимаете, что старой России больше нет! — еще раз обратился он к аптекарю.— Партия коммунистов пришла к власти не на один год, а навсегда. Неужели у вас есть на этот счет какие-то сомнения? Вы же неглупый человек, и как можете не замечать перемен. Нашу партию поддерживают рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция — абсолютное большинство народа. Не доверять нашей партии, выступать против нее — значит идти против народа!

С минуту оба молчали. С трудом сдерживая волнение, Попов наблюдал за своим собеседником. Тот медленно постукивал холеными, тонкими пальцами по инкрустированному столику, глаза его стали жесткими, брови сошлись к переносице.

— Вернемся к нашему делу,— сухо и совсем уже не мягким голосом произнес аптекарь.— Лекарств для ваших больных у нас нет. Когда будут, затрудняюсь ответить.

Попов вспомнил сейчас этот разговор, вспомнил прищуренные, бегающие глаза аптекаря. Теперь он был глубоко убежден, что медлить нельзя. Свои предложения Леон Христофорович закончил фразой: «Все аптеки с вольной продажей лекарств, кому бы они ни принадлежали, все склады, магазины, лаборатории со всем инвентарем и оборотными средствами нужно объявить собственностью Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов».

Керосин уже почти выгорел. Светился лишь краешек фитиля. Леон Христофорович расстелил на лавке шинель и задул лампу.

В СОВНАРКОМЕ

В Серпухове дела кое-как наладились, и Леон Христофорович приехал в Москву. Он находился здесь уже несколько дней.

Попов задернул оконные шторы, зажег настольную лампу. Вечерами он не любил работать при ярком свете.

Был уже шестой час. Леон Христофорович начал нервничать. Еще утром Семашко предупредил его, что их вызывают на заседание Совнаркома, на котором должен рассматриваться вопрос о национализации аптек. Попов знал, что заседания в Совнаркоме начинаются минута в минуту — ровно в шесть вечера. Владимир Ильич Ленин был всегда точен и такой же точности требовал от других. По его предложению в Совнаркоме ввели регистрацию опозданий; список фамилий людей, нарушавших порядок заседаний, передавался затем во ВЦИК для наложения взысканий. Это тоже знал Попов. Время шло, а Семашко все еще не звонил.

Наконец затрещал телефон.

— Одевайтесь, Леон Христофорович, я выслал за вами машину,— сказал нарком здравоохранения.

Мела метель, снега на мостовых надуло много, и машина с трудом пробиралась по улицам. При въезде с Охотного ряда на Красную площадь на небольшом подъеме машина даже забуксовала.

В дороге Попов и Семашко почти не разговаривали. Каждый был поглощен своими мыслями о предстоящем заседании, на котором их ждала встреча с Лениным. Попов все время думал о нем, старался предугадать его вопросы, заранее готовил на них ответы. Попову, разумеется, было хорошо известно, с какой принципиальностью Владимир Ильич подходил всегда к решению любой задачи. Леон Христофорович понимал, что Ленин не оставит без внимания ни одной мелочи, не обойдет ничего такого, что на первый взгляд кажется второстепенным. Попов отлично знал и другое: с каким большевистским рвением, с какой заинтересованностью Ленин относился ко всему, что касалось развития здравоохранения в стране, улучшения работы медицинских учреждений. Владимир Ильич был в курсе буквально всего, что происходило не только в Наркомате здравоохранения, не только в московских больницах, но и на периферии, во фронтовых отделениях Россий-

ского общества Красного Креста. Поэтому-то по дороге в Кремль Попов еще раз «экзаменовал» себя перед заседанием Совнаркома.

Оно началось точно в назначенное время. Без двух минут шесть Ленин вышел из своего кабинета, находившегося рядом с залом, и направился на заседание. Приветливо со всеми раскланялся, быстро прошел к столу и сел в кресло.

Владимир Ильич достал из левого внутреннего кармана пиджака несколько листков бумаги, аккуратно сложил их пополам, потом так же аккуратно разорвал и стопкой положил перед собой. Посмотрел в сторону окна. Фрамуга была открыта. Он одобрительно кивнул головой. Владимир Ильич всегда заботился, чтобы воздух в зале был чист. Даже во время заседаний он просил открывать фрамугу. О курении здесь не могло быть и речи.

Заседание шло своим чередом. Обсуждались различные государственной важности вопросы. Докладчики говорили коротко, сжато, только о существе дела. Ленин ввел такое правило: обсуждение вести без лишних эмоций и пустословия. Ровно пять минут имел в своем распоряжении докладчик. Столько же полагалось и на прения.

Владимир Ильич слушал внимательно, слегка наклонив набок голову, изредка делал пометки на тех листочках бумаги, которые стопкой лежали у его правой руки.

Последним был вопрос о национализации аптек. Докладывал Семашко.

После прений, как и ожидал Попов, Владимир Ильич «с пристрастием» допрашивал наркома. Он интересовался тем, как будет проводиться национализация, не собираются ли Наркомздрав и Красный Крест «отбирать» все только ради того, чтобы «отобрать»,— потом ведь аптечное дело может развалиться, если сразу же не наладишь управление им. Владимир Ильич предостерегал от всякого рода ошибок, очень беспокоился о том, чтобы при национализации не допускались крайности, «левацкие замашки». И только после того, как Ленин убедился в серьезности предлагавшегося плана национализации, увидел, насколько этот план глубоко продуман, а

сама организация нового дела достаточно хорошо подготовлена, он дал свою санкцию...

Семашко отпустил машину сразу же, как только они приехали в Кремль. Сейчас же нарком пожалел об этом.

— Надобно было попросить шофера заехать за нами,— Николай Александрович поднял воротник и посмотрел на Попова.— А вы, дружочек, держите фасон, не боитесь отморозить уши?

Когда они поздно вечером шли по Красной площади после заседания Совнаркома, метель крутила вовсю. Еще сильнее, чем днем, лицо обжигал колючий мелкий снег, пронизывал ветер,— так хотелось скорее прийти домой и согреться!

— Забежим по дороге ко мне? — предложил Семашко.— Выпьем по стаканчику горячего чая. Только вот не знаю, чем нас угостят на ужин. Но традиционные картофельные лепешки обещаю. Согласны?

Мороз подгонял запоздавших прохожих. В такой час московские улицы были уже пустынны. Попов и Семашко свернули с Манежной площади вправо и быстро пошли в сторону Арбата.

ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ ЧЕКИСТА САЖИНА

Сажин поправлялся очень медленно. Одно время ему казалось, что он уже никогда не выберется из больницы. Да и врачи мало верили в благополучный исход.

Каждый день, каждая неделя тянулись мучительно, тоскливо, безнадежно. Но вот однажды Михаил проснулся и обрадовался начавшемуся дню. В окно он видел только небо — холодное, мрачное, все в облаках, но оно и таким нравилось ему.

Сажин соглашался на все, лишь бы никогда не покидало его то необъяснимое состояние, которое так неожиданно пришло этим утром. Он понял, что к нему вернулись силы.

Прошло еще время, и Сажину разрешили вставать. Он вновь учился ходить. С трудом делал первые шаги. Голова казалась чужой, все окружавшее виделось не таким, как прежде: все было новым, му-

чительно-интересным и удивительным. А потом он привык к этому «новому», и оно больше не вызывало щемящего неизвестностью чувства.

Сажин стал выходить на улицу. Теперь он уже часто прогуливался по Калужской — в длинной старой шинели, оставленной ему соседом по палате, в истрепанных обмотках, больших, не по ноге чоботах, которые попеременно носили больные. Однажды Михаил решился пройти через больничный двор к Москве-реке. Он выбрал более пологий склон и спустился вниз. Полынья была уже широкой, а там дальше от нее лед исчертили черные трещины, и выглядел он средь землисто-белых берегов гигантской паутиной.

По берегу прохаживались двое людей. Маленький, пузатый, в фетровой шляпе с бантиком и войлочных туфлях на металлических застежках, говорил приглушенным голосом:

— Англия, Франция, Германия, Польша... четырнадцать государств! Это вам не фунт изюма. Да-с. Кажется, все. Наконец-то додумались. Блокада задушит кремлевцев. И слава тебе, господи!

— А если нет? — его собеседник, мужчина средних лет, небрежно откинул на плечо широкий шерстяной шарф и так же безразлично спросил еще раз: — Если нет, что тогда?

— Вы, дорогой, вконец разуверились. Но это пройдет. Вы просто больны. Но хандра, повторяю, пройдет. И очень скоро. Даже очень скоро. Англичане вступили в Закавказье и Туркестан. Этого мало? А Юденич? Помяните мое слово: через неделю Петроград будет наш.

— Чей — наш?

— Наш! Ваш, мой. Вы действительно больны. Э-э, да что тут. Неужели вы забыли, какие балы устраивались у Авруцких? Благороднейшее семейство!

— У них были благородные псы. Это я помню. Такие поджарые, с длинными мордами. Кажется, колли. Да, аристократическая порода. А семейство — дрянь. Отец — пьяница. Дочь — шлюха. А сын — отменная сволочь. Вы разве не знаете, что он теперь в Кронштадте у красных служит? Командует

батальоном, мерзавец. Он вашему Юденичу хорошего фитиля воткнет в одно место.

— Как бы не так! — Пузатый разозлился.— У Юденича — танки. Я сам это слышал.

— Тсс. Ваш голос гремит на том берегу.

— Плевать! — Шляпа обернулась назад.— Плетется какой-то скелет, полутруп. Скоро все они будут на него похожи. Так вот-с, милостивый государь, слышал я и другое. Основной удар — за Колчаком. Уфу он взял. Стерлитамак — тоже. Идет к Самаре. А там, гляди, и Казань. Колчак придет в Москву первый. Помяните мое слово.

Сажина бесила злость, ненависть. Какой-то комок застрял в горле, мешал дышать. Он повернул назад, не в силах больше слушать этот разговор. Михаил, разумеется, был в курсе положения дел на фронтах. К нему часто приходили его друзья из ВЧК, не раз проведывал Леон Христофорович. От них он знал все — и про блокаду, и про Колчака, и даже больше того, что говорили те двое на берегу Москвы-реки. Но Михаил не мог понять, почему, по какому праву они дышат с ним одним воздухом?

Постепенно Сажин успокоился. Эти двое, разумеется, из числа тех, у кого новая власть отобрала прежнюю привилегию — жить в довольстве, без особых забот, жить припеваючи за счет труда тысяч людей. Советская власть лишила таких вот кругленького капитальца, загородных вилл, фешенебельных курортов, забрала у них заводы и фабрики. О, как не хотели они расставаться со своими пуховыми перинами, ломберными столиками, мещанским мирком! Зубами цеплялись за старое, продавали совесть, самих себя оптом и в розницу, лишь бы вернулось их старое бытие. Они трепетали от радости, когда страну потрясали заговоры и мятежи, захлебывались от восторга, когда узнавали о всяких новых савинковых и юденичах. Верили им и ждали их. А вот этот второй, средних лет, уже не верил им, не надеялся на них. Он был, как сказал его приятель, «больным» человеком.

Да, «больным». Его сознание потряс сильнейший нокаут. Мог ли он ожидать, что революционная буря, начатая выстрелом с крейсера «Аврора», проне-

сется, множась и набирая силу, из конца в конец по всей необъятной России? Мог ли он ожидать, что эта буря разметет и развеет все, что преграждало ей путь, что за короткий срок революционный народ станет исполином? Сознание «больного» подсказывало ему, что возврата к старому нет. Он понял, что новая власть выстояла. И в этом Сажин увидел большую перемену, происшедшую даже среди людей, ненавидящих молодую республику. Их настроения, мысли отражали, по существу, главное: Советская власть медленно, но уверенно завоевывала право на жизнь. И это теперь признавали ее враги.

Сделав такое открытие, Михаил даже повеселел. Теперь он не огорчался своей неожиданной встречей, был ею доволен.

Леон Христофорович, навестив как-то Сажина, рассказал ему о речи, которую произнес Владимир Ильич Ленин в Колонном зале Дома Союзов. Это было в апреле. Руководитель Советского правительства обратился тогда к рабочим с призывом напрячь все силы в борьбе с врагами республики.

В те дни по заданию московской партийной организации Попов принимал участие в мобилизации людей в Красную Армию. По два, а то и по три раза в день выступал на заводских митингах. Слушали Попова всегда с интересом. Его слова о партии коммунистов, призвавшей трудовой народ на борьбу за свое освобождение, о Ленине, вдохновившем людей на эту борьбу, производили большое впечатление. Рабочие слушали Попова, верили ему, ибо все, что говорил он, было искренним. А после митингов Леон Христофорович обычно уезжал на Рогожскую заставу, где формировались новые отряды Красной Армии. Попов рассказал Сажину, что на Восточный фронт и на оборону Петрограда ушли уже сотни добровольцев.

Вечером Сажин отправил Петерсу письмо. В него он вложил заявление с просьбой отправить на фронт. Михаил писал, что дела у него идут хорошо, уже почти здоров, в больнице ему делать фактически нечего. Однако ответ на свою просьбу он получил нескоро.

Сажина выписали только в середине мая.

В тот же день к нему обещал приехать Попов, и Михаил ждал его на скамейке возле приемного покоя. Вещей у него никаких не было. Собрался домой в том, в чем привезли сюда прошлой осенью. Та же гимнастерка, те же галифе, выстиранные, отутюженные. На гимнастерке и галифе по заплате — как раз там, где он еще чувствовал свои раны.

— Пойдемте к Москве-реке,— предложил Михаил, когда приехал Попов.— Хочу проститься с этими местами. Кто знает, придется ли еще раз побывать.

День стоял теплый, солнечный. Они выбрали место около самой воды, сели на траву.

— У меня такое впечатление, будто я заново родился. Даже как-то не верится, что больше не вернусь в больницу.

Леон Христофорович помолчал, а потом спросил:

— Может быть, ты хотя бы недельку побудешь в Москве? Поживи у меня, немного окрепнешь после болезни.

— Нет. Завтра же на фронт.

— Подумай. Посмотри, на кого ты похож!

— На кого? — Сажин рассмеялся.— Я скелет, полутруп. Вы знаете, кто меня так назвал?

Михаил рассказал о той встрече, которая произошла у него здесь ранней весной.

— Я бы назвал этих людей похитителями нашего счастья.— Попов на секунду задумался.— И не только их. Возьми, к примеру, Гильданова, Гонцова, Бужинского. И рангом выше — Савинкова, Спиридонову вместе со всей ее компанией, всех предателей и заговорщиков. Разве они не воруют наше счастье? Если бы не они, не было бы войны, голода, мы не знали бы, что такое болезни и разруха...

Они долго еще бродили по берегу Москвы-реки. А на следующий день Попов провожал Михаила на Восточный фронт.

НАВСЕГДА С ПАРТИЕЙ

ОПЯТЬ ГИЛЬДАНОВ

Солнце не скупилось. Стояла сушь. Пронесется по улице телега, и вихрь пыли окутывает избы. А в церкви — духота. Торжественная, смрадная духота и теснотища.

Над головами — сизый дым от вспотевших, оплывших свечей, по восковым лицам пляшет свет, идущий с алтаря. Завороженные, отрешенные глаза смотрят на воскресшего Христа, и все усердно крестятся.

Кто-то громко шмыгнул носом, потом старушка, вся в черном, припала к гробу и запричитала: «Он, он единственный! Боже, прости, помилуй». Вся церковь выдохнула: «Ах!..» Старушка повалилась кому-то на руки, взвизгнула: «Убивцы!» — и простерла вперед руки. Отец Ферапонт, оторопев от протянутых к нему рук, раз двадцать подряд кадил все в одно и то же место. Потом, придя в себя, хмуро посмотрел на бывшего пристава Анисима, правящего хором. Тот взмахнул камертоном, и тотчас взревели глотки стриженных в скобку мужиков:

— Сей нареченный и свя...

Возле правого клироса стоял Викентий Гильданов. Скрестив на груди руки, в новой голубой косоворотке, он пристально следил за черноволосой красавицей Серафимой. Она нет-нет да и посмотрит в его сторону хитрым, зазывающим взглядом. Рядом с Гильдановым — Марья Даниловна. Приземистая, полная, как и все, в черном наряде. Она с беспокойством следит за Гильдановым, за его глазами, шныряющими по Серафиме. Марья Даниловна — мать Веры Николаевны.

...Гильданов чудом спасся после разгрома мятежа левых эсеров в июле восемнадцатого года. Когда они из Трехсвятительского переулка бежали к Курскому вокзалу, Викентий по дороге спрятался в какой-то подвал. Просидел в нем двое суток и только потом вышел на улицу. В подвале он все обдумал. Гильданов понимал, что в Москве оставаться нельзя. А куда можно было податься, где он мог скрыться от чекистов? Викентий припомнил о матери своей любовницы и решил во что бы то ни стало пробраться за Восточный фронт, приехать в ту деревню под Тюмень, где она жила, и устроиться там на некоторое время. «Издалека виднее» — эти слова Веры Николаевны, обращенные однажды к нему, приобрели теперь для него полный смысл.

Гильданов пристроился к одному из эшелонов, уходивших на Восточный фронт, дорогой старался быть незаметным среди сотен бойцов. Когда состав прибыл на место, скрылся в тайге, потом деревнями вышел к тракту, на встречных подводах добрался до железнодорожной станции, приехал в Тюмень, затем в деревню.

Марье Даниловне он все наврал. Сказал, что Вера Николаевна жива и здорова, он с нею обручен, что вдвоем бежать из Москвы было невозможно. Марья Даниловна забеспокоилась о дочери: не арестуют ли ее? На что Гильданов, не моргнув глазом, ответил, будто она работает в одном из советских учреждений, вне всяких подозрений, да и сам-то он никуда не уехал бы, но не мог сидеть сложа руки, видя, как погибает Россия. «Вот я и решился на рискованный шаг,— мягко говорил Викентий.— Отмахал тысячи верст, чтоб в армию Колчака попасть. А там спохватятся обо мне, пройдет день-другой — и забудут. Мало ли людей на фронте гибнет. К Вере похоронка придет как добрая весточка. Поймет, что я к вам прибыл».

Сначала Марья Даниловна с недоверием отнеслась к своему новому зятю. Какое-то внутреннее женское чутье заставляло ее быть с ним настороже. Да и сам вид Викентия внушал подозрение. Приехал он в стоптанных сапогах, изодранных галифе, обросший, худой. Не то что первый зять — генерал. Но

когда Гильданов стал подробно рассказывать о своей жизни с ее дочерью, Марья Даниловна прослезилась, посморкалась в фартук и ввела Викентия в хату.

— Я не надолго задержусь у вас. На недельку, не более. В себя прийти надо.— Он был явно доволен, что наконец-то сможет досыта поесть и отоспаться.

Марья Даниловна овдовела два года назад, жила одна. После мужа ей на многие годы хватило бы достатка, и она кормила своего нового зятя как на убой, стирала за ним, обхаживала его.

Прошла неделя, другая, прошел месяц, а Гильданов, судя по всему, не собирался уезжать из деревни. Он даже под любым предлогом увиливал от серьезных разговоров со старостой Егором Филипповым, которому колчаковцы поручили поставлять в их армию новобранцев. И вот сейчас в церкви Егор, наклонив свою плешь вперед, подперев руками живот, сверлил колючим взглядом Викентия. А тот не спускал глаз с Серафимы. «Сукин сын,— думал староста,— Марью бы постеснялся. Ишь, харю-то какую наел».

Перегляды Гильданова с Серафимой заметил и сын Егора — Петр. Высокий, ладный, белокурый, в накрахмаленной рубахе, прилипшей к его здоровому телу, он стоял возле левого клироса почти рядом с Серафимой. Он даже чувствовал ее теплое дыхание и от злости сжимал кулаки.

Мужики уже пели врозь, а отец Ферапонт, выйдя из алтаря, где хлебнул очередную порцию церковного вина, в последний раз кадил в изголовье покойника. Его хоронили очень поспешно. Накануне вечером нашли пришибленным тяжелой доской. Кто-то пустил слух — бегал в тайгу к партизанам. А сегодня его уже отпевали. Старушка, жена покойника, со злобой крестилась, все приговаривая: «Убивцы, убивцы!»

Потом все повалили на улицу. Солнце стояло в зените, пекло головы.

Гильданов к могиле не подходил. Он держался поодаль, со стороны любуясь крепкими Серафимиными бедрами. Гулко ухнул о крышку гроба ком

земли. Викентий сплюнул, достал кисет и свернул «козью ножку». К нему подошел Петр.

— Серафиму оставь! — прохрипел он.

— Что?

— Зенки свои попрячь, говорю.

— А я что, виноват? — Викентий выпустил клуб дыма и с легкой ухмылкой, небрежно глянул на Петра.

— Не виноват... Петух виноват! И по тебе заупокойную отпеть можем!

На поминки пришло человек двадцать. Старушка всех не ждала, да и на стол для всех ставить было нечего.

— Поди принеси наливки, да сальца захвати,— распорядился Егор своему сыну.

Через час в избе стоял шум и гомон, на улицу доносились пьяные песни.

— Наливочка сладенькая, пейте, угощайтесь,— гнусавил староста. Он уже захмелел, и язык плохо его слушался.— Нашенский аль не нашенский покойничек был, бог разберется... Но, так или иначе, острастка всем таперича будет. Царство ему небесное...

Гильданов шел покурить на крыльцо и в сенях наткнулся на Серафиму. Она прижалась к нему, обхватила за шею:

— Уйдем, пока они водкой глаза себе заливают.

— Куда?

— Ко мне! — она потянулась к нему губами...

Марья Даниловна возвращалась домой одна. Она догадалась, куда исчез Викентий, но ей все же не хотелось верить, что он так подло, на глазах у всех посрамил ее. Она даже старалась выдумать какую-нибудь небылицу, чтобы утешить себя. Не он ведь один с поминок ушел, человек пять и до него, не попрощавшись с хозяйкой, отбыли по домам.

Викентий пришел под утро. Пнул ногой в сенцах дверь и устало прошагал к себе в комнату.

Часов в двенадцать его разбудила Марья Даниловна.

— Будет валяться,— она зло посмотрела на измятое, бледное лицо зятя.— Егор тебя просит. Ждет.

А потом ее прорвало:

— Всю жизнь здесь прожила. Такого позора никогда не имела. Юбочник треклятый! Как теперь дочке-то показаться в деревне? Как? О господи!

Всхлипывая, она шла из комнаты, утираясь о свой неизменный фартук.

В горнице, насупившись, сдвинув косматые брови, сидел на лавке Егор Филиппов. Рядом с ним, в светло-зеленом бархатном сюртуке, опершись на подоконник, стоял Петр. Лицо вытянутое, на скулах желваки играют.

— Марья, подай нам водки! С твоим зятем на сухую не переговоришь.— Староста посмотрел исподлобья на вошедшего Викентия.— Отоспался, и будет. Это тебе не столицы!

Викентий нехотя присел за стол. Он не отвечал на грубые слова старосты, обдумывал, к чему клонит тот разговор. Гильданов понимал, конечно, что затевать ссору ни к чему, ибо все в любом случае может обернуться против него. Недаром же Петр пригрозил ему на кладбище, и никто его здесь не защитит, он тут один.

Егор налил стаканы доверху:

— Выпьем.

Они выпили. Только Петр не допил свой стакан и все продолжал стоять в немой, молчаливой позе возле окна.

— Значит, так,— выдавил Егор, раскурив самодельный чубук.— Пора браться за дело, нечего пузо нагуливать. Ты сказывал — офицер. А так ли оно?

Гильданов встрепенулся. Он догадался, что разговор пойдет не о Серафиме, а об остальном не беспокоился. Капитан был уверен, что если его доставят в штаб Колчака, то ему удастся без особого труда доказать, кто он есть на самом деле.

— Так ли оно? — переспросил Гильданов с такой же пренебрежительной ухмылкой, с какой давеча он обратился к Петру.— Нужны доказательства, подтверждение?

— Хотя бы и так.

Тут словно муха укусила Викентия. Он вскочил с места, нагнулся к самой старостовой плеши, зло посмотрел в прищуренные глаза Егора:

— Есть пистолет? Ну!

— Ты это брось! — Егор хотел было отстранить Викентия, но тот отбросил его руку.

— Давай ружье, берданку, давай что есть!

Петр, склонив голову и насупив по-отцовски брови, пошел на Викентия:

— Не дурачься, а не то...

— Пошел прочь! — Гильданов выпрямился. Голос его прозвучал так повелительно и жестко, что даже староста не осмелился оборвать Викентия.

— Ну, дай ему, Петр, револьвер.— Егор засопел чубуком, стараясь скрыть волнение.

— А вы принесите-ка глиняных горшков,— капитан повернулся к Марье Даниловне, все время находившейся при их разговоре.— Да не жалейте, побольше тащите!

— Поди, Петр, подсоби,— не глядя на сына, недоуменно приказал староста.

Петр вытащил из внутреннего кармана сюртука револьвер, швырнул его на стол и вышел за Марьей Даниловной.

На дворе, как и вчера, было душно, на небе — ни облачка. Пролетела сорока и села на шест за сараем. Где-то тявкнула собака, потом затарахтела телега. И все опять стихло кругом.

Викентий отмеривал шаги. Затем велел Петру встать в конце сада.

— Ставь горшок на голову! — крикнул Гильданов.— Испугался? Ну что? Может, ты, Егор, сына подменишь?

Викентий стоял вразвалку, подбоченясь, подбрасывая и ловя заряженный револьвер, словно баловался игрушкой.

— Хорошо, кидай над своей башкой эти горшки. Да поживей и повыше! — еще раз крикнул он Петру.

Деревню разбудили выстрелы. Гильданов высадил всю обойму, ни разу не промахнувшись, а потом бросил в ноги Петра револьвер. К нему вновь вернулась уверенность, злость, ненависть, и мысленно он был уже где-то далеко от этой деревни. Викентий даже пожалел, что все прошедшие дни избегал откровенного разговора с Филипповым.

— Вот теперь, Егор, пойдем выпьем! — Он взял старосту за рукав и буквально потащил за собой в дом.

На следующий день Викентий вместе со старостой уехал в Омск, где находилась контрразведка колчаковской армии. Возвращался Гильданов не в радостном настроении. Прием ему был оказан отнюдь не тот, на который он рассчитывал. Полковник Злобин разговаривал сухо, не очень-то учтиво и, как показалось Викентию, с подозрением отнесся ко всей истории, касавшейся его связи с савинковской организацией и побега из Москвы. «Конечно, его дело прежде всего не доверять. Как-никак он командует контрразведкой,— рассуждал капитан.— Но, черт побери, разве ему мало было тех фактов, которые я сообщил? Даже Вечека не знает и половины из того, что я рассказал!»

Больше всего Гильданову не понравилось, что его зачислили в тот же отряд, в который попал и Петр. Причем не каким-нибудь там ротным или даже взводным, а всего-навсего рядовым. Единственным утешением для него стало то, что Злобин приказал выдать ему хромовые сапоги, полагавшиеся даже не всем офицерам.

Отряд, в котором теперь находился Гильданов, только еще формировался. Через несколько дней он должен был пройти через деревню, где жил Викентий, а потом через тайгу выйти в соседний уезд к Сулимам — большому селу, имевшему, как говорил полковник, даже каменные строения.

Гильданов вспомнил слова Злобина:

— Село находится на острове среди огромного болота и камышей. Там склады оружия партизан. В Сулимах концентрируются отряды красных, местные жители относятся к ним сочувственно, дают им пищу, одежду и приют. По имеющимся у меня сведениям из секретных источников, отряды красных в определенный момент двинутся из этого села к Омску для поднятия восстания. Надо их ликвидировать.

Поразмыслив, Гильданов пришел к выводу, что Злобин решил проверить его не только в бою с партизанами. Полковник доверил ему секретные сведения в расчете на то, что операция против Сулим оста-

нется в тайне. «Значит, все это время,— рассуждал капитан,— за мной будут следить. Скорее всего, Егор или Петр, а может быть, кто-нибудь и другой».

Гильданову еще не приходилось бывать в таком, как он полагал, дурацком положении. Викентий озлобился, почти всю дорогу молчал, думал, но так ничего другого и не придумал, как делом доказать, кто он такой есть. В конце пути настроение у него немного улучшилось. Гильданов представил, как утрет нос Петру и всем воякам, как он, капитан Гильданов, еще будет учить их уму-разуму в войне с большевиками. «Сопляки! — усмехнулся Викентий, вспоминая Егора и Петра, низко, почти до самого пола кланявшихся, когда они уходили от Злобина.— Сопляки!»

Приехав в деревню, Гильданов домой не пошел. Он опять ночевал у Серафимы.

Через несколько дней, как и говорил Злобин, в деревню пришел отряд. К дому Марьи Даниловны подъехал совсем еще молоденький солдатик. На поводке за собой он привел гнедого жеребца.

Гильданов вышел на улицу, блестя хромовыми сапогами, красуясь выутюженными Марьей Даниловной галифе и гимнастеркой. «Хорош, сукин сын,— отметила про себя теща.— Недаром же Вера...» Тут мысли ее оборвались. Капитан, даже не попрощавшись с ней, вскочил на коня, дал ему шпоры и лихо понесся по деревенской улице. Пристав к отряду, Гильданов нарочито держался чуть поодаль от колонны. И хотя ехал последним, осанка выделяла его от остальных всадников. Он это чувствовал, понимал, кровь приливала к голове. Викентий был готов показать себя в предстоящем бою.

Отряд шел через тайгу, на пути встречались гигантские вековые кедры и лиственницы. Колчаковцы растянулись почти на километр и все ближе подбирались к Сулимам. Гильданов был теперь почти в самой голове отряда, ехал рядом со старшиной, пытавшимся разговориться с ним в дороге. Но Викентий старался не отвечать на расспросы, презрительно посматривал в его сторону и с сожалением думал, куда же, черт побери, подевались прежние, настоящие солдаты.

Невдалеке от Сулим часть отряда спешилась и стала заходить к селу с севера. Другая же часть, в которой остался Гильданов, пошла высохшим краем болота с юга. По команде колчаковского офицера батарея стала бить из двух орудий. Затем спешившиеся густыми цепями пошли на село. Партизаны ответили дружным, но редким огнем. Колчаковцы поняли, что красных здесь немного. Это их ободрило, и они с криком бросились вперед.

Партизаны, подбирая раненых, отходили в глубь села. Из хат повалил народ. Боясь расправы, мужики, бабы, дети пустились в тайгу. Но не всем удалось уйти.

С юга в село ворвалась конница. С ревом и свистом летели всадники:

— Тю-тю-тю!..

Конский помет, комья земли, пыль — все кружилось, вертелось, билось об изгороди. Визжали бабы, взмахивая платками перед потными лошадиными мордами. Всадники драли коней каблуками и били шашками всякого, кто попадался на пути. Слышался хруст, стон, вопли.

— Тю-тю-тю!..— диким, разбойничьим воем неслось по селу.

От одного посада улицы к другому металась ошалелая корова. Вот и ее хлыстнула шашка по самой хребтине — чвак! Всадник ударил коня и прямо в гущу бегущих людей — хрясть, хрясть! Это Гильданов, обезумевший, озверевший, косил направо и налево.

Резня кончилась. Всех, кто остался в живых, согнали к церкви. Офицер потребовал выдачи большевиков. Люди молчали. Тогда он указал солдатам на первого попавшегося мужика. Его выволокли к паперти и тут же пристрелили.

Потом офицер велел всех хлестать плетьми. Всех, никого не щадя.

Неожиданно к церкви прибежал местный староста. Он сам-то сначала с перепуга спрятался, а вот сейчас не вытерпел, указал на некоторых односельчан. И тут началось невообразимое. Кузнецу, ковавшему пики для партизан, выкололи глаза, другому молотом раздробили руки.

Привели мать Ивана Ряполова, неделю назад ушедшего отсюда с одним из партизанских отрядов. Ее били шомполами, ставили голыми ногами на раскаленный уголь, допытывались, где сын.

Потом опять людей клали под плети и пороли, пока они не теряли сознание. Офицер, размахивая шашкой, орал что есть мочи:

— Всех смутьянов представить к утру, иначе никого в живых не оставим!

Дом Ряполова запылал первым. Затем загорелись и другие. Зарево не унималось всю ночь. А в уцелевших хатах шла пьяная гульба. Пахло водкой и луком.

Гильданов, выпив стакан, вышел на улицу. «Хамье, быдло. Пить по-человечески не научились. Эх, Терехова бы сюда»,— сокрушенно подумал Викентий. Он был собою доволен.

По небу плыли облака — беспокойные, сиротливые.

«МЫ ВСЕ НА ВАС НАДЕЕМСЯ...»

Два сильных паровоза тянули длинный состав. Почти на каждом его вагоне виднелись знаки Красного Креста. Из Москвы на Восточный фронт шел специальный эпидемиологический отряд. Комиссаром отряда и главным врачом был Леон Христофорович Попов.

Состав подходил к Вятке. Попов сел на деревянный ящик, раскрыл полевую сумку и принялся за письмо к Маше. «Наконец-то приехал в Вятку,— сообщал он.— Вся дорога — сплошное мученье в тесных без окон вагонах, без теплой пищи. Питался, как и все, кипятком и хлебом. Наш маршрут несколько изменился. В Екатеринбург попадем позже. Сейчас же соединимся с одной из дивизий и отправимся к Челябинску. Это очень важный во всех отношениях город. Прежде всего, Челябинск — стратегический пункт, ворота в Сибирь. Там идут бои... Как ты себя чувствуешь, как наш Андрюшка? Не жалей денег на продукты, продавай все, что не является первой необходимостью. Главное — питайтесь. Старайся покупать больше молока, чтобы не

подкрашивать его чаем... Целую, обнимаю. Ваш Леон...»

Попов свернул конверт-треугольник, заклеил его липкими полосками от марок и вложил в полевую сумку.

Леон Христофорович открыл настежь дверь вагона, встал у края стены и задумался. Ему вспомнилась поездка с продотрядом, потом мысли вернулись к последней встрече с Семашко.

Николай Александрович вызвал Попова поздно вечером. Когда Леон Христофорович вошел к нему, Семашко возбужденно ходил взад и вперед по кабинету. Он кивнул Попову на стул, а сам продолжал ходить:

— Вы понимаете, что происходит? Колчак отступает. Его солдаты жгут деревни, убивают людей. Грабят села, тащат с собой скот, оставляют после себя разруху, нищету, голод. И как следствие всего этого — эпидемия. Вы же знаете, что происходит на Восточном фронте. Сыпной тиф уносит тысячи жизней. Гибнут местные жители и красноармейцы.

Николай Александрович налил из графина немножко воды, отпил несколько глотков и поставил стакан:

— Владимир Ильич абсолютно прав. То, что мы сделали для Восточного фронта, недостаточно.

Попов внимательно слушал, не перебивал.

— Положение действительно серьезное,— продолжал Семашко.— Так трудно еще никогда не было. Я только что из Кремля. Там обсуждалось положение на Восточном фронте, в том числе и меры борьбы с эпидемией тифа.

Николай Александрович сделал паузу, посмотрел на Попова. По выражению его глаз Леон Христофорович догадался, что он вызван в столь поздний час не случайно.

— Нужны кардинальные, экстренные, смелые действия.— Семашко опять взялся за графин, но тут же отставил его.— Ленин рекомендовал послать вас на Восточный фронт во главе специального эпидемиологического отряда.

Николай Александрович присел рядом с Поповым. Лицо его стало мягким, добрым.

— Борьба с тифом, милый Леон Христофорович, для нас сейчас равносильна борьбе в окопах. Мы должны победить. Это — чрезвычайное поручение партии. И я на вас надеюсь. Мы все на вас надеемся.

Когда они прощались, Семашко обнял Попова, крепко поцеловал:

— Берегите себя. Тиф — коварная штука.

Прошло две недели с той встречи. И вот впереди уже маячила белокаменная Вятка, рдели купола церквей, за перегоном показались вереницы подвод, груженных сеном.

Состав трясся по рельсам, стучали колеса, скрипели вагоны, а мысли Попова были далеки от тех мест, где проходил эшелон. Леон Христофорович никогда так сильно не ощущал тоску по дому. Никогда так больно не переживал разлуку с Машей. Он представил себе свою неказистую комнатенку, самодельную кроватку, в которой спал Андрюшка, и сердце его сжалось.

Попов поймал себя на мысли, что ему очень не хотелось на этот раз уезжать из Москвы. Впервые за долгие годы жизнь его стала «оседлой». Наконец-то они с Машей обрели кое-какой житейский уют и покой, а рождение сына многое изменило в его взглядах на семью. Раньше он не был отцом, и все его волнения и переживания о доме ограничивались заботой о Маше. Теперь же эти волнения и переживания приобрели более глубокий смысл, и разлука с сыном стала для Попова сущей пыткой. Леон Христофорович испытал тогда такое тягостное, неприятное чувство, будто терял его навсегда.

Ко всему этому примешивались и другие чувства. Ему хорошо работалось в Москве. У Попова появилось много новых друзей, и они ценили его за неутомимую энергию, ум, видели в нем крупного организатора здравоохранения, считались с его большим партийным опытом. И Леон Христофорович это, разумеется, понимал, испытывал большое удовольствие от товарищеского, теплого отношения к себе. Он внутренне гордился собой. Теперь же от всего того, к чему он так привык, нужно было отказаться и ехать туда, где не было ни Маши, ни сына, ни друзей. На какое время он уезжал — сказать

ему никто не мог. И эта неопределенность ещё больше усиливала его тоску. Но он оставался самим собой.

В день отъезда Маша спросила его:

— Может быть, ты все-таки останешься? Еще ведь не поздно принять предложение Дзержинского.

Леон Христофорович стал приглаживать кончики усов, так он делал всегда, когда о чем-то серьезном думал, а затем неторопливо ответил:

— Ты ведь знаешь, что все равно поеду. Ты же знаешь, что иначе я не могу.

Феликс Эдмундович предложил тогда перейти на работу в ВЧК, обещал переговорить с Владимиром Ильичем, чтобы Попова оставили в Москве. Леон Христофорович поначалу даже вспылил, расценил намерение Дзержинского как желание не посылать его на фронт из-за рождения сына и неважного самочувствия Маши. Попов не позировал, не притворялся. Для него не было ничего более святого, чем выполнение задания партии. Минуту спустя, поостыв, он сказал Дзержинскому:

— Погорячился. Наговорил всякой чепухи. Но я уверен, что иначе и вы бы не поступили.

Леон Христофорович вспомнил сейчас разговор с Машей, с Дзержинским, припомнил все дни этих двух недель, предшествовавших отъезду. Он все никак не мог избавиться от тех сильных чувств, которые боролись в нем,— его личных и связанных с выполнением ответственного задания. Леон Христофорович понимал, конечно, что никто бы его не осудил, прими он предложение Дзержинского занять должность заместителя председателя ВЧК. Но тогда бы Попов сам себя осудил и не простил бы себе никогда, если бы на фронт уехал кто-нибудь другой и не дай бог погиб там от пули или тифа. Сейчас Леон Христофорович осознал свое положение куда более серьезно, чем прежде. И как ни тяжела ему была разлука с семьей, он теперь твердо знал, что поступил не вопреки своей совести, не воспользовался предложением Дзержинского вовсе не из самолюбия.

Попов как бы заново понял сейчас смысл слов, сказанных ему Семашко перед отъездом: «Это — чрезвычайное поручение партии». А что могло быть

для него более важным, чем выполнение ответственного задания той партии, с которой он навсегда связал свою жизнь? Попов убежден был, что нет и не может быть такой силы, которая заставила бы его отказаться честно и до конца выполнять волю партии, верой и правдой служить своему народу.

Ему сразу стало легче на душе. Он посмотрел в распахнутую дверь вагона и совсем близко увидел городские строения.

Эшелон стоял в Вятке недолго. Заправившись топливом, паровозы опять потянули состав, километр за километром приближая его к линии фронта. Проносились поселки, деревушки, и Леон Христофорович, глядя на них, определил, что совсем недавно здесь проходили жаркие бои. Попов знал, что армия Колчака насчитывала около пятисот тысяч солдат. Но полчища новоявленного «верховного правителя» России отступали под натиском красных. Пермские и вятские мужики, мобилизованные колчаковским генералом Гайдой, разбежались по домам. Многие из них, прихватив винтовки, перешли в Красную Армию.

Попов вытащил из полевой сумки английскую газету «Таймс». Ее дал ему Семашко, когда прощались. «Любопытнейшее интервью, почитайте»,— посоветовал он.

Леон Христофорович развернул газету. Она датировалась шестнадцатым июля восемнадцатого года. «Интересно,— подумал Попов.— Прошло чуть более года».

Он стал читать. Колчак отвечал на вопросы корреспондента:

«Является ли положение в Сибири настолько серьезным, что требует интервенции Японии?»

«Да. Народ в Сибири в отчаянии, он не имеет средств противостоять большевикам при отсутствии помощи союзников. Однако последние заняты боями на Западе. Только две страны, Япония и Америка, в состоянии помочь русским».

«Есть ли надежда, что порядок в России будет скоро восстановлен?»

«Это зависит от дальнейшего хода событий и действий союзников».

«Вот так-то! — подумал Попов, выбросив газету в открытую дверь вагона.— И год назад, и сейчас одна и та же песня — помощь союзников. Ничего удивительного. В России противникам большевиков не на кого надеяться. Разве лишь на всякую нечисть — белогвардейское офицерье да кулаков».

За вагоном плыли черные, незасеянные поля, впереди высокими буграми вздымался лес. Железнодорожная колея пошла среди рослых, отливающих бронзой сосен. Потом сосны начали подниматься вверх по круче отвесных скал, казалось, состав проходил через длинный тоннель. В вагонах стало темнее.

Через некоторое время темнота рассеялась, эшелон спустился на равнину, упиравшуюся в изгиб реки. Вдоль этого изгиба вытянулась густая полоса кустарника. Она уходила влево и терялась на лесистом холме.

Неожиданно из-за этого холма раздался артиллерийский выстрел. Воздух содрогнулся еще раз. Покатился громовой грохот. Рвались тяжелые снаряды. Первые из них угодили в железнодорожную линию, разворотили насыпь, и паровозы встали. А в воздухе все еще гудело — ррруу, ррруу... От шума ломило в ушах.

Отряд Попова состоял в основном из врачей и медицинских сестер. Никто из них не имел оружия. В отряде было только двадцать бойцов, сопровождавших эшелон, имелись два пулемета.

Попов приказал всем медикам укрыться в лесу. Сам же с бойцами залег под насыпь.

По-прежнему снаряды били из-за холма. Земля начинала дрожать, разрывалась шрапнель. Попов понимал, что с минуты на минуту противник пойдет в атаку. И тут со стороны реки, из-за полоски кустарника, ударил пулемет, захлопали ружейные выстрелы. Пули со свистом ударялись о рельсы, колеса, буфера, пролетали над головой, врезались в песок.

Странное чувство охватило Попова. Он признался себе, что просто не был готов к встрече с противником, даже не предполагал, что может наткнуться на колчаковских солдат. Всю дорогу он только и думал о том, где и как развернет свой госпиталь.

Он ехал лечить людей, не хотел даже брать с собой бойцов, настаивал погрузить в предназначавшийся для них вагон медикаменты и палатки.

Сейчас Попов понял в какую опасную засаду попал его отряд. По силе огня он без особого труда догадался о большом превосходстве противника. Бросить вагоны, оставить драгоценную противотифозную сыворотку врагу и скрыться в лесу? Оборонять состав?

Из-за кустарника поднялись колчаковцы и пошли вперед. Они больше не стреляли. Ведь со стороны железнодорожной линии не прогремело еще ни одного выстрела, и противник подумал, что ему досталась легкая добыча. Солдаты продвигались быстро, перегоняли друг друга.

Попов через насыпь смотрел в сторону реки. Лицо его было бледно, глаза сузились, напряглись. Он весь сжался в комок. По обе стороны от него вдоль полотна залегли бойцы. В нервном молчании они держали винтовки на изготовку. А Попов все еще не проронил ни слова. Мозг его лихорадочно работал. Леон Христофорович понимал, что если и удастся чудом отбить эшелон, то схватка будет стоить многих жизней. Но главное — сохранить в вагонах лекарство, предназначенное для спасения сотен и тысяч людей.

Леон Христофорович посмотрел на бойцов, заглянул им в глаза, да так, будто видится в последний раз. По их глазам он понял, что бойцы готовы выполнить его любое приказание.

— Будем драться до последнего патрона,— разделяя каждое слово, громко произнес Попов.— Отходить в лес только по моей команде. Растянитесь как можно дальше вдоль полотна. Стрелять прицельно! И только по моему первому выстрелу. Берегите патроны!

Попов приподнялся. Заходящее солнце залило равнину. Она была почти вся покрыта короткими тенями фигур, а между ними пролегали неровные полоски света. Наступавшие находились совсем близко, Попов уже различал некоторых в лицо.

Он еще раз проверил ленту у пулемета, поправил ее. «Пора»,— прицелился и нажал на гашетку.

Пулемет задрожал, запахло едкой гарью. Свинец с дикой яростью вылетал из его ствола. Стал бить и второй пулемет. Колчаковцы прилипли к земле.

В этот момент Попов приказал трем бойцам быстро следовать за ним, а остальным продолжать бой. Он мигом перетащил пулемет через железнодорожную линию и, согнувшись, бегом пустился к ложбинке, видневшейся слева от полотна. Плюхнулся на ее дно. Велел бойцам здесь оставаться, а сам с пулеметом побежал в конец ложбины, сворачивающей во фланг противника.

Тем временем колчаковцы оправились, поднялись и опять двинулись вперед. Попов припал к пулемету. Дал длинную очередь, целясь, как всегда, ровно в пояс. Он вцепился в дрожащий замок и поливал свинцом опешивших колчаковцев. Одни из них все еще продолжали бежать к эшелону, другие спотыкались, тыкались ничком в землю — кто раскинув руки, кто скорчившись.

Густые цепи противника заметно поредели и стали откатываться назад, но были еще близко. Попов легко ловил многих на мушку. Вдруг его пулемет осекся. В ряду отступавших Леон Христофорович увидел знакомую фигуру. Человек, отстреливаясь на ходу, спиной пятился к кустарнику, ветви опутали его голову, но луч солнца на мгновение осветил золотистые погоны мундира, ударил в лицо. Это — Гильданов!..

Гильданов был командиром роты. После Сулим отношение к нему Злобина изменилось. Начальник контрразведки представил в штаб соответствующий рапорт, и капитана тут же возвели в ротные. Викентий принял назначение без особого восторга, дав понять офицеру колчаковского штаба, что заслужил большего, а себе он откровенно признался в невеликом желании отправляться на фронт. Но делать нечего, выехал на Урал в район Челябинска. Его рота с приданной ей батареей, прорвавшись через позиции красных, и атаковала неожиданно показавшийся эшелон Красного Креста.

Равнина очищалась от бегущих солдат. Со стороны железнодорожной линии их хлестал другой пулемет, раздавались частые ружейные выстрелы.

Попов повел стволом своего пулемета. Пальцы почему-то задрожали, потом дрожь передалась всему телу. Он еще секунду раздумывал, взял на мушку и... Человек в кустарнике присел на колени, потом упал набок. Но Попов успел заметить: это был уже не Гильданов. Пока он раздумывал, тот ступил назад, а его место занял другой колчаковец, сраженный сейчас наповал.

Гильданов скрылся в кустарнике, потом вдруг выскочил и побежал к реке. По отмели в сторону лесистого холма убегали его солдаты. Он остановился, широко расставил ноги, раскинул руки:

— Назад, сволочи!

Капитан схватил за рукав одного из солдат:

— Пристрелю, назад! Трусы!

Пальба прекратилась, а Гильданов продолжал орать на солдат и материть их последними словами. Когда голос его осип, он приказал старшине немедленно передать батарее продолжать огонь.

Гильданов привел в чувство перепуганных солдат, расставил боевые порядки и приказал открыть перекрестный огонь.

Попов вместе с пулеметом скрылся в перелеске у самого подножия холма. Пробежав левым краем, он очутился чуть ли не в тылу батареи. Отчетливо увидел: артиллеристы подтаскивали снаряды и заряжали пушки. Попов заправил еще одну ленту и с новой силой ударил по противнику. Бил, пока не кончились патроны. Оставив пулемет, он кинулся назад. Батарея смолкла, но ему вслед, как рой шмелей, неслись пули. Попов достиг ложбины и залег здесь рядом с тремя оставленными бойцами.

Колчаковцы вновь появились на равнине. По мере приближения к железнодорожной линии они теперь растягивались в длинную цепь, пытаясь пересечь насыпь возле паровозов и обхватить ложбину. «Будут окружать,— подумал Попов.— Гильданов дело знает». Сейчас Леон Христофорович ругал себя за нерешительность и медлительность, проявленные полчаса назад. Какая-то доля секунды — и Гильданов увильнул от пули. Теперь же он шел убивать его, Попова, и всех, кто находился с ним в отряде.

Колчаковская цепь расправлялась, образуя клещи, и готовилась к решающему прыжку.

У Попова оставался наган с нетронутой обоймой, у бойцов патроны были на исходе. Леон Христофорович решил опять укрыться за насыпью и оттуда отбиваться, пока хватит сил. По одному побежали бойцы, оставив ложбину. Тут же вслед им послышались выстрелы. Один из них упал. Попов наклонился к нему, с трудом взвалил тяжелое тело на спину и пополз к рельсам. Упал рядом и второй боец, ткнулся лицом в шпалу.

Попов буквально скатился с насыпи. Здесь поджидали его бойцы.

— Пулемет — на правый фланг! Огонь! — хрипло закричал Попов.

Колчаковцы то припадали к земле, то опять вставали и короткими перебежками продвигались к насыпи. Попов схватил винтовку убитого бойца и прополз мимо нескольких вагонов по направлению к паровозам. Он стрелял редко, но каждая его пуля попадала в цель.

Несколько колчаковских солдат уже вскочили на полотно метрах в ста от паровозов. Вот на прицеле показался один из них, и он тут же схватился за голову, как ошалелый, поплелся вперед и рухнул.

Попов искал Гильданова, но его фигура нигде не появлялась. Потом ему показалось, что капитан забежал в ту ложбину, в которой он находился с бойцами. Леон Христофорович пополз было обратно. И тут услышал: «уурраа!».

Оно неслось с той стороны, где равнина упиралась в изгиб реки. Попов обернулся. По обеим сторонам железнодорожной линии галопом мчались всадники. «Уурраа!» — снова прокатилось над всеми.

Красная конница приближалась как вихрь. На ходу всадники стреляли из карабинов. Колчаковцы сначала насторожились, потом повернули и врассыпную пустились по истоптанной, изуродованной снарядами равнине.

Бой кончился.

Погибших бойцов похоронили здесь же, на краю леса. Затем долго приводили в порядок путь, чтобы эшелон мог двинуться дальше.

ЧЕЛЯБИНСК НАШ!

Пятая армия красных, которой командовал двадцатишестилетний Михаил Тухачевский, с боями продвигалась к Челябинску. Двадцать седьмая дивизия этой армии, совершив тяжелый переход через хребет Таганай, вышла к реке Миасс, захватила переправу и продолжала теснить колчаковцев на восток.

Михаил Сажин несколькими днями раньше был назначен командиром роты 242-го полка, состоявшего в основном из москвичей-красногвардейцев. Он вывел свою роту в казачий хутор и остановил на отдых.

Бойцы чистили винтовки, стирали портянки, гимнастерки, иные тут же заснули — прямо во дворах, подсунув под голову шинели.

Сажин со своими помощниками прошел в одну из хат. Ему хотелось порасспросить кого-нибудь из местных жителей о дороге к станции Кременкульской, возле которой, как предполагал Михаил, противник сосредоточит свои силы. От станции до Челябинска было рукой подать, и она, по всей вероятности, могла стать последним опорным пунктом колчаковцев на подступах к городу.

Дверь Сажину открыл плотный, коренастый старик с окладистой бородой. Он отвечал на вопросы Михаила сдержанно, но толково, подробно объясняя, как напрямик через лес, минуя большую дугу железнодорожной линии, можно выйти к Кременкульской.

Когда Сажин собрался было уходить, старик вдруг засуетился, кликнул жену, велел поставить самовар. Потом открыл тяжелые, дубовые дверцы комода и долго копался там в каких-то тряпках. Наконец вытащил небольшой мешочек и положил на стол. Развязал его.

— Чем богаты, тем и рады. Угощайтесь,— он высыпал на блюдце кусочки желтого тростникового сахара.

Сажин вопросительно посмотрел на своего бойца, тот мигом сбегал куда-то и принес с собой тоже мешочек — килограмма на три.

— Это наш сахарок,— Михаил вытащил из мешка большой белый как снег кусок,— российский! А у тебя, дед, сахар-то, наверно, заграничный. Японский или еще какой-нибудь?

— Шут его разберет! У колчаковского солдата на сапоги выменял.

Старик помолчал. Потом:

— Я вот чего хочу спросить. Правду ли сказывают, что у вас, у красных, налог на иконы наложен? Слыхал я, по двадцать рублей с квадратного вершка.

Сажин и его бойцы так громко захохотали, что старик даже неловко себя почувствовал, как-то растерялся, перекрестился.

— Стало быть, неправда. Вот старый дурень! — сокрушенно мотал он головой.— Поверил и двоих сыновей к Колчаку отпустил.

К хате подскакал вестовой. Спешившись, он вбежал в горницу:

— В десяти километрах идет бой, на путях стоит какой-то состав, противник старается его захватить,— на одном дыхании выпалил боец.

Сажин не знал, что это за состав, кто ехал в нем. Но, безусловно, он был свой. Михаил тотчас выслал на помощь кавалерийский отряд. Тут же поднял роту, привел ее в боевую готовность и стал ждать новых сообщений дозорных.

Приблизительно через час они дали знать, что противник отброшен от железнодорожной линии, а в том эшелоне едут из Москвы врачи Красного Креста. Михаил заволновался. «Вот если Попов там! — с радостью подумал он.— А может быть, кто-то из моей больницы?» Сажин оседлал коня и поехал встречать поезд.

...Ночью началось наступление. Сажин оказался прав: противник собрал все свои силы и бросил их на оборону станции Кременкульской. Рота Михаила зашла колчаковцам в тыл и неожиданным ударом смяла их боевые порядки. К утру 242-й полк завладел станцией и прямым ходом двинулся на Челябинск.

Когда конница красных с тачанками на «хвосте» прибыла на городской вокзал, рабочие Челябинска по

заданию подпольной партийной организации загнали в тупик два колчаковских бронепоезда. Противник не смог поэтому оказать сильное сопротивление и и после коротких уличных схваток покинул город.

Но бои за Челябинск не кончились. Колчак решил устроить отрядам Красной Армии ловушку. Севернее города, в районе озер Агачкуль и Урефта, сосредоточивались ударные группировки войск генерала Войцеховского. Южнее Челябинска готовился к контрнаступлению корпус генерала Коппеля. Одновременным ударом с севера и юга противник надеялся уничтожить красные полки и вновь завладеть городом.

Тем временем Попов занимался своим делом. В окрестностях Челябинска, в церквушке, случайно уцелевшей от артогня, разместил госпиталь, в одном из хуторов организовывал противотифозный лазарет. Здесь должны были остаться некоторые врачи и медицинские сестры его отряда. А с остальными ему еще предстоял дальнейший путь вместе с частями Красной Армии.

По всему фронту завязались упорные бои. Белым удалось потеснить кое-где позиции красных, а на одном из участков, возле поселка Медиак, даже прорвать их оборону.

На выручку опять пришли челябинские рабочие. Сформировав отряды, они ударили по тылам противника.

Бои продолжались несколько дней, не раз переходя в рукопашные схватки. Но постепенно части Красной Армии перехватили инициативу. Они подтянули всю артиллерию, ввели в бой все пулеметы и в полдень первого августа нанесли врагу решающий удар. Колчаковцы бежали. Отряды красных, преследуя их, пошли дальше на восток, направляясь к сибирской реке Тобол.

СЕКРЕТНЫЙ ПРИКАЗ

По пути из Екатеринбурга в город Камышлов в походный госпиталь Попова доставили пленного, тяжело раненного колчаковского офицера. Он

то приходил в сознание, то терял его, бредил. Наутро офицер скончался, так и не назвав ни имени, ни фамилии, не сказав, куда и зачем пробирался с узловой станции. В кармане его кителя нашли конверт: «Лично генералу Коппелю. Секретно».

Леон Христофорович вскрыл его. На небольшом листке бумаги торопливым почерком было написано: «При отходе войск примите меры для ликвидации или тайной перевозки в тыл особо опасных политических заключенных. Для сведения посылаю секретное распоряжение правительства Колчака управляющему Забайкальской области Таскину. Полковник Злобин». Попов развернул второй листок бумаги: «В Троицкосавске необходимо казармы приспособить под временную тюрьму для содержания двух тысяч арестантов».

Попов немедленно передал содержимое конверта в штаб дивизии.

Тем временем Гильданов изо всех сил гнал коня к ближайшей станции. Его срочно вызвали в контрразведку армии. Полковник Злобин ждал капитана в Ишиме.

В Ишим Викентий попал только на следующий день поздно вечером. Шел проливной дождь, улицы в городе превратились в сплошное месиво грязи. Он еле добрался со станции к городской управе, где, как его предупредили, обосновался полковник.

Все окна в здании управы были темны. Только на первом этаже, у самого входа, в узеньком окошке тускло горел фонарь. Дверь оказалась запертой, и Гильданову пришлось крепко постучать, прежде чем она отворилась. Показалось заспанное лицо солдата:

— Чаво озоруешь, пошел...

На Викентия пахнуло крепким перегаром. Солдат хотел, видимо, еще и выругаться как следует, но успел все же разглядеть блеснувшую в темноте кокарду на фуражке Гильданова и вытянулся в стойку:

— Никак нет, вашескородие! — невпопад выпалил он, с трудом удерживаясь в позе.

— Дурак, болван, что «никак нет»? — Капитан Гильданов вылил на него всю накипевшую в дороге злость.

— Никого нет, вашескородие,— поправился солдат.— А где господа офицеры — не могу знать, оне не докладают.

Гильданов обернулся. На улице — мрак и дождь. Он отпихнул солдата и прошел в подъезд.

— Казармы далеко отсюда? А ну ступай туда и приведи кого-нибудь из младших офицеров! Да пошевеливайся, истукан!

Через полчаса прискакал какой-то молоденький офицерик. Он сразу сообразил, в чем дело, отдал Викентию своего коня, сообщив адрес, по которому рекомендовал справиться о полковнике Злобине.

Начальник контрразведки, оказывается, гостил у городского головы. Осадив взмыленного коня у двухэтажного каменного дома, Гильданов поднялся по скрипучей лестнице, толкнул в сумраке дверь и попал в пропахший кухней коридор.

В комнате за столом сидели и пили водку хозяин дома и Злобин. «Нашли время, сукины сыны»,— подумал Гильданов. Хозяин поднялся, весь потный, в старой фуфайке:

— Милости прошу! Пожалуйте рюмочку, с дороги-то хорошо пойдет.

Гильданов с жадностью ел, мало прислушиваясь к тому, что говорили хозяин и Злобин. Насытившись, он откинулся на спинку стула, выпил еще рюмку и закурил.

— Как ни тяжело наше положение, но мы не одни,— говорил полковник.— За нами стоят японцы, американцы. На юге России — генерал Деникин. Еще не все потеряно.

— Да поможет нам господь бог всемогущий,— дрожащей рукой хозяин дома разливал из графинчика водку.

Чокнулись за твердую власть в России и опрокинули рюмки.

— А я вас с собой заберу,— глядя на хозяина, сказал Злобин.— Считайте, что Ишим уже у красных. Нам его не удержать. Вы человек набожный, будете вербовать новых добровольцев, если, конечно, они еще способны будут спасти нашу родину.

Полковник захмелел, разоткровенничался и стал развивать «теорию» патриотизма:

— Весь путь добровольчества — это путь развития религии и защиты ее от большевиков. Посему вербовку надо производить в церквах. Понятно? Надо, например, всем внушать, что мусульмане Сибири решили идти в добровольцы, ибо Коран осуждает большевизм. Да, да, не улыбайтесь! Я таким вот образом уже собрал около двухсот человек. Видели бы вы их! По глазам прочел — пришли по убеждению. Если бы таких мы получили десятки тысяч, то песенка красных была бы давно спета. Горе в том, что Сибирь больше не могла дать. Больше таких нет и не будет.

Полковник еще раз выпил. Прищуренные глаза его помутнели, сделались красными.

— Все, что мы именуем душевным подъемом,— продолжал он,— связано исключительно с благоприятными известиями с фронтов. Но разве это душевный подъем? Скажите мне, что это такое? Это радость трусливого поганыша...

Гильданов с удивлением слушал Злобина. Он не представлял себе раньше, чтобы этот холеный, подтянутый человек, казавшийся беспредельно преданным России и никогда, как думал Викентий, не сомневавшийся в победе над красными, мог так пессимистически рассуждать.

— ...Поганыш дерет глотку, вопит за Русь-матушку. А почему? Потому, что кто-то отделяет от него все жупелы красного нашествия, прогоняет все связанные с ним грозные призраки и дает возможность продолжать свое спокойное существование на манер навозного жука. Вот так-то, господа! А если на фронте дела плохи, как сейчас, тогда что? Что — я вас спрашиваю! Вы ощущаете этот душевный подъем? Черта с два! Вы обороняетесь и злобствуете. У вас нет другого выхода. Одна злость на всех и на все. А на обывателя тем паче рассчитывать нечего. Он и гроша не даст. Надежда только на армию. Только она одна может спасти Россию!..

— А на фронте неужто так уж худо? — перебил городской голова.

— Хуже и быть не может. Конница как-то замялась. По вчерашней сводке ей следовало бы громить красные тылы, а об этом нет донесений. Красные

дерутся очень упорно и все время прут на нас, особенно на армию Пепеляева. Наша южная армия разрезана и перестала существовать как воинское соединение. Да, господа, потеря восточного Приуралья лишила нас огромных хлебных и фуражных заготовок. Положение, между нами говоря, швах. Все довольствие армии держится на запасах Сибири.

— Я слышал, что в театр военных действий решено включить весь Омский военный округ,— вмешался в разговор Гильданов.

— Да-с. Как вы понимаете, я об этом слышал еще ранее. Неделю назад был на докладе у Колчака, и тогда... Как все это противно, господа! Удивительные мы люди. На фронте тяжело, тыл пылает восстаниями, а в это время наши министры убивают время на обсуждение вопросов самой отвлеченной материи: часами на заседаниях пережевывают общие принципы реквизиции...

— Да чего уж тут обсуждать,— оживился хозяин дома.— Надо бы делать так, как и при государе делалось...

— Видели бы вы нашего верховного правителя...— не обращая на хозяина внимания, продолжал Злобин.— Адмирал усталый, вечно озабоченный. Немудрено! Дела-то далеки от того, что ожидалось. Резервы исчерпаны...— Полковник сделал паузу.— Надеюсь, я говорю с порядочными людьми и вы не станете болтать. Резервы кончились, а пополнений нет. Так-то! Ставка гонит на фронт кучи новобранцев, не прошедших и недели обучения. Капитан имеет удовольствие ими командовать. А наши высшие чины в армии не понимают, что такие солдаты не усиливают войска, а ослабляют их. Давайте, господа, выпьем еще по одной и перейдем к делу, капитан. Я утром должен уехать, у вас тут останется уйма дел.

Они допили остаток водки, и полковник бесцеремонно попросил хозяина дома оставить его наедине с Гильдановым.

— Я выбрал вас, капитан, из сотен наших офицеров потому, что вы сообщили о себе правду. Мы имеем о вас теперь уже полные сведения, и я вам доверяю.— Злобин развалился на тугом плюшевом

диване, ворот его френча был расстегнут.— Речь идет о совершенно секретном, повторяю, совершенно секретном деле.— Полковник привстал, прикурил папиросу и опять развалился.— Неудачи на фронте заставляют пойти на один, я бы сказал, деликатнейший шаг. Мы должны срочно эвакуировать политических заключенных. Колчак обо всем договорился с атаманом Семеновым, в его вотчине есть захолустный городок — Троицкосавск. Это там, где-то на самой границе с Монголией. Городок вдали от железной дороги и крупных поселков — тишь и благодать. Охраняется он японским отрядом и казачьим дивизионом атамана Семенова. Правая рука атамана — управляющий Забайкальской областью Таскин готов принять арестантов. Вы все поняли?

Гильданов пожал плечами.

— Не поняли? Ну хотя бы о том, что об этой операции надо держать язык в одном месте, вы, вероятно, догадались? Слава богу, уразумели! Покорнейше благодарю. А теперь постарайтесь уяснить и другое: вам доверяется часть операции. Из ишимской тюрьмы надлежит вывезти всех большевиков. Причем надобно убрать их срочно, да так, чтоб комар носу не подточил. Без шума и лишних разговоров. Кого не успеете эвакуировать — ликвидируйте. У вас будет хороший помощник — сотник Соломаха. Он уже тут. Я его вызвал из Троицкосавска. Отчаянный малый. Дело свое знает и рук испачкать не испугается. Теперь все ясно? К эвакуации приступайте с утра. Торопитесь! Боюсь, как бы красные чего не пронюхали. Офицер, посланный мной к генералу Коппелю с секретным приказом, пропал без вести. Ночуйте в управе. Там есть диваны, по крайней мере топят,— не то что в казармах. Желаю удачи!

Гильданов вышел на улицу. Застегнул на все пуговицы насквозь промокшую шинель, отвязал коня. Дождь продолжал лить как из ведра. Мысли у Викентия были невеселые. Он почему-то вдруг вспомнил Веру Николаевну и подумал, что, может быть, действительно было бы лучше сдаться тогда чекистам. «А, черт...» — он выругал себя, хлестнул застоявшуюся лошадь.

РАСПЛАТА

Полки Красной Армии, переправившись через Тобол, находились уже почти в пятидесяти километрах от Ишима, а передовые части и того ближе.

Эпидемиологический отряд Попова на всем пути следования помогал местным жителям в борьбе с эпидемией тифа. В деревнях и селах организовывались летучие лазареты. Нередко Попову самому приходилось задерживаться на несколько дней, а то и на недели в какой-нибудь затерявшейся среди тайги деревушке, потом догонять свой эшелон. Он шел в наиболее опасные места — за Тюмень, где разыгралась жестокая эпидемия сыпняка.

Командование дивизии, получив от Леона Христофоровича секретные документы, найденные у погибшего офицера, решило освободить заключенных, томившихся в ишимской тюрьме. Сделать это было, разумеется, трудно, да и рискованным казался всем намечавшийся рейд в тыл врага.

Ишим колчаковцы обороняли со всех сторон, кроме восточной. Прорваться через фронт какому-нибудь отряду было немыслимой затеей. Оставался один выход: незаметно пройти с тыла, перебить охрану тюрьмы, выпустить узников и тут же скрыться.

В штаб дивизии пригласили чекиста Михаила Сажина. Он одобрил план. Тогда в его распоряжение передали двадцать добровольцев. Их переодели в шинели с погонами колчаковских войск, и Сажин ночью повел через тайгу свой отряд к Ишиму. Продвигались окольными путями, забираясь подальше от населенных пунктов и дорог, стараясь никого не встречать на своем пути.

Ночью шел дождь со снегом, лошади с трудом пробирались через тайгу. На рассвете отряд выбился к огромному пустырю, а за ним в сером тумане уже маячили неясные силуэты города. Сажин вывел конников на дорогу, и отряд поскакал к Ишиму.

На окраине города Михаил увидел, как по одной из улиц проходил строй, за ним волочились орудийные упряжки. Строй быстро удалялся, и Михаил решил, что этих солдат срочно бросали к линии фронта.

Потом проехали какие-то телеги, пробежали еще солдаты.

Конники были уже в городе. Мелкой рысцой отряд приближался к водокачке. Сажин думал разузнать там у кого-нибудь, где находится тюрьма.

На перекрестке улицы показалось трое солдат. С ними был высокий офицер. Они повернули и пошли прямо навстречу переодетым красным бойцам.

Сначала Сажин решил не обращать на них никакого внимания, проехать с независимым видом. Но что-то все-таки заставило его посмотреть на офицера. Тот шел широким шагом, зябко поеживаясь в шинели. От неожиданности встречи Михаил даже натянул поводья. Лошадь послушно встала, а офицер поднял на Сажина глаза. Взгляды встретились. Михаил и Гильданов, конечно, узнали друг друга.

Их разделяло не более пятидесяти метров. Нужно было принимать решение. Михаил понимал, что его отряд может тут же разделаться с Гильдановым и его солдатами. Но тогда стрельба привлечет внимание колчаковцев, и ни о каком спасении заключенных думать уже не придется. Да и самим вряд ли удастся спастись. Но, может быть, поговорить с Гильдановым, постараться внушить ему, что он, Михаил Сажин, перешел вместе с двадцатью конниками на сторону Колчака? Не поверит!

Прошло несколько секунд, показавшихся Сажину вечностью.

Гильданов схватился за кобуру, и Михаилу стало ясно, что его операция провалилась. Нужно как можно скорее укрыться в тайге. Он круто развернул коня и, крикнув: «За мной!», пустился назад. Вслед прогремели выстрелы. Кто-то из конников, выпустив поводья, свалился с лошади. Отряд свернул в первый же переулок и на полном ходу понесся прочь из города.

Михаил не мог простить себе, как ему казалось, совершенной ошибки: нечего было раздумывать, ждать, пока Гильданов первым начнет стрелять. «Ведь не такой он дурак, чтобы не воспользоваться случаем и не схватить меня»,— с досадой думал Сажин. Он злился на свою нерасторопность, но больше

всего его терзала мысль, что теперь никто не сможет спасти заключенных.

Бойцы гнали лошадей изо всей силы. Первое время им казалось, что их никто не будет преследовать. Не было слышно ни выстрелов, ни погони. Сажин даже решил зайти поглубже в тайгу, переждать там несколько часов, а потом вновь попытаться проникнуть в город. Но вот опять раздались выстрелы, и вдали, на изгибе дороги, все увидели мчавшийся им вдогонку конный отряд. Колчаковцев было много. «В три, а то и в четыре раза больше, чем нас»,— прикинул Михаил. Он повел своих бойцов тем же путем, каким они шли к Ишиму,— через тайгу. Сажин надеялся, что в лесной чащобе ему удастся сбить преследователей со следа.

Погоня продолжалась уже более часа. Лошади взмокли, тяжело дышали. Но противник не отставал. Гильданов развернул своих всадников, те, заходя с флангов, наседали на красных бойцов.

Сажин вспомнил, что скоро будет огромное поле. Выйти на него — значило подставить себя под пули. Михаил резко развернул бойцов влево. Они спустились в лощину, и колчаковцы на некоторое время потеряли их из виду. Так и скакали вдоль лощины, пока не столкнулись чуть ли не в лоб с левым крылом гильдановского отряда. Но тут преследователей оказалось не так уж много. Бойцы Сажина, открыв на ходу огонь, повернули в сторону от поля и стали быстро отрываться от противника.

Лошадей они загнали вконец. Казалось, у них вот-вот иссякнут последние силы и ничто не заставит их двигаться дальше.

Лес стал редеть, впереди блеснула дорога. Михаил вдалеке заметил всадника. Потом показался второй. Сажин напряг зрение и увидел, что на головах у них шапки-буденовки.

— Наши, наши! — закричал он бойцам.— Сдирайте погоны, быстрее!

Отряд выскочил на дорогу. Сажин поскакал вперед, размахивая на ходу рукой.

— Стой, слезай с лошади! Брось оружие! — услышал он. Бойцы в буденовках держали на прицеле винтовки, из кустов выглядывал пулемет.

Михаил спрыгнул на землю и с поднятыми руками побежал по дороге.

— Сажин?! — окликнул боец, лежавший за пулеметом. Он выбежал Михаилу навстречу.— Откуда здесь?

Это были дозорные Минского полка, в котором раньше служил Сажин. Полк прибыл из Белоруссии, вместе с другими частями Красной Армии шел от Урала по Сибири и сейчас наступал на Ишим.

Не успел Михаил досказать всю историю, как из леса выскочили колчаковцы.

— Давай к нашим! — крикнул знакомый Сажина одному из бойцов в буденовке.— Я прикрою! — И тут же взялся за пулемет.

Завязался бой. Колчаковцы, оправившись от неожиданного удара, спешились, рассредоточились в лесу. Но тут подоспел конный отряд Минского полка и с ходу ринулся в атаку, стал теснить противника в глубь тайги.

Гильданов, перепуганный, метался по лесу, стараясь незаметно скрыться. Увидел бежавшую без седока лошадь. Поманил ее, поймал за болтавшийся поводок, вскочил в седло и поскакал в сторону от лесного массива, к дороге. Михаил заметил его. Выстрелил. Гильданов упал с коня, перевернулся. Но тут же вскочил на ноги и бросился бежать.

— Не стрелять! — приказал Сажин.— Возьмем живым!

Михаил с двумя бойцами кинулся за Гильдановым. Отстреливаясь, тот убегал. Вот он метнулся вправо и скрылся в чащобе молодого ельника.

Сажин остановился. Гильданова не было видно. Поднявшись вместе с бойцами на вершину холма, Михаил вдруг увидел его. Тот находился уже далеко. Фигура то исчезала в зарослях камышей, то вдруг опять выныривала. Гильданов взмахивал руками, с трудом вытаскивал ноги из вязкой болотистой почвы.

— Не выбраться ему из этого болота! — и молодой боец, веснушчатый парень, махнул рукой.— Хана!

Сажин с бойцами повернул назад. А Гильданов продолжал карабкаться к берегу, с отчаянием хватался за упругие камыши. Он сам, видимо, уже

потерял надежду на спасение, как вдруг почувствовал под ногами твердую почву. Последним усилием воли заставил себя сделать еще несколько шагов. Наконец выбрался из тины и повалился на землю.

Так он пролежал, наверно, не менее получаса. Когда открыл глаза, солнце уже стояло в зените. Но он не чувствовал тепла. Его сильно знобило. Посмотрел вокруг — на траве кое-где лежал рыхлый, мокрый снег. Приподнялся. По косогору, спешно удаляясь в тайгу, шли всадники. Викентий обратил внимание на их широкие шаровары, выбивавшиеся из-под сапог, низко опущенных «гармошкой». «Свои!» — Сердце его затрепетало.

— Помогите! — Гильданов силился подняться, но ноги не слушались.— Помогите!

Всадники остановились.

— Глянь, Петр, что там за человек.— В седле сидел Егор Филиппов. Он нехотя указал сыну в сторону камышовых зарослей.— Да побыстрее!

Петр тронул коня и рысцой спустился с косогора. Метрах в десяти от Гильданова остановился.

— Ты, Петр? Как хорошо! Подсоби к тебе на седло.— Викентий приподнялся на колени и хотел было встать на ноги.

В этот миг раздался выстрел. Гильданов осел и выпучил глаза на Петра. Тот еще раз выстрелил. В упор, в эти молящие о помощи глаза. Гильданов съежился. По тайге разнеслось эхо третьего выстрела.

Петр повернул назад и пристал к своему отряду.

— Кого ты там? — Егор на ходу обернулся.

— Марьиного зятя!

Петр хлестнул коня, и вскоре всадников уже не было видно на косогоре. Еще один разбитый колчаковский отряд отступал через тайгу к Ишиму.

ИШИМСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Ишим, казалось, проснулся после долгой спячки. Люди перестали бояться выходить на улицу, собирались возле дворов кучками, обсуждали свои дела, спорили. А части Красной Армии уже продви-

гались с боями к Омску. Истрепанная, изрядно битая колчаковская армия спешно отступала на восток. В ней остались в основном офицеры, добровольцы и небольшое число казаков.

Леон Христофорович и Сажин шли по улице. Возле одного из домов они услышали обрывок разговора.

— Вот убей, не пойму, чего это они не замирятся с большевиками? — бойко выговаривала молодая женщина, укутанная в платок.

— Мужики-то замирятся. Аниськин свекор давно уж в деревню утек. А казаки — те лютовать не перестанут...

— Нешто всем казакам убивать людей хочется? — перебила молодая женщина.— Скажешь еще! Воюють какие казаки? С богатых хуторов. Им все нипочем. И так, и эдак плохо. Остальные, вот те крест, по доброй воле не пошли бы. Принудили!

Леон Христофорович и Сажин невольно замедлили шаг.

— Вот, брат, какие настроения! Слыхал? — Попов посмотрел на Михаила.— Правы они: лютуют казаки. Но не все. Богатые. Понимают, что под ними горит земля.

Попов и Сажин шли из городской тюрьмы. Страшных вещей навидались они там. Отступая, колчаковцы уничтожили всех заключенных.

В одной из камер Сажин нашел предсмертное письмо безымянного коммуниста. Михаил прочитал это письмо Попову, когда они вышли из тюремного двора: «Я умираю на заре нового дня, не изведав плодов своих рук. Но не для себя я работал, как мог, как умел. Мир обновится, я знаю: старый мир рушится, обломками убивая нас. Но нас много. Все новые и новые силы идут под красные знамена. А как хочется жить, как хочется трудиться за идеалы человечества! Но судьбе было угодно бросить жребий на меня, и я пойду на смерть с верой в завтрашний день, завещая оставшимся не месть, а борьбу...»

Когда Михаил закончил читать, на глазах у него показались слезы. Он вспомнил, как шел со своим отрядом к Ишиму, как встретил Гильданова. Михаил и сейчас был уверен, что это по его нерасторопности и несообразительности провалилась тогда операция.

Сажин шел, понуря голову, прячась в воротник от ветра.

Попов разгадал его мысли:

— Ты все о том же — о встрече с этим прохвостом? Выбрось Гильданова из головы. Пойми же! Ни один из нас не застрахован от случайностей...

— Это так. А люди погибли.— Михаил еще был под впечатлением увиденного в тюрьме и прочитанного письма. Всю оставшуюся дорогу до госпиталя он молчал. Леон Христофорович также шел молча. И ему с трудом удавалось сдерживать волнение...

В Ишим прибыл не весь отряд Попова. Часть его осталась на узловых станциях, в крупных поселках. Там были организованы противотифозные лазареты. В Ишиме же, в здании бывшей бурсы, развернули сыпнотифозный госпиталь.

На улице крутила метель, колючий снег слепил глаза. Попов вспоминал, каким он застал Ишим, когда в город прибыл его эшелон. Чуть ли не на каждом шагу — на домах и заборах — встречал он обрывки листков. Это болтались остатки приказов, расклеенных в городе по указанию колчаковского генерала Пепеляева. По любому поводу он угрожал жителям расстрелом: за разговоры о наступлении красных, неповиновение офицерам и непочтительное отношение к ним, за утайку хлеба, зерна, картофеля...

В первый же день Леону Христофоровичу рассказали, как колчаковцы перед отступлением грабили город. Солдаты обошли все дворы. Лазили в чуланы, погреба, амбары. Потом из города пошли вереницы подвод с наворованными продуктами.

Жители Ишима бесконечно рады были освобождению, вечерами собирались друг у друга, развлекались, стараясь навсегда забыть страшные дни. По поводу таких встреч Ишимский уездный революционный комитет издал даже специальный приказ. Познакомившись с ним, Леон Христофорович сначала улыбнулся. Уж очень косноязычно был он написан. Однако, поразмыслив, понял всю тяжесть создавшегося в городе положения. Приказ он запомнил чуть ли не наизусть и сейчас, направляясь в госпиталь, про себя повторял слова: «Ввиду разрастающейся эпидемии тифа, в целях предотвращения граждан от

возможного заражения таковым, с объявлением настоящего приказа прекращается в городе Ишиме устройство вечеров с танцами...»

В Ишиме уже работала чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом. Попов дал также указание, чтобы в больницах увеличили число коек. Санитары проводили во многих домах дезинфекцию, жителям выдали мыло, вновь заработали бани. Но болезнь все же продолжала косить людей, голод был ей подспорьем.

Противотифозная сыворотка, которую тогда, в бою под Челябинском, удалось спасти, кончалась. Вчера Леон Христофорович связался по телеграфу с Москвой, просил срочно прислать лекарства. Сегодня он ждал ответа. «Когда вышлют, сколько?»

Леон Христофорович проводил Сажина до дверей своей комнаты, а сам пошел в госпиталь. В коридорах, заставленных койками, сильно пахло карболкой и еще чем-то едким и горьким. Бледные, измученные больные лежали неподвижно. Они только чуть поворачивались в сторону Попова, бросали умоляющие взгляды, протяжно вздыхали.

За утро, которое он отсутствовал, поступило много новых тяжелобольных. Попов сам осмотрел каждого, проверил, какие выписаны им лекарства. Потом старшая сестра передала ему телеграфное сообщение из Москвы.

— Так, хорошо. Очень хорошо! — Обрадованный, взволнованный, Леон Христофорович смотрел на Лидию Ивановну.— Будут лекарства!

Вечером он провожал Сажина. Они пришли на вокзал, воинский эшелон был уже готов к отправке. На перроне никого не было. Только возле паровоза стояли несколько бойцов в длинных шинелях и буденовках и с ними плотный военный в тулупе.

Попов обнял Михаила:

— Ну, до встречи! Теперь уже недолго ждать победы.

Паровоз свистнул, состав вздрогнул, качнулся и, медленно набирая скорость, пошел на восток. Попов махал ему вслед рукой, а сзади него, поеживаясь от холода, подняв над головой зеленый флажок, стоял железнодорожник.

ВСЕ МЕРЫ ПРОТИВ ЭПИДЕМИИ

В декабре ударили сильные морозы. Окна заиндевели, наросли льдом. Уже с самого раннего утра над Ишимом поднималось легкое белое облако. Оно то застывало на месте, то, гонимое ветром, тянулось в сторону, ползло вверх и таяло в холодных, ярких лучах солнца. А дым из печных труб продолжал валить до самого вечера, образуя все новые и новые облака. В такие морозные дни воздух, казалось, пахнул подгоревшей березой, и Попов с наслаждением дышал им.

Он купил себе шапку-ушанку и, выбрав немного времени, прогуливался по улицам. Но таких минут, к сожалению, было крайне мало. Между тем прогулки бодрили его, успокаивали нервы, приводили в порядок мысли.

Ему некогда было даже читать Машины письма. Он читал их на ходу, мысленно переживал все, что она писала. А письма утешений не приносили. В Москве тоже голодно и холодно. Леон Христофорович знал, что денег у Маши немного, их с трудом хватало на питание. Однако она уверяла его, что в доме все есть. Только вот скучает по нему, и не одна, а еще и десятимесячный Андрюшка. В последнем письме Маша прислала фотографию сына, просила обратить внимание на его пухленькие и, как она утверждала, розовые щечки. Пережили прошлую нелегкую зиму, писала Маша, переживем и эту. Чувствовалось, она очень нервничала, боялась за Леона, советовала быть осторожней с этим опасным, проклятым тифом. Напоминала о его сильной простуде, которую он заработал при поездке с продотрядом, велела одеваться теплее.

Но все эти последние строки он, как правило, пробегал наспех, улыбаясь, подшучивая над женой. Леон Христофорович забыл и думать о какой-то там простуде, не собирался кутаться, чувствовал себя хорошо. Вот уставал только, не высыпался.

Больные в госпиталь поступали днем и ночью. И он работал сутками. Бывали дни, когда умирало сразу до двадцати, а то и более человек. Их трупы увозили далеко за город, там сжигали. Леон Христо-

форович не находил себе места. Он вновь и вновь отправлял в город санитаров. Они ходили из дома в дом, проводили дезинфекцию. Попов потом шел за ними следом, иногда находил, что требовалась повторная дезинфекция, возвращал людей обратно.

Недели три назад Попов разговаривал с председателем Ишимского уездного комитета партии Илаховым, просил его срочно собрать коммунистов.

— Нужно создать в городе санитарные посты,— убеждал Леон Христофорович председателя уездкома.— Без помощи нашего актива мы ничего не добьемся. Есть и другой важный вопрос. Надо немедленно строить бани. Хотя бы еще одну! Не будет бань — пропадем. Эпидемия всех нас заберет на тот свет.

— У нас и мыло на исходе.— Илахов насупил брови и как-то раздраженно почесал затылок.— Может быть...

— Если нет мыла, то хотя бы мочалками обеспечить население,— перебил его Попов.— Договоримся со стариками, женщинами, пусть они наделают этих мочалок... Из чего угодно, только бы делали. А баню нужно строить срочно. Она наше лекарство. Мы, коммунисты, обязаны принять все меры!

На следующий день в уездкоме собрался партийный актив. Предложение Попова поддержали. В городе создали санитарные посты, началось и строительство бани.

Каждое утро Леон Христофорович уходил теперь к площади, где раньше находился базар. Ряды его были пусты, снег запорошил их чуть ли не доверху, и никто сюда уже давно не заглядывал, разве лишь галки да вороны слетались иногда по привычке.

Рядом с базаром поднимался сруб. Леон Христофорович заберется на плотничий настил, убедится, что дела идут хорошо, постоит минуту-другую — уж очень здорово пахнет на морозе свежей сосной,— а потом возвращается в госпиталь. Как правило, Попов сам принимал всех новых больных, каждый день делал по два, а то и по три обхода. Ежедневно вел учет заболеваемости в городе, часто выезжал в лазареты, оставленные им на узловых станциях

и в деревнях, запрашивал губздравотдел. По статистике Попова, заболеваемость шла на убыль. Правда, очень, очень медленно. Но все-таки эпидемия сокращалась. И он радовался этим успехам, хотя в Москву посылал только цифры и никаких комментариев к ним.

Попов радовался и другому. Дела на фронтах шли хорошо, в Ишиме об этом только и говорили. Каждый толковал по-своему, но, как бы ни пересказывались фронтовые события, ясно одно: Красная Армия наступает.

Леона Христофоровича часто навещал старший фельдшер госпиталя Василий Перминов. Он был уже в годах, носил коротко остриженную бородку, выделялся высоченным ростом. Кто-то в шутку прозвал фельдшера «верстой», и в госпитале почти все так и называли его.

Перминов был из местных. Злые языки поговаривали, что он вроде бы хотел уйти из города вместе с колчаковской армией, но просто не успел и теперь вот «продался» красным. Леон Христофорович не верил этим слухам. Он знал, что Василий Перминов не питал любви к большевикам, но зато и не был их врагом. Скорее всего, как полагал Попов, он принадлежал к числу «заблуждающихся», «ищущих», неясно представлявших, что же, в сущности, происходит в России. Оттого у фельдшера и путаные взгляды на политику большевиков. Что же касается Колчака, то Перминов не раз говорил о нем: «Жестокий и недалекий человек».

Когда на этот раз Перминов зашел к Попову, тот сидел за небольшим столиком и что-то писал. В комнате было прохладно, и Леон Христофорович обулся в валенки, накинул на плечи телогрейку.

Перминов выложил на стол кусок сала, аккуратно завернутый в белую тряпочку, две головки чеснока:

— Вы обедали?

— Кажется, да! — у Попова было хорошее настроение, он даже обрадовался приходу фельдшера.— Что новенького в палатах?

— Все старенькое. Давайте-ка лучше перекусим. Потом уже о делах. Разрешите, я на кровать присяду?

Кровать была очень узкой. Леон Христофорович подпилил ее, поставил на небольшие козлы, чтобы только втиснуть в свою комнатенку стол, стул и тумбочку.

— Как поживаете? — спросил Перминов.— И откуда у вас силы берутся? Семья за тысячу верст, питаетесь кое-как, а когда все это кончится, даже самому господу богу неизвестно.

— Богу, может, и неизвестно, а я вот знаю — скоро!

Перминов с хрустом откусил дольку чеснока:

— А что, если Колчак вернется и опять за Урал перевалит?

— Этого не произойдет. Не может произойти. Сил у него не хватит. Ну, сами посудите. Крестьяне с ним больше не хотят знаться. Они за нас. Ведь только большевики могут дать им землю. А Колчак их разоряет, грабит. Что же касается рабочих, то тут никаких сомнений нет. Видели бы вы, как они помогали нашей армии в боях за Челябинск!

— Я видел и другое. Рабочие, которые, как вы утверждаете, во всех странах соединяются, камнями забросали однажды волостное управление. Все вдребезги перебили. Останутся они у власти — все разрушат.

— Конечно, если человека сызмальства унижать, оскорблять, заставлять с утра до ночи работать, то он не только камнями себя начнет защищать. Он возьмет в руки оружие. Встаньте-ка на его место! Как бы вы поступили?

— Но зачем же все ломать?

— А что ломают рабочие? Они сломали старый строй. Теперь создают новый. Вы читали когда-нибудь работы Ленина?

Перминов покачал головой.

— Советую почитать. Я вам кое-что подберу. У меня тут в тумбочке небольшая библиотечка. Так вот, Владимир Ильич всех нас убеждает, что только рабочий класс может построить свободное от эксплуататоров общество. Только рабочий класс может привлечь на свою сторону и крестьян, и всех трудящихся, какой бы национальности они ни были. Их союз — огромная сила, и перед этой силой не

устоят ни буржуазия, ни всякие там деникины и колчаки. И, как видите, не устояли. Возврата им нет и не будет.

— Вы верите в это?

— Разумеется. Я всю жизнь верил в нашу пролетарскую революцию. А теперь, когда она свершилась, как же мне не верить, что мы добьем врага, создадим первое в мире социалистическое государство! Ради этого, друг мой, стоит жить.

— В жизни, конечно, надо во что-то верить, иначе жизнь становится пустой...

— Верить надо не во «что-то»! — Попов сбросил с плеч телогрейку, скрестил на груди руки, взгляд его был возбужден. Казалось, даже ощетинились его густые черные брови.— Нет ничего страшнее слепой веры. Человек может превратиться в безудержного фанатика и натворить что угодно. Вот вы спросили, откуда у меня берутся силы так жить. Знаете, что я вам скажу: мне жить легче, чем вам, у которого здесь и дом, и семья. Почему? Я совершенно четко представляю, ради чего живу, ради чего поступаю так или иначе. Меня вдохновляют, дают мне силы идеи Ленина, нашей партии. На ее знамени могучее емкое слово: «Коммунизм». И все это помогает мне легче переносить личные страдания. У вас же — другое дело. Вы постоянно терзаетесь сомнениями. Они, я вижу, вам не дают покоя. Поверьте: скорее приходите к нашему берегу и вы будете тогда счастливы.

Они около часа вели разговор И только когда к Леону Христофоровичу постучал истопник бывшей бурсы старик Данилыч, Перминов ушел.

Данилыч тоже был частым гостем Попова, обычно приносил запоздавшие новости. Придет, усядется напротив Леона Христофоровича, склонит набок голову, прищурит глаза, чтобы похитрее выглядеть, и спросит:

— Идет молва, что Колчак со своими министрами скоро из Расеи драпать будет. Большевики на Иркутск пошли. Правда?

— Откуда тебе все это известно? — с удовольствием поддерживал разговор Леон Христофорович.

— Откедова? Народ гутарит!

— Правду, Данилыч, говорит народ. А что еще слыхать новенького?

— Под Петроградом красные енерала Юденича шибко побили. Нешто и это правда?

— И это правда. Скоро везде к власти большевики придут.

— Эвона как! Небось и до Тихого океяна дойдут. И там Советская власть будет?

— И там, Данилыч!

Он посидит еще с минуту, покряхтит, покрутит своей пышной седой бородой и, как всегда, скажет:

— Елки-моталки, пора и печи топить. Пакедова!

Следом за ним уходил и Попов. Он выбирался из своей крохотной комнатки, спускался на первый этаж, а оттуда через запасной ход — в госпиталь.

Так вот, в беспрерывных заботах, хлопотах, переживаниях, постоянно недосыпая и недоедая, проводил дни и ночи Леон Христофорович.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Старшая медицинская сестра Лидия Ивановна считалась хозяйкой госпиталя. Она следила за порядком и чистотой, выдавала больным лекарства, отвечала за дежурства остальных сестер и фельдшеров. Когда Леон Христофорович уезжал по делам из города, она принимала на себя все административные заботы. Такой уж завелся здесь негласный порядок, и все ему подчинялись.

В конце первой недели декабря Попов с бригадой санитаров выехал в ближайшие от Ишима деревни. Он часто практиковал такие поездки. «Без профилактики мы не избавимся от эпидемии»,— убеждал Леон Христофорович своих коллег.

Вернулся Попов поздно ночью. Сойдя с поезда, зашел в изолятор, организованный при городском вокзале. Здесь проходили врачебный осмотр все приезжавшие по железной дороге в Ишим.

В изоляторе Леон Христофорович застал одного парня. Он сидел на лавке — скрюченный, небритый,

с воспаленными глазами. Увидев Попова, парень вскочил:

— Пошто не пускают в город? Заарестовали меня, а я здоров!

Появился врач:

— Отказывается принимать лекарство, одежду не сдает. Полушубок жалеет. Но вы посмотрите, Леон Христофорович! Он ведь...

— Да, да. Я вижу,— перебил врача Попов.— Немедленно в госпиталь. И без разговоров! — Леон Христофорович строго посмотрел на парня.— Откуда приехал?

Тот назвал деревню. Попов вспомнил, что ездил туда две недели назад и застал там немало тяжело больных тифом. Он тогда приказал председателю сельсовета запретить выезд людей в соседние села, а тем более в Ишим. Потом он собрал сходку, объяснил всем, как надо бороться с эпидемией, и просил на время карантина в деревню никого не пускать и самим никуда не ездить.

— Зачем же приехал в город? — напомнив парню о карантине, спросил Попов.

— Невеста у меня здесь.

Леон Христофорович записал ее адрес и велел парня тут же отправить в госпиталь.

В этот день уже с утра поступило много больных. Леон Христофорович принимал их сам.

— Вы бы поспали с дороги! — пробовала уговорить его старшая сестра.— Я вызову на прием Якубовича или Чудносветова.

— Якубович ночью дежурил, а Чудносветов вчера весь день вел прием. Я видел, они и сейчас на работе.

— Но вы же не спали!

— Кто это вам сказал? — Попов улыбнулся, а потом сказал серьезно: — Мы солдаты, Лидия Ивановна. Здесь сейчас фронт. Когда победим, тогда и будем отдыхать!

К полудню парню стало худо. Он бредил и с каждой минутой терял силы. Умер на руках Попова.

Леон Христофорович вышел в коридор. Он был бледен, капельки пота собрались на висках. Закурил, поспешил на улицу в зябко накинутой шинели. По-

года стояла морозная, солнечная. Но Попов не обрадовался ей, как прежде. Его вдруг слегка зазнобило, и он вернулся в госпиталь. Сбросив шинель, почувствовал усталость. «С дороги, пройдет,— подумал Леон Христофорович.— Может быть, действительно выспаться?»

Он заглянул в комнату, где обычно собирались врачи, сказал Чудносветову:

— Пойду прилягу.

— Вам нездоровится? — доктор пристально посмотрел на комиссара, начальника госпиталя.

— Да с чего это вы?.. Немного переутомился.

Чудносветов тут же разыскал Лидию Ивановну:

— Срочно приготовьте сыворотку!

— Для кого?

Доктор как-то неловко развел руками:

— Может, мне показалось... Все, знаете ли, одно и то же мерещится. Но он мне не понравился.

— Кто он?

— Попов. Глаза его мне не понравились.

Через несколько минут врач и старшая сестра постучались к Попову. Но Леон Христофорович дверь не отворил. Он спал.

Вечером Чудносветов и Лидия Ивановна вновь пришли к нему. Леон Христофорович сидел на кровати. Глаза были воспалены, его тряс озноб. Попов хотел было одеться и пойти в госпиталь, но его уложили в постель. Кутаясь в одеяло, он сам почувствовал, что ему было бы трудно стоять на ногах.

Попов попросил накинуть на ноги шинель:

— Будет чуточку теплее. Данилыч сегодня не очень-то щедро топил...

Однако в комнате было достаточно тепло. Леон Христофорович знал это, ибо Данилыч не допускал, чтобы печь остывала. Себе же он сказал: «Прости, милый Данилыч. Ты здесь ни при чем. Я просто болен. И знаю чем».

Дверь с шумом отворилась. На пороге стоял Якубович — всклокоченные волосы на широком лбу, в больших роговых очках. Ни слова не говоря, он присел на кровать, взял пульс. Как ни старался Якубович скрыть волнение, как ни пытался прятать от Попова глаза за толстыми линзами очков, у него ничего

не получалось. Леон Христофорович все понимал без слов, и он сам помог своим врачам выбраться из неловкого положения.

— Ну, что вы молчите? Болен. У меня тиф. На фронте ранят пули. Здесь — болезнь,— попытался улыбнуться.— Носы повесили хуже маленьких. Давайте вашу сыворотку!

Ночью поднялась высокая температура, она не спала и на следующий день. Попову становилось все хуже и хуже. Он весь горел, голова раскалывалась, глаза впали. На третий день вдруг закололо сердце.

Возле Попова все время, сменяя друг друга, дежурили Якубович, Чудносветов и Троицкий. На четвертый день рано утром Троицкий прибежал от Леона Христофоровича в госпиталь. Вид у него был растерянный. В одной из палат он нашел Лидию Ивановну:

— Час от часу не легче. Началась пневмония!

Леон Христофорович недвижимо лежал на спине. Бледные, худые пальцы с трудом удерживали небольшую фотографию сына. Он неотрывно смотрел на нее и не слышал, как вернулся Троицкий, как следом за ним вошла Лидия Ивановна, у которой навернулись слезы. Только когда Лидия Ивановна подошла к нему, опустилась коленями на пол, Леон Христофорович с трудом повернул голову, чуть слышно спросил:

— Который сейчас час?.. Как там у вас дела?

Мучительно протекли еще трое суток. Состояние Попова, несмотря на все старания врачей, ухудшалось.

Проездом с фронта в Ишим заехал Сажин. Прямо с вокзала он поспешил к Попову. Пошел, конечно, не домой к нему, а в госпиталь. Все двери были заперты, и Михаил направился в приемный покой. Постучал в окошко, на вопрос: «Фамилия больного?» — ответил, что ему не больной нужен, а начальник госпиталя комиссар Попов. Окошко отворилось. Рыженькая девушка в белом чепце со знаком Красного Креста удивленно посмотрела на военного:

— А разве вы не знаете, что...— и тут же осеклась, закрыла окошко. Михаил услышал, как она

куда-то побежала. Сажин в недоумении остался ее ждать. Какое-то волнение охватило его. Сажина насторожили непонятные, даже странные слова этой девушки: «А разве вы не знаете, что...» Он даже выругал ее.

Через несколько минут она опять показалась в окошке:

— Пройдите к дверям. Я вам открою.

В коридоре Михаила встретил Якубович. Узнав, что Сажин — давний знакомый Попова, он без обиняков все ему рассказал. А потом спросил:

— Не известить ли Марию Ивановну?..

Сажин решил остаться в Ишиме до следующего дня. Ночевал у Якубовича. А рано утром доктора срочно позвали к Попову.

Леон Христофорович тяжело дышал, руки вытянулись, пальцы слегка теребили одеяло, глаза смотрели в одну точку. Он что-то хотел сказать, но не смог. Чуть шевельнулись губы и застыли...

Днем Москва получила телеграмму от председателя Красного Креста третьей армии. Товарищ Дремлюк сообщал: «Скончался от возврат. тифа и воспаления легких председатель Центрокреста Леон Христофорович Попов».

Это случилось 16 декабря тысяча девятьсот девятнадцатого года.

...Леона Христофоровича Попова хоронили на Ишимском кладбище. Сажин стоял в почетном воинском карауле. В его кармане лежало только что пришедшее письмо от Маши. Она сообщала мужу, что сын у них растет молодцом, уже начинает топать по комнате, сама здорова, того же и ему, Леону, желает. Советовала быть осторожным с этим проклятым тифом...

Грянул ружейный залп.

Сажин еще долго стоял у свежей, холодной могилы.

Вскоре он возвращался на фронт. Всю дорогу думал о завтрашнем дне и видел этот день таким, каким представлял его Попов.

Михаил уходил в решающий бой за этот новый, счастливый день.

*   *
*

Прошли десятилетия. Годы посеребрили ели, выросшие на могиле Попова... Но чем дальше бег времени уводит нас, тем зримее революции шаг, сильнее влекут к себе те, кто открыл на земле неповторимый день Весны.

Пришла эта Весна — праздничная, веселая, и

Как будто спала с наших глаз завеса
И новый век пробрезжил сквозь туман.
Так путника, сквозь влажный сумрак леса,
Зовет в иные дали океан.

Тем «путником» стал трудовой народ России, он пошел за партией Ленина, пошел с ней на великую борьбу против тьмы и мракобесия. Народ и партия были едины в этой борьбе.

Партия Ленина вырастила, сроднила и закалила новых людей — одухотворенных, стойких, мужественных. На своих плечах они вынесли лишения тяжелейших лет, трудом своим залечили раны, нанесенные их Родине контрреволюцией.

Коммунист... Слово это звучало особо среди сотен и тысяч других, оно теперь навеки слилось с историей человечества. Коммунист первым принимал удары судьбы — и в окопах, и в тылу, где тоже проходил фронт, свирепствовали заговоры, мятежи, белый террор, голод, болезни. И нынешнее поколение может считать себя счастливым, ибо оно приняло ветвь жизни от тех, кто свершил Октябрьскую революцию и отстоял ее в гражданской войне. Нынешнее поколение гордится делами людей ленинской гвардии. Справедливо поэтому писала «Тюменская правда»: «Жизнь и деятельность Л. Х. Попова стала для наших юношей и девушек примером высокого долга, чистоты и преданности партии...»

Да, годы посеребрили ели на могиле Попова. Но ни годы, ни канувшие в Лету студеные зимы не смогли стереть в памяти людской все то доброе, что сделал для грядущих поколений коммунист Леон Христофорович Попов.

В Ишиме, в том здании бывшей бурсы, в котором когда-то размещался госпиталь Попова, теперь нахо-

дится городское медицинское училище. В одном из его залов оборудован стенд. Он так и называется: «Большевик из Аккермана».

На стенде представлены фотографии, документы, письма. Они воскрешают обаятельный образ неутомимого, смелого революционера-ленинца Леона Попова.

Для Попова не только борьба с тифом была чрезвычайным поручением партии. Всю свою сознательную жизнь он выполнял важные и ответственные партийные задания. Всю! С юношеских лет до последнего трагического дня. И погиб он как солдат революции — на боевом посту.

Дети тех, кто сражался с врагами революции, не забыли о Леоне Попове. Его именем назвали они один из кораблей флотилии «Ленинская гвардия», построенный для Советского Союза рабочими социалистической Польши.

Большое плавание суждено «Леону Попову» — от Азовского и Черного морей до берегов Атлантики. Кто знает, может быть, кому-то из читателей и посчастливится уйти на этом корабле в далекое путешествие. И там, за рубежами нашей Родины, «Леон Попов» гордо пронесет свой красный флаг — символ свободы, счастья.

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСЕГДА С ПАРТИЕЙ

Винокур Борис Ильич

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*

Редактор *В. Н. Светцов*

Младший редактор *Д. В Калько*

Художник *Н. П. Пешков*

Художественный редактор
Г. Ф. Семиреченко

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

Сдано в набор 26 ноября 1973 г. Подписано в печать 5 марта 1974 г. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 11,13 Учетно-изд. л. 10,45. Тираж 100 тыс. экз. А00069. Заказ № 3071. Цена 48 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

48 коп.

БОРИС ВИНОКУР • ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ